

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
“ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ”

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
“КАФЕДРА ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ,
СМЕЖНЫМ, КУЛЬТУРНЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ ПРАВАМ”

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

№ 1-2 (том XXXV)
2020

Москва

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

№ 1-2 (том XXXV) 2020

ISSN 2225347-5

Главный редактор

Федотов М.А. (директор Международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» НИУ ВШЭ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный посол)

Редакционный совет:

Батурин Ю.М. (член-корреспондент Российской Академии наук, Герой Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор),

Близнац И.А. (доктор юридических наук, профессор),

Будник Р.А. (доктор юридических наук, зам. главного редактора)

Войниканис Е.А. (доктор юридических наук)

Гаврилов Э.П. (доктор юридических наук, профессор),

Краснов М.А. (доктор юридических наук, профессор),

Пастухов М.И. (доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь),

Потапенко С.В. (доктор юридических наук, профессор),

Рассолов И.М. (доктор юридических наук, профессор),

Сергеев А.П. (доктор юридических наук, профессор),

Симкин Л.С. (доктор юридических наук, профессор),

Тедеев А.А. (доктор юридических наук, профессор),

Шаблинский И.Г. (доктор юридических наук, профессор),

Шахрай С.М. (доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации).

Почётные члены Редакционного совета:

Dr., Prof. Adolf Dietz, Dr., Prof. Peter Maggs,

Dr., Prof. Angelika Nussberger

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
КАФЕДРЫ ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ,
СМЕЖНЫМ, КУЛЬТУРНЫМ
И ИНФОРМАЦИОННЫМ ПРАВАМ

**№ 1-2
Том XXXV**

Москва
2020

Научный журнал «Труды по интеллектуальной собственности»
зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи
и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-45963 от 15 июля 2011 г.
ISSN 2225-3475.

Учредитель и издатель:
АНО «Творческий Центр ЮНЕСКО», г. Москва

Адрес редакции и издателя:
109028, Москва, Б.Трехсвятительский пер., 3;
тел.: +7495-772-9590 # 23017; email: mfedotov@hse.ru
www.unescochair.ru

Издается с 1999 г. (бюллетень «Труды по интеллектуальной собственности»
зарегистрирован Госкомпечати России 28 мая 1999 г.,
Свидетельство № 018878). Журнал посвящен актуальным
проблемам авторских, смежных, культурных и информационных прав, правового
регулирующего киберпространства, правового обеспечения развития технологий
искусственного интеллекта.

Плата за публикацию материалов в журнале
не взимается ни в какой форме. Все представленные материалы
в обязательном порядке проходят научное рецензирование.
Перепечатка материалов против воли правообладателей запрещена
в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ.

В соответствии с Соглашением между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ
об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и
информационным правам от 07.08.2020 авторы статей, опубликованных в научном
журнале «Труды по интеллектуальной собственности», несут ответственность
за выбор и представление мнений, которые не обязательно совпадают с мнением
ЮНЕСКО и не являются мнением Организации или Кафедры ЮНЕСКО.

При подготовке журнала использована СПС «КонсультантПлюс».

Подписные индексы:
Объединенный каталог «Пресса России» - 11287

© Составление. Составление. Кафедра ЮНЕСКО по авторскому
праву, смежным, культурным и информационным правам, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

12.00.00. Юридические науки

ИНФОРМАЦИЯ. КИБЕРПРОСТРАНСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

<i>Потапенко С.В.</i> Открытость и гласность судопроизводства в свете Концепции информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы	5
<i>Федотов М.А.</i> Административная амнистия: правовая природа, история, перспективы	18
<i>Aleksei G. Deineko</i> Anonymity as the inherent nature of Cyberspace	49
<i>Пешина И.Ю., Шаблинский И.Г.</i> Проблема свободы выражения мнения в решениях ЕСПЧ (в рамках анализа конкретного решения)	67
<i>Шуткин С.И.</i> Возможна ли правосубъектность искусственного интеллекта.....	90
<i>Де Апро С.В.</i> Роль IT-юриста в решении проблем нормативно- правового регулирования Интернета и сетевых СМИ.....	138
<i>Мысловский Е.Н.</i> Возможно ли электронное правосудие?	153

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

<i>Тыцкая Г.И.</i> Условия промышленного и технического развития в России и их отличие от условий в странах Западной Европы.....	164
--	-----

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

<i>Тедеев А.А.</i> Государственный контроль в СССР: сущность и особенности развития	180
--	-----

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

<i>Гейфтер В.М.</i> Послесловие к дискуссии на круглом столе 27 декабря 2019 года	185
--	-----

ABSTRACTS	192
------------------------	-----

CONTENTS

12.00.00. Juridical sciences

INFORMATION. CYBERSPACE. HUMAN RIGHTS

<i>Sergey V. Potapenko</i> Openness and glasnost of legal proceedings in the light of the Concept of Information Policy of the Judicial System for 2020-2030.....	5
<i>Mikhail A. Fedotov</i> Administrative Amnesty: Legal Nature, History, Perspectives	18
<i>Aleksei G. Deineko</i> Anonymity as the inherent nature of Cyberspace	49
<i>Inna Yu. Peshina, Iliya G. Shablinskiy</i> Freedom of expression of journalists: analysis of the ECHR judgment «Skudaeva v. Russia»	67
<i>Sergey I. Shutkin</i> Is legal personhood of AI possible?	90
<i>Sona V. De Apro</i> The role of an IT lawyer in solving the problems of legal regulation of the Internet and network media.....	138
<i>Evgeniy N. Mislovskiy</i> Is E-justice Possible?.....	153

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

<i>Galina I. Tysckaya</i> Conditions for industrial and technical development in Russia and their difference from conditions in Western Europe	164
--	-----

HISTORY OF PUBLIC ADMINISTRATION

<i>Astamur A. Tedeev</i> State control in the USSR: the essence and features of development	180
---	-----

LETTERS TO EDITOR

<i>Valentin M. Geftter</i> Afterword to the discussion at the round table December 27, 2019.....	185
--	-----

ABSTRACTS	192
------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ. КИБЕРПРОСТРАНСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

ПОТАПЕНКО Сергей Викторович

Кубанский государственный университет, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права, член Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ, доктор юридических наук, профессор (350000, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Рашилевская, 43; тел.: +7918-262-4650; email: potapenkosv@yandex.ru)

ОТКРЫТОСТЬ И ГЛАСНОСТЬ СУДО- ПРОИЗВОДСТВА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ НА 2020-2030 ГОДЫ

Ключевые слова: принципы уголовного, гражданского и административного судопроизводства; открытость и гласность судопроизводства; Концепция информационной политики судебной системы.

Аннотация: В основе информационной политики судебной власти лежит ее взаимодействие со СМИ, что находится в неразрывной связи с реализацией принципов открытости и гласности правосудия. В статье проанализированы сходство и различия принципов открытости и гласности уголовного, гражданского и административного судопроизводства в свете Концепции информационной политики судебной системы, что позволило выявить их содержание и особенности, проблемы судебного правоприменения, а также определить пути их решения.

5 декабря 2019 г. Советом судей Российской Федерации одобрена Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы¹ (далее – Концепция). В этом документе российского судейского сообщества нашло отражение его современное видение открытости и гласности судебной деятельности, основанное на конституционных нормах², федеральных законах о СМИ³, об информации⁴, об обеспечении доступа к информации о деятельности судов⁵, процессуальных кодексах в части, касающейся информационных прав, открытости и гласности судопроизводства, постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам открытости и гласности судопроизводства и доступа к информации о деятельности судов⁶.

Одной из важнейших целей Концепции провозглашена «открытость и гласность судопроизводства». Сразу отметим, что это не тождественные понятия, как это иногда утверждается в юридической литературе⁷.

¹ Официальный сайт Совета судей Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.ssrj.ru/news/lienta-novostiei/35630> (дата обращения: 19.12.2019).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. ст. 4398.

³ Федеральный закон от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. № 32, 08.02.1992.

⁴ Федеральный закон от 08 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. № 165, 29.07.2006.

⁵ Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Российская газета. № 265, 26.12.2008.

⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 3.

⁷ См.: Колосович М.С. Современные аспекты гласности судебного разбирательства и деятельности суда // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 2. С. 64

Принцип гласности дает возможность гражданам, не являющимся участниками процесса, присутствовать в открытом судебном заседании и таким образом осуществлять своего рода народный контроль за правосудием⁸. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом (ст. 123 Конституции РФ). Однако по некоторым делам, рассмотренным Европейским судом по правам человека, сделан вывод, что российский суд необоснованно принял решение о проведении слушаний в закрытом режиме⁹.

Внедрение цифровых, информационно-коммуникационных технологий в судопроизводство привело к тому, что содержание принципа гласности, заключавшееся ранее в свободе доступа граждан в залы судебных заседаний, существенно расширилось за счет новых форм его реализации, что позволило обеспечить полноту и достоверность информации о судебной деятельности.

В отличие от гласности в ее процессуальном понимании, открытость судопроизводства — это одно из проявлений публичного отправления правосудия. Открытость судопроизводства распространяется на индивидуально неопределенный круг лиц, на все гражданское общество, которое является управомоченным субъектом правоотношений с судебной властью по поводу открытости правосудия.

Открытость судопроизводства — это судоустроительный принцип, заключающийся в обеспечении

⁸ См.: Гуценко К.Ф. Правоохранительные органы: учебник. 2-е изд., испр. и перераб. М.: КНОРУС, 2013. С. 98; п. 4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 3.

⁹ См., например: Постановление ЕСПЧ от 23.10.2012 «Дело «Пичугин (Pichugin) против Российской Федерации» (жалоба № 38623/03).

доступа к информации о деятельности судов. Кроме того, открытость правосудия можно рассматривать в качестве значимого свойства публичной процессуальной формы уголовного, гражданского и административного судопроизводства, что служит сохранению доверия общественности к судебной системе, поддержанию авторитета судов и верховенства права в гражданском обществе.

Если исходить из утилитарных соображений, то посещение судебных заседаний для большинства людей практически невозможно по причине занятости на работе и т.п. Поэтому только через прессу и судебные интернет-ресурсы многие представители общественности могут узнать о работе судов. Это свидетельствует о том, что правоотношения между судами и гражданским обществом, связанные с открытостью судебной информации, перешли в новую плоскость — цифровую (информационную) среду.

С помощью открытости и гласности правосудия может быть обеспечена действительная справедливость и беспристрастность суда, общественный контроль за деятельностью суда со стороны населения, что является важным условием уважения и доверия общества к судебной власти. В современных условиях реализация принципа открытости правосудия тесно связана с модернизацией судебной системы путем новаторского внедрения интернет-технологий, которые вначале получили название «электронного правосудия», а позже этот термин был заменен на «открытое правосудие». Термин «открытое правосудие» представляется более приемлемым, поскольку он направлен на информационную открытость правосудия для гражданского общества. Открытое правосудие в основном реализуется через судебные веб-сайты, которые отражают многие из соответствующих процедур, документов и информации, важных для многих заинтересованных лиц.

В настоящее время приобрел актуальность вопрос о необходимости предоставления общественного доступа к материалам дел, рассматриваемых в открытых судебных заседаниях, особенно по так называемым резонансным уголовным делам. Как известно, российским законодательством не предусмотрен доступ к материалам дел, рассмотренных в открытых судебных заседаниях, что затрудняет общественный контроль за правосудием, поскольку, если гражданин лично придет в суд и попричастствует в открытом судебном заседании по интересующему его делу, то он реализует свое право на получение информации о судебной деятельности. В других же формах, в том числе с использованием современных информационных технологий, граждане России не могут ознакомиться с интересующими их материалами дел, что может послужить основанием для утверждения об определенной закрытости судебной системы, несмотря на открытость самих судебных процессов.

Для сравнения отметим, что в англо-саксонской правовой системе предусмотрено право заинтересованных лиц на ознакомление с материалами судебных дел (США, Великобритания, Канада), в Европе такое право предоставлено только гражданам Финляндии и Словении»¹⁰.

Американские ученые-юристы утверждают, что судебные системы могут стать прозрачными только тогда, когда судебные дела будут поддерживаться в электронных форматах и общественность получит бесплатный, технологически неограниченный доступ к их содержанию»¹¹. В этом случае, правда, остается

¹⁰ Кавинский И. О необходимости предоставления общественного доступа к материалам дел, рассматриваемых в открытых судебных заседаниях // Портал Закон.ру. https://zakon.ru/blog/2019/8/5/o_neobhodimosti_predostavleniya_obschestvennogo_dostupa_k_materialam_del_rassmatrivaemyh_v_otkrytykh (дата обращения: 14.12.2009).

¹¹ Lynn M. LoPucki. Court Transparency // Public Law & Legal Theory Re-

открытым вопрос о том, как измерить способность системы электронного правосудия поддерживать общественные ценности системы правосудия в целом.

Что касается судов Европейского союза, то там подход к прозрачности правосудия весьма сдержанный. В судах ЕС имеются стандартные ограничения на доступ широкой публики к судебным документам, хотя законодательная власть ЕС ориентирует суды на самый широкий доступ общественности к этим документам¹².

Каждая судебная система в мире должна обеспечивать баланс между транспарентностью и конфиденциальностью¹³. Возможно, в этом коридоре ценностей правосудия нелишним станет право каждого на ознакомление с любыми судебными делами, рассмотренными в открытом судебном заседании.

При этом нельзя не согласиться с тем, что необходимо сохранить принцип открытости правосудия судов без ущерба для неприкосновенности частной жизни, репутации и благополучия лиц, участвующих в судопроизводстве¹⁴.

Информация о деятельности судов играет положительную роль в правовом просвещении общественности, позволяет на конкретных примерах из судебной практики увидеть, что справедливость восторжествовала. На этой основе возникает диалог общества и судов, поскольку, используя свободу выражения мнений, граждане получают возможность публично коммен-

тировать судебные решения, объективно критиковать работу судов.

Возвращаясь к категориям открытости и гласности правосудия, отметим, что речь в этом случае идет о стадии судебного разбирательства и последующих судебных стадий. В досудебных (непубличных) стадиях, например, уголовного процесса, принципы открытости и гласности не действуют. Открытость правосудия касается в первую очередь публичного судебного разбирательства и содержания всех судебных актов.

Далее открытость и гласность правосудия рассматриваются нами как принципы уголовного, гражданского¹⁵ и административного судопроизводства с учетом целей и задач, определенных в Концепции для судейского сообщества.

Само понятие принципа права не содержится в судостроительном и процессуальном законодательстве, однако на доктринальном уровне оно отработано достаточно глубоко и основательно.

Как правило, под принципами права понимаются основные, стержневые начала, основополагающие, руководящие правовые идеи, прямо закрепленные в законе или следующие из его общего смысла¹⁶.

Хотя некоторые ученые-юристы придерживаются такой точки зрения, что любой принцип права должен быть закреплен именно в законе¹⁷.

search Paper. Series Research Paper, 2018. №. 08-08. - P.5-12 (дата обращения: 14.12.2019).

¹² См.: Marios Costa, Steve Peers. Beware of Courts Bearing Gifts: Transparency and the Court of Justice of the European Union. 25 European Public Law, 2019. Issue 3, pp. 403–420 (дата обращения: 14.12.2019).

¹³ См.: Daniel Mitidiero Accountability and Transparency in U.S. Courts // Accountability and transparency in civil justice 273 (Thomson Reuters 2019) <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3294646> (дата обращения: 14.12.2019).

¹⁴ См.: Eric Barendt. Courts, Transparency and Public Confidence – To the Better Administration of Justice // Media Freedom and Contempt of Court pp. 1–11 <https://doi.org/10.4324/9781315091297> (дата обращения: 14.12.2019).

¹⁵ Включая арбитражный процесс.

¹⁶ См.: Алексеев С.С. Теория государства и права: учебник для вузов. 3-е изд. – М.: НОРМА, 2014. С. 215; Кашепов В.П. Преобразование системы принципов судопроизводства при осуществлении судебной реформы // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 138 – 151; Гражданский процесс : учебник для юрид. вузов / под ред. М. К. Треушникова. М., 2001. С. 17; Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу. Москва, 1950. С.25; Административное судопроизводство: Учебник для студентов юридических вузов, факультетов и юристов, повышающих квалификацию. 1-е изд. / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2017. С. 57 (автор главы - В.М. Шерстюк).

¹⁷ См.: Чечина Н.А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1960. № 3. С. 78.

В нашем понимании, принцип права в большинстве случаев закрепляется в законе, но в определенных случаях, как например, принцип диспозитивности, может вытекать из содержания различных правовых норм¹⁸.

Что касается принципа гласности, то этот принцип, в первую очередь, конституционный, носящий межотраслевой характер, хотя Конституция РФ — это закон прямого действия. Гласность либо прямо закреплена в процессуальных кодексах, либо находит в них иное выражение. Нельзя не признать, что нормативное закрепление системы принципов представляет собой их упорядочивание, как это сделано в Кодексе административного судопроизводства РФ¹⁹, ст. 6), где, в частности, нашел отражение принцип гласности и открытости судебного разбирательства.

Уголовно-процессуальный кодекс²⁰ (далее — УПК РФ) также имеет систему принципов (гл. 2 УПК РФ), но открытости и гласности в ней не прописано, хотя положение о гласности²¹ и открытости закреплено в этом кодексе в качестве общего условия судебного разбирательства (ст. 241 УПК РФ).

Конституционный принцип открытости и гласности всеобъемлюще действует только на судебных стадиях уголовного процесса, но от этого он, формально называясь общим условием судебного разбирательства, не перестает быть конституционным принципом — законом прямого действия, в том числе и в уголовном

судопроизводстве. К тому же, отдельные положения о судебном разбирательстве²², отнесены к принципам уголовного судопроизводства. Авторитетными учеными-юристами и судьями поддерживается позиция об отнесении открытости и гласности к принципам уголовного процесса²³.

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации²⁴ (далее — ГПК РФ) нет не только главы, но и статьи с перечнем конкретных принципов. Хотя принцип гласности судопроизводства регламентирован ст. 10 ГПК РФ.

Принцип гласности закреплён и раскрыт также в ст. 11 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации²⁵ (далее — АПК РФ).

Из этого следует, что принцип гласности в полной мере реализуется в гражданском процессе и административном судопроизводстве, поскольку здесь все стадии относятся к судебным. В отличие от этого в уголовном процессе, где имеются досудебные стадии (например, стадия предварительного расследования), принцип гласности действует только в судебных стадиях.

Для правильного понимания содержания открытости и гласности правосудия основополагающее значение имеют его международные стандарты²⁶. Всеобщей

¹⁸ Общая теория государства и права. Под ред. М.Н. Марченко. Т.2. Теория права. Москва, «Зерцало» 1998. С.23.

¹⁹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Российская газета. № 49. 11.03.2015.

²⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 11.12.2019).

²¹ См.: Добровлянина О.В. Правовое регулирование гласности судебного разбирательства в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 148 - 154.

²² См., например: ст. 8 УПК РФ.

²³ Ст. 231, «Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации» (постатейный) (отв. ред. В.М. Лебедев) (рук. авт. кол. В.А. Давыдов) («НОРМА», «ИНФРА-М», 2014) {КонсультантПлюс}

²⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // «Собрание законодательства РФ», 18.11.2002, № 46, ст. 4532,

²⁵ «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, № 30, ст. 301

²⁶ См.: Потапенко С.В. О соответствии открытости и гласности российского гражданского судопроизводства международным стандартам правосудия // Судья. 2017. № 2 (34). С. 32-35.

декларацией прав человека²⁷ закреплено право каждого на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно (ст. 10). В Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод²⁸ термины «публичность» и «гласность» употреблены как синонимичные²⁹.

Для сравнения обратимся к британскому регулированию открытости и гласности правосудия. Здесь действует основополагающий принцип английского прецедентного права: судебные слушания должны проводиться в открытом судебном заседании, с тем чтобы общественность могла непосредственно наблюдать как величие, так и скуку судебного процесса.

Рассмотрение гражданских дел в английских судах происходит публично, в присутствии прессы и любых граждан. Однако они имеют усеченные права по сравнению с представителями российской прессы и приходящими в суд гражданами, поскольку англичане вправе фиксировать происходящее в суде на бумаге без права использовать записывающее оборудование без разрешения суда. В этот автор имел возможность убедиться лично при ознакомлении с работой судов Лондона.

Общественное доверие к системе уголовного правосудия в Англии и Уэльсе с 1990-х годов было низким вследствие непрозрачности и удаленности от общества, которому она служит. Поэтому правительством внесен законопроект об отмене запрета на по-

каз судебных процессов по телевидению, что может повысить прозрачность судебной системы и в конечном итоге привести к повышению уровня доверия общественности³⁰.

Россия в этом отношении обладает значительно большей степенью открытости правосудия, у нас с разрешения суда возможна трансляция судебных заседаний по телевидению и в сети интернет, когда открывается виртуальное окно в зал суда. Передачи из зала суда повышают транспарентность, а вместе с ней и доверие общественности к правосудию. Журналисты и иные заинтересованные лица имеют возможность свободно знакомиться со всеми судебными постановлениями и на этой основе давать свои комментарии о разрешении судами конкретных дел. От того, как журналисты освещают деятельность судов, зависит гласность и открытость судопроизводства.

Как отмечается в одном из британских юридических журналов, давление с целью внедрения информационных технологий явно достигло судебной ветви власти. Общие тенденции к большей прозрачности и большей открытости в государственном секторе побуждали судей использовать новые технологии и предоставлять больше информации в режиме онлайн³¹.

В противовес этому, в менее развитых странах открытость правосудия не является приоритетом в деятельности судов³².

²⁷ Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года // Российская газета. 1995. 5 апреля; 1998. 10 декабря. 05.04.1995. № 67: Российская газета. 10.12.1998.

²⁸ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (с изм. от 13.05.2004) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 11.12.2019).

²⁹ См.: Анишина В.И. Принцип гласности, открытости и транспарентности судебной власти: проблемы теории и практики реализации // Мировой судья. 2006. № 11. С. 21; Фоменко Е.Г. Принцип публичности гражданского процесса: истоки и современность: Автореф. дис. на соискание уч. ст.... канд. юрид. наук. Томск, 2006.

³⁰ См.: [Iñaki Garcia-Blanco, Lucy Bennett](#). Between a 'media circus' and 'seeing justice being done': Metajournalistic discourse and the transparency of justice in the debate on filming trials in British newspapers // Journalism <https://doi.org/10.1177/1464884918760025> (дата обращения: 14.12.2019).

³¹ См.: Rodrigo Sandoval-Almazan, J. Ramon Gil-Garcia. Understanding e-Justice and Open Justice Through the Assessment of Judicial Websites: Toward a Conceptual Framework // Social Science Computer Review (SSCR) <https://doi.org/10.1177/0894439318785957> (дата обращения: 14.12.2019).

³² Elena, S., Van Schalkwyk, F. Open data for open justice in seven Latin American countries. Achieving open justice through citizen participation and transparency (Chap. 11, pp. 210–232). doi:10.4018/978-1-5225-0717-8.ch01

Таким образом, гласность и открытость судопроизводства в Российской Федерации в целом соответствуют международным стандартам, находясь на уровне наиболее развитых стран англо-саксонской и романо-германской правовых семей, а Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 гг. вселяет надежду, что принципы открытости и гласности правосудия в России получают дальнейшее позитивное развитие.

Библиографический список:

1. Административное судопроизводство: Учебник для студентов юридических вузов, факультетов и юристов, повышающих квалификацию. 1-е изд. / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2017.
2. Алексеев С.С. Теория государства и права: учебник для вузов. 3-е изд. – М.: НОРМА, 2014.
3. Анишина В.И. Принцип гласности, открытости и транспарентности судебной власти: проблемы теории и практики реализации // Мировой судья. 2006. № 11.
4. Гражданский процесс: учебник для юрид. вузов / под ред. М. К. Треушникова. М., 2001.
5. Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу. Москва, 1950.
6. Гуценко К.Ф. Правоохранительные органы: учебник. 2-е изд., испр. и перераб. М.: КНОРУС, 2013.
7. Кавинский И. О необходимости предоставления общественного доступа к материалам дел, рассматриваемых в открытых судебных заседаниях // https://zakon.ru/blog/2019/8/5/o_neobkhodimosti_predostavleniya_obschestvennogo_dostupa_k_materialam_del_rassmatrivaemyh_v_otkrytyh (дата обращения: 14.12.2009).
8. Кашепов В.П. Преобразование системы принципов судопроизводства при осуществлении судебной реформы // Журнал российского права. 2017, № 2.
9. Колосович М.С. Современные аспекты гласности судебного разбирательства и деятельности суда // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 2. С. 64 – 71.
10. Общая теория государства и права. Под ред. М.Н. Марченко.

- Т.2. Теория права. Москва, «Зерцало» 1998. С.23.
11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – в 2-х т. – СПб.: Альфа, 1996. –Т.1.
 12. Фоменко Е.Г. Принцип публичности гражданского процесса: истоки и современность: Автореф. дис. на соискание уч. ст.... канд. юрид. наук. Томск, 2006.
 13. Чечина Н.А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1960. № 3. С. 78.
 14. Daniel Mitidiero Accountability and Transparency in U.S. Courts // Accountability and transparency in civil justice 273 (Thomson Reuters 2019) <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3294646> (дата обращения: 14.12.2019).
 15. Elena, S., Van Schalkwyk, F. Open data for open justice in seven Latin American countries. Achieving open justice through citizen participation and transparency (Chap. 11, pp. 210–232). doi:10.4018/978-1-5225-0717-8.ch01.
 16. Eric Barendt. Courts, Transparency and Public Confidence – To the Better Administration of Justice // Media Freedom and Contempt of Court pp. 1–11 <https://doi.org/10.4324/9781315091297> (дата обращения: 14.12.2019).
 17. Iñaki Garcia-Blanco, Lucy Bennett. Between a ‘media circus’ and ‘seeing justice being done’: Metajournalistic discourse and the transparency of justice in the debate on filming trials in British newspapers // Journalism <https://doi.org/10.1177/1464884918760025> (дата обращения: 14.12.2019).
 18. Lynn M. LoPucki. Court Transparency // Public Law & Legal Theory Research Paper. Series Research Paper, 2018. №. 08-08. (дата обращения: 14.12.2019).
 19. Marios Costa, Steve Peers. Beware of Courts Bearing Gifts: Transparency and the Court of Justice of the European Union. 25 European Public Law, 2019. Issue 3 (дата обращения: 14.12.2019).
 20. Rodrigo Sandoval-Almazan, J. Ramon Gil-Garcia. Understanding e-Justice and Open Justice Through the Assessment of Judicial Websites: Toward a Conceptual Framework // Social Science Computer Review (SSCR) <https://doi.org/10.1177/0894439318785957> (дата обращения: 14.12.2019).

ФЕДОТОВ Михаил Александрович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет права, Директор Международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (109028, Москва, Б.Трехсвятительский пер., 3; тел.: +7495-772-9590 # 23017; email: mfedotov@hse.ru)

АДМИНИСТРАТИВНАЯ АМНИСТИЯ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ИСТОРИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: проект нового Кодекса об административных правонарушениях; институты административного права; амнистия; административная амнистия; уголовная амнистия; миграционная амнистия; права человека.

Аннотация: В статье рассматриваются концептуальные основы административной амнистии как института российского административного права. Раскрывается история его возникновения, развития и стагнации, обосновывается место административной амнистии среди других видов амнистии: уголовной, миграционной, налоговой и т.д. Формулируются предложения по закреплению базовых положений административной амнистии в новом Кодексе РФ об административных правонарушениях.

5 декабря 2014 г. на встрече Президента РФ В.В.Путин с правозащитниками имел место следующий примечательный диалог:

«**М.Федотов:** ...Более того, мы считаем важным поставить процесс объявления амнистии на прочный правовой фундамент, каковым мог бы стать федеральный закон об амнистии. Он должен вобрать в себя об-

щие правила объявления уголовной амнистии, административной амнистии, налоговой, миграционной и так далее. Действующая Конституция этого не возбраняет, Кодекс об административных правонарушениях это допускает. Но ещё не было у нас ни одного случая, чтобы была объявлена административная амнистия...

В.Путин: По поводу Федерального закона об амнистии. Я не знаю, в каком состоянии находится рассмотрение этого вопроса, честно скажу, просто не знаю. Но в целом почему нет? Это такая вещь, которая должна быть прозрачной, должны быть понятные процедуры, отработанные представительным органом, обсуждённые с широкой общественностью»³³.

Вслед за этим обнадеживающим диалогом Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, руководствуясь положениями Конституции Российской Федерации, принципами гуманности и милосердия, предложил на рассмотрение главы государства проект амнистии в отношении лиц, совершивших административные правонарушения (административная амнистия). Однако данное предложение не было поддержано ни на уровне Администрации Президента РФ, ни в Государственной Думе Федерального Собрания РФ.

Аналогичная инициатива была проявлена Советом еще дважды – в 2017 и в 2019 годах, однако результат всякий раз оказывался отрицательным. Неудачей завершилась и предпринятая летом 2018 г. попытка ряда депутатов инициировать принятие Государственной Думой постановления «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших административные правонарушения»: проект был отклонен³⁴.

³³ <http://kremlin.ru/events/president/news/47179> (дата обращения: 18.05.2020).

³⁴ Постановление Государственной Думы ФС РФ от 25.07.2018 № 4677-7

Всё это заставляет согласиться с неутешительным выводом В.В. Гриценко, что «административная амнистия – это правовой институт административного права, к сожалению, не работающий в течение длительного времени»³⁵. Аналогичной позиции придерживаются П.В.Молчанов, Е.В.Щербакова и другие правоведы. Так, Е.В.Щербакова отмечает, что «применение законодателем административной амнистии будет способствовать расширению возможностей амнистии как комплексного правового института и гуманизации государственной власти в отношении не только преступников, но и лиц, совершивших менее тяжкие правонарушения»³⁶.

В президентской администрации своё неприятие идеи административной амнистии мотивировали результатами социологических опросов, показавших достаточно негативное отношение большинства россиян к амнистии как таковой и, в том числе, в отношении лиц, совершивших административные правонарушения, например, в области безопасности дорожного движения. Среди респондентов достаточно часто встречалось такое объяснение: административная амнистия дискриминирует тех, кто допустил нарушение Правил дорожного движения и уже оплатил штраф, поскольку оставляет без наказания тех, кто допустил такое же правонарушение, но не потропился оплатить штраф. Следовательно, отмечали

ГД «О проекте постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации № 263027-6 «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших административные правонарушения». // Собрание законодательства РФ. 06.08.2018, № 32 (ч. II), ст. 5223.

³⁵ Гриценко В.В. Административная амнистия: проблемы правоприменения. //Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 4 (23). С. 91.

³⁶ См.: Щербакова Е.В. Проблемы реализации института амнистии при освобождении граждан РФ от административной ответственности // Реформы и власть: особенности и функционирование гражданского общества: межвуз. науч. сборник. Воронеж, 2010. Вып. 5. С. 165.

многие опрошенные, такая амнистия не может быть справедливой.

В свою очередь, в профильном комитете Государственной Думы отрицательное отношение к предложению объявить административную амнистию объясняли тем, что КоАП РФ не содержит необходимого комплекса норм, позволяющих реализовать амнистию в отношении лиц, совершивших административные правонарушения. В связи с этим предлагалось отложить осуществление данной инициативы до введения в действие новой редакции КоАП РФ.

Тот факт, что в настоящее время идет работа над новым Кодексом РФ об административных правонарушениях³⁷, концепция которого дважды упоминает издание акта амнистии, если такой акт освобождает лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности или от административного наказания (пп. 2.5.3.),³⁸ придает вопросу о правовом регулировании института административной амнистии особую актуальность. К слову, в проекте КоАП РФ 2015 г. административной амнистии была посвящена отдельная статья 6.12, согласно которой актом об амнистии лица, совершившие административные правонарушения, могут быть освобождены от административной ответственности; лица, в отношении которых вынесены постановления о привлечении к административной ответственности и назначении административных наказаний, могут быть освобождены от основного и (или) дополнительного административного наказания; лица, привлеченные к

³⁷ Распоряжение Правительства РФ от 04.04.2019 г. № 631-р «Об образовании межведомственной рабочей группы по подготовке нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». // Собрание законодательства РФ, 15.04.2019, № 15 (ч. IV), ст. 1800.

³⁸ Концепция нового Кодекса РФ об административных правонарушениях. // <http://static.government.ru/media/files/KVhRVrFpSydJQShBlwIAY7khO7NAt9EL.pdf> (дата обращения: 18.05.2020)

административной ответственности, могут быть признаны не подвергнутыми административному наказанию. Статья аналогичного содержания имеется и в проекте нового Кодекса РФ об административных правонарушениях, обнародованном Минюстом России в мае 2020 г. (статья 4.8. «Амнистия»)³⁹.

В настоящей статье рассматриваются концептуальные основы данного института российского административного права, история его возникновения, развития и стагнации, формулируются предложения по его закреплению в новом Кодексе РФ об административных правонарушениях.

Правовая природа административной амнистии

Институт амнистии⁴⁰ известен человечеству издревле. Он не является уникальным или специфичным для какой-либо отдельной страны, группы стран или правовой семьи. В этом смысле можно говорить о его универсальности, которая проявляется также в том, что амнистия может распространяться на самые разные виды правовой ответственности, сохраняя при этом свою сущность как акт прощения, проявление великодушия, гуманизма, милосердия со стороны государства в отношении индивидуально не определенно-го круга лиц, совершивших правонарушение.

Универсальность института амнистии позволяет использовать его для освобождения от юридической ответственности не только лиц, совершивших уголовные преступления, но и лиц, нарушивших, например, правила оформления прав граждан на объекты недвижимого имущества («дачная амнистия»), правила уплаты налогов и страховых взносов («налоговая амнистия» - списание долгов по налогам и страховым

взносам, а также «амнистия капиталов» - добровольное декларирование зарубежной недвижимости и т.д.), миграционные правила («миграционная амнистия») и т.д. Отметим, что указанная терминология проникла и в нормативные акты. В качестве примеров приведем Указ Президента РФ от 27 октября 1993 г. № 1773 «О проведении налоговой амнистии в 1993 году» и постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 23 февраля 1994 г. № 65-1 ГД «Об объявлении политической и экономической амнистии».

В то же время в текущем законодательстве термин «амнистия» употребляется только в Уголовном кодексе РФ, Уголовно-процессуальном кодексе РФ, Уголовно-исполнительном кодексе РФ и Кодексе РФ об административных правонарушениях, а также в постановлениях Государственной Думы Федерального Собрания РФ об объявлении амнистии и о порядке ее применения. Нередко в литературе можно встретить упоминание об амнистии в сфере дисциплинарной ответственности, однако без ссылок на конкретные нормативные правовые акты.

Отмеченная универсальность является объективным основанием для теоретических споров об отраслевой принадлежности института амнистии. Так, И.Г.Баранникова однозначно определяет амнистию как конституционно-правовой институт, регулирующий отношения, связанные с освобождением от ответственности и от наказания в соответствии с государственной волей. С этой точки зрения амнистия представляет собой акт гуманизма и милосердия государства, направленный на освобождение от ответственности, наказания, в т.ч. его смягчение, устранение правовых последствий наказания, основанный на справедливости и соразмерности, а также балансе конституционных ценностей в области противодействия правонарушениям, согласованный с конституционной

³⁹ <https://regulation.gov.ru/projects#npa=102447> (дата обращения: 18.05.2020)

⁴⁰ ἀμνηστία [amnestia] - забвение, прощение (древнегреч.).

ответственностью государства за обеспечение общественной безопасности, прав и законных интересов граждан⁴¹. Сходной позиции придерживаются Дзидзов Р.М.⁴² и некоторые другие авторы.

В основном соглашаясь с данной позицией, подчеркнем, что принципы справедливости и соразмерности в институте амнистии имеют ограниченное применение – они распространяются только на тех, кто попадает под действие акта амнистии, и не распространяются на тех, кто уже отбыл наказание или совершил правонарушение после истечения срока действия акта амнистии. Вот почему амнистия представляется нам, прежде всего, не проявлением справедливости, а актом гуманизма и милосердия, продиктованным исключительными обстоятельствами и политическими соображениями. Как отмечают А.А.Зеленцов и Е.В.Коломийченко, «амнистия по своему существу принадлежит к тем чрезвычайным, но в известных случаях необходимым мерам, посредством которых, при исключительных обстоятельствах, ради высших соображений гуманности и политики, приостанавливается действие рассчитанного на нормальные отношения закона. Поэтому амнистия имеет преимущественное значение для преступлений политического свойства, преступность коих нередко в значительной степени зависит лишь от условий, существующих в данное время, и исчезает с прекращением этих условий»⁴³.

В юридической литературе встречаются и другие точки зрения на вопрос об отраслевой принадлежности института амнистии. Так, сторонники отнесения

института амнистии исключительно к уголовному праву отмечают, что конституционное право только провозглашает право амнистии и определяет орган, уполномоченный издавать акт амнистии, тогда как юридическое содержание этого правового института содержится в уголовном законе, а следовательно, амнистия является уголовно-правовым институтом⁴⁴.

Наконец, ряд правоведов полагают, что амнистия является межотраслевым правовым институтом⁴⁵. Согласимся с теми авторами, которые включают в институт амнистии нормы как конституционного, так и уголовного, и уголовно-исполнительного законодательства, а также законодательства об административных правонарушениях, порождающие правоотношения на основе экстраординарных и политических по своей природе решений, принимаемых Государственной Думой ФС РФ⁴⁶.

Представляется, что такой подход не только наиболее адекватен правовой природе амнистии, но и наиболее перспективен в контексте расширения сферы применения данного института. При этом следует учесть тот факт, что административная ответствен-

⁴¹ Баранникова И.Г. Амнистия как институт конституционного права // Общество и право. 2009. № 4 (26). С. 71-73.

⁴² Дзидзов Р.М. Амнистия как конституционно-правовое явление // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5. С. 41-44.

⁴³ Зеленцов А.А., Коломийченко Е.В. Социально-политический смысл и эффективность амнистии в современной России. // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 6. С. 164.

⁴⁴ Зеленцов А.А. Амнистия в законодательстве России: правовая регламентация и исполнение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2004. С. 14 - 17.

⁴⁵ Мароголова И.Л. Законодательные проблемы амнистии и помилования // Журнал российского права. 1998. № 1. С. 32 – 44; Комольцева А.А., Ивашкина Е.А. Институт амнистии: правовая природа и проблемы применения в современной России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 3. С. 22-26; Салпагаров М.У. Амнистия как межотраслевой юридический институт и некоторые проблемы ее реализации. // Перспективные направления развития современной юридической науки. Сборник статей международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию юридического факультета и 75-летию Петрозаводского государственного университета. 2015. С. 190-194.

⁴⁶ Скуратов Ю.И., Чурилов С.Н., Грудинин Н.С. Государственная политика в сфере амнистии и помилования в Российской Федерации: тенденции и противоречия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 1. С. 23-24.

ность не исчерпывается КоАП РФ и законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, а объемлет также многочисленные случаи, когда специальное (отраслевое) законодательство устанавливает различные санкции за нарушение тех или иных правил.

Например, Закон РФ от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации» устанавливает, что производство и выпуск средства массовой информации могут быть прекращены по решению суда в случае неоднократного в течение 12 месяцев злоупотребления свободой массовой информации, по поводу чего регистрационным органом делались письменные предупреждения в адрес учредителя и (или) редакции СМИ (ст. 16).

Примем во внимание, что прекращение деятельности СМИ мало чем отличается от такого вида административного наказания как административный запрет деятельности (предусмотрен ст. 3.28 проекта нового КоАП РФ 2020 г. и призван заменить административное приостановление деятельности, закрепленное в ст. 3.12 действующего КоАП РФ). Единственное существенное отличие – административный запрет деятельности может быть назначен на срок до 30 суток, тогда как прекращение деятельности СМИ представляет собой бессрочный запрет его производства и выпуска. Однако ничто не мешает заинтересованному лицу учредить новое СМИ и зарегистрировать его в установленном законом порядке, на что регистрирующему органу дается опять-таки 30 суток. Именно так поступил в 1993 г. главный редактор газеты «День» Александр Проханов, когда в суде рассматривался иск Мининформпечати России о прекращении производства и выпуска данного издания: он учредил и в установленном порядке зарегистрировал новое СМИ – газету «Завтра», которая издается по сей день.

Может ли акт амнистии как-то повлиять на действие данного правового механизма? Представляется, что такое было бы вполне логично. Во-первых, акт об амнистии может «обнулить» вынесенные ранее предупреждения в логике, используемой проектом нового КоАП РФ 2020 г.: «Актом об амнистии лица, подвергнутые административному наказанию, могут быть признаны не подвергнутыми административному наказанию». (п. 4 ст. 4.8. проекта). Правда, для этого придется признать тот очевидный факт, что выносимое регистрационным органом предупреждение является не только средством профилактики, но и наказанием. Во-вторых, акт об амнистии может стать основанием для прекращения административного производства по делу о приостановлении или прекращении деятельности СМИ, то есть приостановлении или прекращении его производства и выпуска.

Однако, чтобы административная амнистия могла быть распространена на подобные ситуации, она должна выйти за пределы КоАП РФ, то есть касаться не только лиц, совершивших административные правонарушения, предусмотренные КоАП РФ и региональными законами об административных правонарушениях, но и лиц, совершивших правонарушения, ответственность за которые предусмотрена специальными (отраслевыми) законами (в данном случае — Законом РФ «О средствах массовой информации»). Можно ли это предусмотреть в КоАП РФ? Видимо, нет, поскольку законодательство об административных правонарушениях ни при каких условиях не может включать специальные законы, относящиеся к другим отраслям законодательства. Тем более, что правовые конструкции прекращения деятельности, аналогичные использованным в Законе РФ «О средствах массовой информации», применяются и во многих других федеральных законах: «О противодействии экстремистской деятельности», «О лицензи-

ровании отдельных видов деятельности», «О некоммерческих организациях» и т.д.

Рассмотрим альтернативный вариант – концентрация всех составов правонарушений, предусмотренных специальными (отраслевыми) законами, в КоАП РФ с соответствующей их систематизацией, унификацией, кодификацией и, что особенно важно, исключением их из специальных законов с заменой бланкетными нормами. Этот вариант представляется наиболее предпочтительным, поскольку он позволит устранить юридическую «чересполосицу» и фактическое удвоение наказаний (напомним, что статья 50 Конституции РФ запрещает повторное осуждение за одно и то же преступление).

Например, злоупотребление свободой массовой информации, выразившееся в изготовлении или распространении продукции СМИ, содержащей нецензурную брань, является одновременно основанием для привлечения к административной ответственности редакции и главного редактора (ч. 3 ст. 13.21 КоАП РФ), а также (в случае неоднократности в течение 12 месяцев) для обращения регистрирующего органа в суд с административным иском о прекращении деятельности данного СМИ. Именно сейчас, когда идет подготовка нового КоАП РФ, подобное реформирование законодательства представляется абсолютно своевременным, хотя и достаточно трудоёмким.

Сказанное выше убеждает в комплексном характере института амнистии, структурообразующую основу которого составляет пп. «ж» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ, согласно которому объявление амнистии относится к исключительным полномочиям Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Хотя в Конституции РФ не раскрывается правовая природа амнистии, однако юридическая наука смогла, думается, восполнить этот пробел. Наиболее удачным

представляется определение, предложенное С.И. Комарицким: «амнистия — это нормативный акт органа высшей государственной власти, носящий исключительный характер, который в полном или неполном объеме единовременно освобождает от уголовной, административной или дисциплинарной ответственности или наказания определенную категорию лиц»⁴⁷.

Подчеркнем, что возможность административной амнистии прямо предусмотрена Кодексом РФ об административных правонарушениях. В случае издания акта амнистии, если такой акт устраняет применение административного наказания, наступают следующие правовые последствия:

а) производство по делу об административном правонарушении не может быть начато (пп. 4 п. 1 ст. 24.5 КоАП РФ);

б) начатое производство по делу об административном правонарушении прекращается (пп. 4 п. 1 ст. 24.5 КоАП РФ);

в) исполнение постановления о назначении административного наказания прекращается (п. 1 ст. 31.7 КоАП РФ).

КоАП РФ в отличие от Уголовного кодекса РФ не дает определения понятия амнистии, что не мешает утверждать, что административная амнистия объявляется Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в отношении индивидуально не определенного круга лиц, совершивших до момента объявления амнистии административные правонарушения. В то же время в КоАП РФ отсутствуют, к сожалению, правовые нормы, которые позволили бы в отношении лиц, совершивших административные правонарушения, применять такие формы амнистии

⁴⁷ Комарицкий С.И. Эффективность освобождения из исправительно-трудовых учреждений по амнистии. — М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982. С. 7.

как сокращение назначенного наказания или замена его более мягким видом наказания. В то же время освобождение от дополнительного вида наказания вполне может иметь место. У лиц, отбывших административное наказание, актом амнистии может быть досрочно погашен срок привлечения к административной ответственности, чем устраняются длящиеся правовые последствия правонарушения.

Исторические корни административной амнистии

Некоторые отечественные авторы уверены, что «впервые в России законодательно понятие амнистии было закреплено в Указе об амнистии, принятым Временным правительством 7 марта 1917 г.»⁴⁸ Это не совсем так. В Российской Империи амнистия объявлялась неоднократно, продолжая традиции Стоглавого собора 1551 г. Как правило, поводом для этого становились «праздник царский, в неделю рекши воспоминание дни рождения его, или рождение сына и дочери его», восшествие на престол очередного монарха, победа в войне или иное важное событие. Например, в 1856 г. Император Александр II в день своей коронации объявил амнистию декабристам, петрашевцам и участникам польского восстания.

В СССР амнистия также объявлялась регулярно, и поводы для этого были достаточно схожие. Пример — постановление ЦИК СССР от 17 августа 1923 «Об амнистии в ознаменование образования Союза Советских Социалистических Республик». В Российской Федерации амнистия объявлялась 16 раз, однако неизменно ограничивалась амнистией в отношении лиц, совершивших уголовные преступления (уголовная амнистия).

Хотя практика объявления отдельной административной амнистии в нашей стране в настоящее время

⁴⁸ Мокина М.Н. Амнистия // Молодой ученый. 2015. № 6 (86). С. 499.

отсутствует, однако элементы такой амнистии неоднократно встречались в отечественной нормотворческой практике, как минимум, XIX и XX веков. Сошлёмся, в частности, на Всемилошвейский Манифест от 14 мая 1896 г., изданный Императором Николаем II по случаю коронации. В статье XIV обнаруживаем следующую норму: «Лиц, учинивших такие противозаконные деяния или такие нарушения установленных правил, за которые они подлежат или подвергнуты денежному взысканию, налагаемому в порядке административном, - освободить от такового взыскания...»⁴⁹.

В советский период данная практика сохранилась. Так, п. 9 постановления Президиума ЦИК СССР от 2 ноября 1927 г. «Об амнистии» устанавливал: «Сложить наложенные в судебном или административном порядке и невзысканные штрафы до 100 рублей включительно»⁵⁰. В довоенный период аналогичные нормы имели место и во многих других постановлениях об амнистии, связанных, например, с юбилейными датами со дня образования отдельных национально-государственных образований⁵¹.

Элементы административной амнистии сохранились и в послевоенный период. Так, п. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» предусматривал: «Снять все невзысканные штрафы и все не приведенные в исполнение административные взыскания <...> за действия, совершенные до издания настоящего Указа»⁵². Сходные положения содержались, в частности, в п. 8 Указа Президиума Вер-

⁴⁹ Цит. по: Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года – СПб. 1904. С. 187.

⁵⁰ «СЗ СССР», 1927, № 61, ст. 620.

⁵¹ См., напр., постановление ВЦИК от 1 ноября 1932 г. «Об амнистии в ознаменование десятилетия Адыгейской автономной области». – «СУ РСФСР», 1932, № 85, ст. 374.

⁵² «Ведомости ВС СССР», 1945, № 39.

ховного Совета СССР от 1 ноября 1957 г. «Об амнистии в ознаменование 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции», который устанавливал «освобождение от отбывания ареста, уплаты штрафа и других мер взыскания граждан, совершивших до издания настоящего Указа административные проступки»⁵³.

Приведенные примеры доказывают, что интеграция административной амнистии в акты об уголовной амнистии является для отечественной правовой системы хорошо укоренившейся, но, к сожалению, забытой практикой. Российские правоведы неоднократно напоминали законодателям о практике административной амнистии. Так, Д.Б. Бахрах в 2010 г., отмечая, что последний раз амнистия по делам об административных правонарушениях имела место в 1967 г. и была приурочена к 50-летию Октябрьской революции, высказал в адрес депутатов Государственной Думы ФС РФ пожелание, чтобы при подготовке очередной амнистии они не забыли предусмотреть в ней и нормы об амнистии административной⁵⁴. К сожалению, пока никакого продвижения в этом направлении не прослеживается, если не учитывать так называемые «миграционные амнистии», которые проводятся помимо Государственной Думы ФС РФ и КоАП РФ. Напротив, в зарубежных странах, например, в Армении и Франции, административная амнистия применяется достаточно широко.

Социально-экономические предпосылки административной амнистии

Административная амнистия, как и уголовная, может иметь место тогда, когда для нее есть соответству-

ющие: а) социальные и экономические предпосылки, б) политическая надобность, в) надлежащий повод. Если проанализировать социально-экономические предпосылки общеуголовных амнистий, имевших место в первые два десятилетия XXI века, то бросаются в глаза две особенности: 1) «акты об амнистии носят откровенно «разгрузочный» характер и преследуют одну, единственную цель – из-за дороговизны содержания осужденных к лишению свободы, освободить как можно большее их количество из исправительных учреждений»⁵⁵; 2) большинство актов об амнистии инициированы Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека и внесены в Государственную Думу ФС РФ главой государства в связи со значимыми событиями в жизни страны.

«Разгрузочный характер» был характерен и для трех административных амнистий, проведенных в последние годы в Республике Армения. Так, согласно докладу Минюста РА за май-ноябрь 2018 г. административная амнистия была применена к 108.916 лицам, а количество прекращенных исполнительных производств составило 1.259.177⁵⁶. Амнистия, проведенная на основании Закона РА от 18 июля 2018 г. № ЗР-371 «Об амнистии штрафов, примененных за ряд административных правонарушений»,⁵⁷ коснулась 150 тыс. чел. и выразилась в «обнулении» штрафов за нарушение правил дорожного движения, накопившихся в период с 1 января 2012 г. по 31 декабря 2017 г. на общую сумму 28,4 млн долл. В основном эта сумма образовалась за счет штрафов за нарушения, зафиксированные автоматическими техническими средствами контроля, и

⁵³ «Ведомости ВС СССР», № 24, 1957 г. Ст. 589.

⁵⁴ См.: Бахрах Д. Н. Юридическая ответственность по административному праву // Административное право и процесс. 2010. № 1. С. 2–5.

⁵⁵ Зеленцов А.А., Коломийченко Е.В. Социально-политический смысл и эффективность... С. 165.

⁵⁶ <https://moj.am/ru/article/2210> (дата обращения: 18.05.2020)

⁵⁷ http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=115594 (дата обращения: 18.05.2020)

последующих пени. Следующим шагом на пути развития практики административной амнистии стал Закон РА от 3 июля 2019 г. № ЗР-86 «Об амнистии взысканий за ряд административных нарушений и государственную пошлину».⁵⁸ По сути дела все эти амнистии были призваны разгрузить государственный бюджет страны от безнадежных долгов.

В чем-то сходная ситуация сложилась в Российской Федерации. По данным судебных и правоохранительных органов, в настоящее время в России скопился значительный объем невыплаченных административных штрафов, в первую очередь, штрафов, предусмотренных главой 12 КоАП РФ (административные правонарушения в области дорожного движения). По данным Федеральной службы судебных приставов, несмотря на общий рост поступлений штрафов в бюджет, около 30% таких штрафов остаются неуплаченными⁵⁹. При этом в годовом отчете ФССП России за 2016 год отмечается, что количество постановлений по штрафам ГИБДД, которые были исполнены нарушителями, но при этом были ошибочно переданы в ФССП России, возросло с 925 тыс. до 1,3 млн.⁶⁰ Нельзя не учитывать и то, что зачастую сумма затрат на исполнение постановлений по невзысканным штрафам ГИБДД превышает сумму самих штрафов.

Объявление административной амнистии, предусматривающей прекращение исполнения постановлений по штрафам ГИБДД, вынесенных и не выплаченных до издания акта амнистии, позволит «обнулить» базы данных ФССП России и МВД России, списав наиболее проблемные и фактически безнадежные долги.

⁵⁸ http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=118374 (дата обращения: 18.05.2020)

⁵⁹ <http://ria.ru/society/20160229/1382092237.html> (дата обращения: 18.05.2020)

⁶⁰ http://fssprus.ru/files/fssp/db/files/201704/itogovyj_doklad_za_2016_god_2017441647.pdf (дата обращения: 18.05.2020)

Следует обратить внимание также на те проблемы в сфере миграционной политики, которые могут быть хотя бы отчасти решены с помощью административной амнистии. Неоднократно посещая Центры временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих выдворению, депортации или реадмиссии (ЦВСИГ), члены Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека не могли не заметить довольно часто встречающуюся тупиковую ситуацию, в которой оказываются люди, которым судом назначено административное наказание в виде штрафа и принудительного выдворения за пределы Российской Федерации за нарушение миграционного законодательства.

Коллизия заключается в том, что до уплаты установленного постановлением суда штрафа, содержащиеся в ЦВСИГ иностранцы и апатриды не могут быть выдворены, поскольку это противоречило бы п. 5 ст. 28 федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее – Закон о порядке выезда). Однако, находясь в ЦВСИГ, они не могут заработать деньги ни на уплату штрафа, ни на приобретение обратного билета для контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации. В результате в ряде регионов имеет место значительный перелимит ЦВСИГ, а следовательно, содержащиеся там люди находятся в условиях, не соответствующих действующему законодательству и международным обязательствам Российской Федерации в области прав человека. Страдают не только люди, но и федеральный бюджет, поскольку расходы на содержание в ЦВСИГ иностранцев и апатридов исчисляются миллиардами рублей.

Распространение административной амнистии на лиц, допустивших административное правонарушение в области миграционной политики, позволит

хотя бы частично исправить сложившуюся ситуацию. Определенные шаги в этом направлении делаются государством через мало изученный механизм так называемой «миграционной амнистии». Например, в соответствии с просьбой Президента Республики Молдова Игоря Додона, озвученной им в ходе официального визита в Москву 31 октября 2018 г., МВД России был задействован следующий правовой механизм:

а) граждане Республики Молдова, находящиеся на территории Российской Федерации с нарушением разрешенного срока пребывания, получили возможность в период с 1 января по 24 февраля 2019 г. выехать на родину без привлечения их к административной ответственности за нарушение сроков пребывания и без принятия в отношении них решений о неразрешении последующего въезда в РФ, хотя такие меры предусмотрены ч. 4 и 8 ст. 26 и ч. 12, 13 и 14 ст. 27 Закона о порядке выезда;

б) в отношении граждан Республики Молдова, выехавших в указанный период на родину, предусматривалось проведение работы по пересмотру в сторону отмены или смягчения решений о неразрешении им въезда в РФ, если такие решения уже были приняты ранее⁶¹.

Анализ указанного правового механизма показывает, что в данном случае фактически применена схема административной амнистии, поскольку индивидуально не определенная категория лиц была освобождена от административной ответственности и от административного наказания в отсутствие других обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении (ст. 24.5 КоАП РФ). При этом никакого акта об амнистии, исходящего от единственно уполномоченного на это органа вла-

сти, Государственной Думы ФС РФ, не существовало. Данный факт, не являющийся, кстати, уникальным в практике отечественной миграционной политики, также свидетельствует о необходимости принятия федерального закона об амнистии, в котором должны найти отражение особенности всех видов амнистии, включая миграционную.

Проблемы проектирования административной амнистии

Главной причиной, препятствующей возобновлению (после 1967 г.) и развитию практики административной амнистии является инерционность отечественного нормотворчества и правоприменения, нацеленность на постоянное воспроизведение одних и тех же моделей построения нормативных и ненормативных правовых актов, механизмов правового регулирования. Этим, в частности, объясняется тот факт, что подавляющее большинство принимаемых в последние десятилетия федеральных законов ограничиваются внесением изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Таковы, например, более 450 из 530 законов, принятых Государственной Думой ФС РФ в 2019 г. В то же время ничтожно малую долю составляют законы, имеющие собственный предмет правового регулирования: в 2019 г. их оказалось всего 5.

Безусловно, принятие федерального закона, закрепляющего особый, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, статус акта об амнистии, особенности каждого вида амнистии, основания и порядок объявления амнистии, критерии определения категорий амнистируемых, механизмы реализации амнистии и т.д., стимулировало бы развитие практики в том числе административной амнистии. В науке уже неоднократно отмечалось, что «к проблемным вопро-

⁶¹ <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/15141873> (дата обращения: 18.05.2020).

сам нормативного регулирования амнистии в РФ относится отсутствие рамочного федерального закона, регламентирующего механизм и основания принятия Государственной Думой РФ решения об объявлении амнистии, а также содержащего исчерпывающий перечень критериев и оснований для включения лиц, виновных в совершении преступлений, под действие амнистии. При этом каждая новая амнистия в России, принимаемая постановлением Государственной Думы, применяется на основании самого же постановления о порядке ее применения, что предполагает нестабильность и возможность конъюнктурного использования амнистии в определенных случаях»⁶².

Отсутствием федерального закона о порядке объявления и применения амнистии объясняется тот факт, что, как отмечает Ю.А.Кашуба, «иногда сам акт амнистии изложен не совсем точно и юридически неграмотно», что порой признает и сама Государственная Дума⁶³. Согласимся, что «Конституция РФ не содержит запрета и на принятие федерального закона, регламентирующего процедуру принятия акта об амнистии, порядок его исполнения, а также процедуру внесения изменений и дополнений в такие акты. В законе можно было бы предусмотреть, что Государственная Дума в обязательном порядке принимает такие акты в трех чтениях, а после рассмотрения проекта постановления об амнистии и о порядке исполнения акта об амнистии в первом чтении направляет их в Генеральную прокуратуру РФ для получения соответствующего заключения. В этом случае представитель прокуратуры

также должен приглашаться на заседания Государственной Думы при рассмотрении постановлений об амнистии»⁶⁴. Весьма вероятно, что принятие рамочного федерального закона об амнистии позволит сделать процесс разработки соответствующих постановлений в нижней палате парламента более открытым и профессиональным, поможет избежать ошибок, пробелов и неточностей.

Именно в упомянутом выше рамочном законе должно найти определение общее понятие амнистии, которое на сегодня в законодательстве отсутствует. Конечно, его можно вывести логически из норм статьи 84 Уголовного кодекса РФ, как это в свое время сделал один из крупнейших российских административистов Б.М. Лазарев. Он писал: «Амнистия (с греческого буквально – «забвение») – полное или частичное освобождение от ответственности (обычно от уголовной, но иногда и от административной и дисциплинарной) персонально не определенной группы лиц. В соответствии с актом об амнистии наступают такие последствия: если по материалам о преступлении или ином правонарушении дело еще не возбуждено, то оно и не возбуждается; если дело было возбуждено, то оно прекращается производством; если лицо уже осуждено и отбывает наказание, то оно освобождается от дальнейшего его отбывания или ему сокращается срок наказания; однако если обвиняемый, подпадающий под амнистию, настаивает на рассмотрении его дела судом (чтобы добиться оправдательного приговора), то дело не может быть прекращено, и судебное разбирательство по нему продолжается, но если потом суд установит виновность такого лица, дело все равно тут же прекращается. Под амнистию, таким образом, подпадают как лица, совершившие преступления

⁶² Скуратов Ю.И., Чурилов С.Н., Грудинин Н.С. Указ. соч. С. 25.

⁶³ См., напр.: Постановление Государственной Думы ФС РФ от 25.03.1994 № 76-1 ГД «О некоторых вопросах применения постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции Российской Федерации» и «Об объявлении политической и экономической амнистии» // Ведомости ФС РФ, 1994, № 3, ст. 156.

⁶⁴ Кашуба Ю.А. Принятие актов амнистии в Российской Федерации (обращение к недавнему опыту) // Человек: Преступление и Наказание. 2014. № 2 (85). С. 20.

или иные правонарушения, так и лица, невиновность которых была бы установлена, если бы дела в отношении этих лиц не были прекращены производством на основании акта об амнистии»⁶⁵.

Безусловно, административная амнистия имеет свои особенности. Прежде всего, ее субъектом может быть не только физическое лицо (гражданин, иностранец, апатрид), но и должностное лицо и юридическое лицо. На это справедливо обращает внимание П.В. Молчанов, который пишет, что «в административном праве субъектом амнистии может быть как физическое лицо (вменяемое, достигшее возраста административной ответственности – 16 лет, и привлеченное к ней), так и юридическое лицо. Объективная потребность повышения эффективности административно-юрисдикционной деятельности правоохранительных органов однозначно свидетельствует о необходимости не только сохранения института административной амнистии в национальном правовом поле, но и уточнения оснований применения данного вида освобождения от административной ответственности»⁶⁶.

С учетом изложенного выше проектирование акта об административной амнистии неминуемо должно будет ответить на следующие вопросы:

- на какие виды административных правонарушений будет распространяться амнистия?
- на какие виды административного наказания будет распространяться амнистия?
- на какие государственные органы должно быть возложено исполнение акта амнистии?

⁶⁵ Конституция Российской Федерации. Комментарий / Под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. - М.: Юрид. лит.-ра, 1994. С. 461-462.

⁶⁶ Молчанов П.В. Административная амнистия для нарушителей правил дорожного движения. // Право и государство: теория и практика. 2009. № 10 (58). С. 104.

Очевидно, что проведение тотальной амнистии по всем видам административных правонарушений приведет к необходимости задействовать широкий круг органов государственной власти, что вряд ли возможно признать целесообразным на нынешнем этапе, когда практика административной амнистии фактически отсутствует. Вот почему первая (после 1967 г.) административная амнистия неминуемо станет пилотным проектом, на котором будут отрабатываться все правовые механизмы. В свою очередь, пилотный характер проекта предполагает достаточно скромный масштаб правового эксперимента.

Кроме того, нормы действующего КоАП РФ содержат весьма скудный инструментарий для применения административной амнистии. В частности, административная амнистия не может быть применена к уже исполненным административным наказаниям, а также не учитывает возможность уменьшения наказания (например, штрафа или срока лишения специального права) либо замены его более мягким наказанием. Кроме того, по понятным причинам амнистию нецелесообразно распространять на такие виды административного наказания, как предупреждение, конфискация орудия (предмета) правонарушения. Напротив, нет никаких оснований не распространять административную амнистию на физических лиц, отбывающих наказание в виде административного ареста, а также на физических и юридических лиц, к которым применено наказание в виде административного приостановления деятельности, несмотря на краткосрочный характер данных видов наказания.

В ходе обсуждения идеи административной амнистии в Совете при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека неоднократно звучало предложение распространить ее также на

лиц, которым запрещен на определенный срок въезд в нашу страну из-за допущенного ранее нарушения миграционного законодательства. Однако Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» ни словом не упоминает об амнистии, в связи с чем без внесения изменений в этот закон невозможно актом амнистии сократить срок запрета на въезд в Российскую Федерацию. Правда, как было показано выше, на практике существуют другие способы проведения ограниченной миграционной амнистии, не требующие использования прерогатив Государственной Думы ФС РФ.

Высказывалось также предложение распространить административную амнистию на лиц, подвергнутых взысканиям при отбывании наказания в виде ареста, ограничения свободы, принудительных работ или лишения свободы. Однако такое станет возможным лишь в случае внесения необходимых изменений в Уголовно-исполнительный кодекс РФ.

Учитывая сказанное выше о неизбежно пилотном характере первой после полувекового перерыва административной амнистии – вне зависимости от того, будет ли она объявляться отдельным постановлением Государственной Думы ФС РФ или войдет составным элементом в традиционную общеуголовную амнистию, – целесообразно ограничить сферу ее применения правонарушениями, предусмотренными главами 12 и 18 КоАП РФ (административные правонарушения в области дорожного движения, в области защиты государственной границы РФ и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории РФ). При этом из числа правонарушений, на которые распространяется амнистия, предлагается исключить ст. 12.8 КоАП РФ (управление транспортным средством

в состоянии опьянения) и 12.26 (отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения) в связи с повышенной общественной опасностью подобных правонарушений, а также ст.ст. 18.1 – 18.7 и 18.14 (дела, рассматриваемые пограничными органами).

Тем самым исполнение акта амнистии будет возложено фактически только на суды (судей) и органы внутренних дел, а в отношении лиц, нарушивших правила парковки транспортных средств в городах Москве и Санкт-Петербурге, – на соответствующие органы исполнительной власти этих субъектов Российской Федерации.

При решении вопроса о пределах действия административной амнистии во времени, представляется целесообразным исходить из следующего. Если на момент издания акта амнистии было совершено административное правонарушение, но производство по делу не было начато, такое производство не начинается. Начатое производство по делам об административных правонарушениях подлежит прекращению, а исполнение назначенных, но не исполненных наказаний, прекращается. Если административное правонарушение совершено после объявления административной амнистии, нарушитель привлекается к административной ответственности на общих основаниях.

Перспективы формирования нормативно-правовой базы административной амнистии

Вопрос о необходимости выделения амнистии в отдельную статью КоАП РФ уже поднимался в научной литературе. Так, П.В. Молчанов писал, что в целях обеспечения эффективной защиты прав и законных интересов граждан, привлекаемых к административной ответственности «целесообразно проработать вопрос о включении в КоАП РФ отдельной статьи, посвящен-

ной амнистии (по аналогии со ст. 84 Уголовного кодекса Российской Федерации)»⁶⁷.

Проект нового КоАП РФ, как в редакции 2015 г., так и в редакции 2020 г. предлагает именно такое решение:

«Статья 4.8. Амнистия

1. Амнистия объявляется Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в отношении индивидуально неопределенного круга лиц.

2. Актом об амнистии лица, совершившие административные правонарушения, могут быть освобождены от административной ответственности или от административного наказания.

3. Актом об амнистии лица, в отношении которых вынесены постановления о привлечении к административной ответственности и назначении административных наказаний, могут быть освобождены от основного и (или) дополнительного административного наказания.

4. Актом об амнистии лица, подвергнутые административному наказанию, могут быть признаны не подвергнутыми административному наказанию»⁶⁸.

Хотя предложенные в проекте формулировки, в принципе, заслуживают поддержки, однако некоторая их корректировка представляется целесообразной. Так, в п. 1 следовало бы указать, что амнистия объявляется в отношении индивидуально неопределенного круга лиц, **совершивших административные правонарушения до момента объявления амнистии.**

Кроме того, было бы важно предусмотреть в статье 4.8 возможность актом об амнистии снижать строгость административного наказания: сокращать размер административного штрафа и срок дисквалификации, заменять более строгое наказание более мягким и т.д.

⁶⁷ Молчанов П.В. Указ. соч. С. 105.

⁶⁸ <https://regulation.gov.ru/projects#npa=102447> (дата обращения: 18.09.2020).

В этой связи предлагается дополнить статью 4.8. проекта следующими пунктами:

«Актом об амнистии лица, которым назначено административное наказание в виде административного штрафа или конфискации, могут быть освобождены от наказания полностью или частично.

Актом об амнистии лица, которым назначено административное наказание в виде лишения специального права, предоставленного физическому лицу, административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований, дисквалификации, обязательных работ, административного ареста, административного запрета деятельности, могут быть освобождены от наказания, либо им может быть сокращен срок назначенного им наказания.

Актом об амнистии лицам, которым было назначено административное наказание, оно может быть заменено более мягким видом наказания.»

С тем, чтобы поставить миграционную амнистию на прочную нормативно-правовую основу целесообразно также дополнить Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» нормами, предусматривающими возможность отмены или сокращения срока запрета на въезд в РФ иностранному гражданину или лицу без гражданства в случае объявления амнистии. Для этого следовало бы дополнить статью 27 указанного закона следующим пунктом: **«Актом об амнистии иностранным гражданам и лицам без гражданства, которым по основаниям, предусмотренным настоящей статьей и статьей 28 настоящего Федерального закона, не разрешен въезд в Российскую Федерацию, может быть разрешен въезд в Российскую Федерацию или сокра-**

щен срок, в течение которого им не разрешается въезд в Российскую Федерацию».

Целесообразно дополнить также Уголовно-исполнительный кодекс РФ нормами, предусматривающими в случае издания акта об амнистии досрочное погашение неснятых и непогашенных взысканий, наложенных ранее на осужденных к лишению свободы. Для этого необходимо дополнить статью 114 УИК РФ пунктом 5 следующего содержания: **«5. Актом об амнистии может быть предусмотрено досрочное снятие ранее наложенных неснятых и непогашенных взысканий вне зависимости от сроков, предусмотренных пунктом 3 настоящей статьи».**

* * *

При обсуждении темы амнистии часто приходится слышать, что она противоречит принципам неотвратимости наказания и равенства перед законом и судом. Почему тот, кто не попал под амнистию, должен, скажем, платить штраф, а тот, кто попал, - освобождается от этого? Ответ лежит, на наш взгляд, в самом генезисе института амнистии. «Помилование и прощение виновных ни в каком случае не зависит от суда, – говорится в ст. 165 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. – Оно непосредственно исходит от Верховной Самодержавной Власти и может быть лишь действием Монаршего милосердия. Сила и пространство действия сего милосердия, как изъятия из законов общих, определяются в том самом Высочайшем указе, коим смягчается участь виновных или же даруется им совершенное прощение»⁶⁹.

Разумеется, в условиях республиканской формы правления, когда «верховная самодержавная власть» предстает в лице народа, полномочия по объявлению

⁶⁹ Цит. по: Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года – СПб. 1904. С. 184.

амнистии переходят к высшему законодательному органу государственной власти, в нашем случае – к его нижней палате, к Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. Но от этого смысл амнистии не меняется. По нашему глубокому убеждению, амнистия представляет собой, прежде всего, акт милосердия и гуманности со стороны государства, проявление великодушия общества к оступившимся согражданам, и, главное, сотворение для них возможности «перевернуть страницу» и начать с «чистого листа», где уже не будет прежних «клякс» и «загогулин», так мешающих порой человеку чертить стройную линию достойной жизни.

Библиографический список:

1. Баранникова И.Г. Амнистия как институт конституционного права // Общество и право. 2009. № 4 (26).
2. Бахрах Д.Н. Юридическая ответственность по административному праву // Административное право и процесс. 2010. № 1.
3. Гриценко В.В. Административная амнистия: проблемы правоприменения. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 4 (23).
4. Дзидзоев Р.М. Амнистия как конституционно-правовое явление // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5.
5. Зеленцов А.А. Амнистия в законодательстве России: правовая регламентация и исполнение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2004.
6. Зеленцов А.А., Коломийченко Е.В. Социально-политический смысл и эффективность амнистии в современной России. // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 6.
7. Кашуба Ю.А. Принятие актов амнистии в Российской Федерации (обращение к недавнему опыту) // Человек: Преступление и Наказание. 2014. № 2 (85).
8. Комарицкий С.И. Эффективность освобождения из исправительно-трудовых учреждений по амнистии. — М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982.
9. Комольцева А.А., Ивашкина Е.А. Институт амнистии: право-

вая природа и проблемы применения в современной России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 3.

10. Конституция Российской Федерации. Комментарий / Под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. - М.: Юрид. лит.-ра, 1994.
11. Марогулова И.Л. Законодательные проблемы амнистии и помилования // Журнал российского права. 1998. № 1.
12. Молчанов П.В. Административная амнистия для нарушителей правил дорожного движения. // Право и государство: теория и практика. 2009. № 10 (58). С. 104.
13. Салпагаров М.У. Амнистия как межотраслевой юридический институт и некоторые проблемы ее реализации. // Перспективные направления развития современной юридической науки. Сборник статей международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию юридического факультета и 75-летию Петрозаводского государственного университета. 2015.
14. Скуратов Ю.И., Чурилов С.Н., Грудинин Н.С. Государственная политика в сфере амнистии и помилования в Российской Федерации: тенденции и противоречия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 1.
15. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года – СПб. 1904.
16. Щербакова Е.В. Проблемы реализации института амнистии при освобождении граждан РФ от административной ответственности // Реформы и власть: особенности и функционирование гражданского общества: межвуз. науч. сборник. Воронеж, 2010. Вып. 5.
17. Проект нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях - <https://regulation.gov.ru/projects#npa=102447> (дата обращения: 18.09.2020).

Aleksei G. Deineko

Kosygin State University of Russia, The Department of civil law and public law, Associate Professor, Ph. D. in Law, (115035, Moscow, Sadovnicheskaya, 52/45. alexey-deyneko@mail.ru; SPIN: 8899-7709 AuthorID: 704121)

ANONYMITY AS THE INHERENT NATURE OF CYBERSPACE

Keywords: *legal theory; information law; anonymity; privacy; cyberspace; Internet; deanonymization; national security.*

Abstract: *This article aims to explore the legal nature of the concept «anonymity» of the subjects of relations that occur in information-telecommunication networks. Anonymity will be considered in two aspects: as the inherent nature of cyberspace and as one of the most important subjective rights in the structure of studied relationships. Also an interdisciplinary approach will be applied to this concept.*

The article also analyzes the first results of amendments to the information legislation in terms of identification of users of cyberspace, adopted in 2017, as well as new legislative initiatives in this area, currently being considered in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation.

Problem statement

The concept of anonymity, which does not leave from news feeds in recent years, can be called one of the symbols of the modern cyberspace. Within a few years, this concept has passed from the vocabulary of secret services and coders into everyday speech. This is largely due to the activities of the regulators to “bringing order” on the Internet. Despite the fact that anonymity is often perceived

by the legal community as a phenomenon that does not need to be explained, in many ways it remains to be *terra incognita*.

The format of the article, unfortunately, does not allow us to analyze all the features of the phenomenon of anonymity in cyberspace that is why we review the key technical and legal aspects of this phenomenon. We have repeatedly drawn attention to the fact that cyberspace has become a fundamentally new sphere of law, and anonymity, in turn, is its organic property, along with cross-border and interactivity⁷⁰. This feature of cyberspace, coupled with the development of wireless public access networks and technologies for changing (masking) IP-addresses, has been worried Russian lawmakers for many years. In 2016, German Klimenko, adviser to the President of Russian Federation on Internet issues, called anonymity the most serious problem of the Internet and de facto recognized that it was impossible to solve it quickly⁷¹. Some attempts have already taken place in Russian practice in terms of introducing mandatory identification of users of public Wi-Fi networks⁷², and they can hardly be called effective. In recent years the legislator has made a number of steps, which, however, have not led to a full solution to this problem⁷³.

July 29, 2017 Russian President Vladimir Putin has signed two laws directly related to the issue of cyberspace

⁷⁰ See for example, *Deineko A.G.* (2017). *Avtorskoe pravo v kiberprostranstve: monografiya* [Copyright in cyberspace: monography] Moscow: Yurlitinform. P. 15. (in Russ.).

⁷¹ Interview with G. Klimenko (2016) [online]. *Izvestia* [News]. Available at: <https://iz.ru/news/608118> [Accessed November 1, 2019].

⁷² Art. 1 Decree of the Government of the Russian Federation of August 12, 2014 No. 801 «On amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation» // *Svod zakonov Rossijskoj Federacii* [Russian Code of Laws], August 25, 2014. No. 34. Art. 4662.

⁷³ See for example, *Naumov V.B.* (2018). *Problemy razvitiya zakonodatel'stva ob identifikacii sub'ektov informacionnyh otnoshenij v usloviyah cifrovoj ekonomiki* [Problems of development of legislation on identification of subjects of information relations in the digital economy] // *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS]. 13 (4). P. 131.

anonymity: Federal law No. 241-FZ⁷⁴ and Federal law No. 276-FZ⁷⁵. Many experts note that the draft laws related to the regulation of cyberspace tend to have ultra-short (from two weeks to one month) terms of discussion in the lower house of Parliament⁷⁶.

Law 241-FZ, also known as the “Messengers Law”, amended Federal law of July 27, 2006 No. 149-FZ “On information, information technologies and information protection” (hereinafter - “Information Law”), fixing a new concept for the Russian law system: “organizer of an instant messaging service”. The definition is formulated so vaguely that it includes not only well-known messengers - WhatsApp, Viber, Telegram, etc., but also, for example, social networks. For such organizers, the Messengers Law establishes the obligation to identify users of services using the mobile operator’s subscriber number “in accordance with the procedure established by the Government of the Russian Federation”, which came into force in May 2019⁷⁷, as well as the obligation to ensure the confidentiality of transmitted electronic messages. In other words, messenger users will be identified through the SIM cards that they use to access the Internet, but in return they will receive a

⁷⁴ Federal law of July 29, 2017 No. 241-FZ «On amendments to articles 10-1 and 15-4 of the Federal law “On information, information technologies and information protection”» (hereinafter – 241-FZ). Available at: Ofitsialnyi Internet-portal pravovoi informatsii [Official Internet-portal of law information] URL: <https://pravo.gov.ru>, ID: 0001201707300031. [Accessed November 1, 2019].

⁷⁵ Federal law of July 29, 2017 No. 276-FZ «On amendments to the Federal law “On information, information technologies and information protection”» (hereinafter – 276-FZ). Available at: Ofitsialnyi Internet-portal pravovoi informatsii [Official Internet-portal of law information] URL: <https://pravo.gov.ru>, ID: 0001201707300002. [Accessed November 1, 2019].

⁷⁶ Interview with head of NGO «Roscomsvoboda» A.Kozluk (2017) [online]. «Afisha.Daily». Available at: <https://daily.afisha.ru/technology/5885-v-rossii-blokiruyut-vpn-i-tor-svobodnomu-internetu-konec> [Accessed November 1, 2019].

⁷⁷ Decree of the Government of the Russian Federation of October 27, 2018 No. 1279 «On approval the Rules for identifying users of the Internet by the organizer of the instant messaging service» (came into force May 5, 2019) // *Svod zakonov Rossijskoj Federacii* [Russian Code of Laws], November 12, 2018. No. 46. Art. 7043.

guarantee of confidentiality of the transmitted data. There is no answer to the question of what to do with users who purchased a SIM card without entering a passport data (which is absolutely legal today) or use a SIM card issued to another person.

Law No. 276-FZ, also known as the “Anonymizers Law” amended the Information Law by prohibiting the use of software that allows users to change (mask) their IP-addresses, reducing the possibility of their identification to zero. To legally define anonymizers, the legislator used a very cumbersome construction: “information-telecommunication networks and information resources, through which access to information resources and information-telecommunication networks is provided, access to which is restricted on the territory of the Russian Federation”⁷⁸. At the same time, «*information resources*» mean a website on the Internet and (or) a website page on the Internet, an information system, or a computer program. The authors of the 276-FZ paved a shaky bridge between information and copyright law, given that information has not been the object of civil rights for many years⁷⁹, but computer programs are⁸⁰. Thus, new concept «*information resources*» combines two different groups of objects: site, site page, information system (information law) and computer programs (copyright law). Thus, the existing discussion in the Russian jurisprudence about the legal nature of information and related concepts is even more complicated.

It should be noted that the 276-FZ does not establish a total ban on the use of anonymizers, it is only prohib-

⁷⁸ Art. 15.8 of Information Law.

⁷⁹ Art. 128 of the Civil Code of the Russian Federation (Part 1) of November, 30, 1994 No. 51-FZ // Svod zakonov Rossijskoj Federacii [Russian Code of Laws], December, 5, 1994. No. 32. Art. 3301.

⁸⁰ P. 1 art. 1259 of the Civil Code of the Russian Federation (Part 4) of December, 18, 2006, No. 230-FZ // Svod zakonov Rossijskoj Federacii [Russian Code of Laws], December, 25, 2006. No. 52 (Part 1), art. 5496.

ited to use them to overcome Roskomnadzor’s blocking. Owners of information-telecommunication networks and information resources that are used to overcome blocking, are required to “ensure compliance with the ban” on access to blocked Internet sites, but the law does not explain how they should do this. At the same time, for non-compliance, is provided a responsibility in the form of restricting access to the owner’s software and hardware, regardless of the owner’s national jurisdiction. It is obvious that foreign owners of anonymizers, having received a Roskomnadzor’s notification, will not eagerly comply with it, but rather will create a “mirror” of a potentially blocked site.

In general, this legal construction looks like a matryoshka doll - it is possible that the Roskomnadzor registry will be supplemented with sites that were blocked for providing tools to access blocked sites, etc. Users of cyberspace, in turn, will create information resources to overcome the blocking of information resources intended to bypass the blocking of Internet sites. It should be noted that in the explanatory note to the federal law draft No. 195446-7⁸¹, which was the prototype of 276-FZ, is noted that the practice of blocking web sites, which has developed since 2012, revealed the insufficient effectiveness of the blocking mechanism.

New beginnings

Despite the noted width of the thesaurus of 241-FZ, 2019 was marked by another resonant initiative related to the deanonymization and addressed to e-mail users. Apparently, legal practice has revealed the incorrect application of the Messenger Law to e-mail users, which prompted

⁸¹ Federal law draft No. 195446-7 «On amendments to the Federal law “On information, information technologies and information protection” (in terms of clarifying the procedure for restricting access to information resources)» // Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/195446-7> [Accessed November 1, 2019].

senators A. Klishas, L. Bokova, A. Bashkin, A. Karlin to introduce a draft law that extends the obligation to identify e-mail users. Moreover, we are talking about two draft laws with identical names: the first one was introduced on July 23, 2019 under the No. 760029-7⁸² and is currently cancelled, the second draft law was introduced by the same senators on October 8, 2019 under the No. 808655-7⁸³ and, most likely, it will be the basis for future amendments to the Information Law.

In the explanatory notes to both draft laws it was noted that the changes made in 2017 to the Information Law, according to the developers, “had a positive impact on the security of the Russian Federation.” The necessity of the identification of e-mail users is due to the growth of false messages about the threat of terrorist acts. Federal law draft No. 760029-7 regulated in detail actions of the organizers of e-mail services in relation to users of such services and messages transmitted by them, while the Federal law draft No. 808655-7 has only obligate them to «restrict users abilities». Also, a draft law No. 808655-7 proposes to remove the term “instant” from all legal constructions with the “instant messaging service”, thereby extending the effect of the Messenger Law to e-mail services. Such novelties are unlikely to be working themselves until the relevant amendments are made to the Decree of the Government of the Russian Federation of October 27, 2018, No. 1279, which is still action in pilot mode⁸⁴. In addition,

⁸² Federal law draft No. 760029-7 «On amendments to the article 10-1 of Federal law “On information, information technologies and information protection” (in terms of establish email service organizer’s responsibilities)» // Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/760029-7> [Accessed November 1, 2019].

⁸³ Federal law draft No. 808655-7 «On amendments to the article 10-1 of Federal law “On information, information technologies and information protection”» // Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/808655-7> [Accessed November 1, 2019].

⁸⁴ This is confirmed by numerous journalists experiments, proved that after the entry into force of this Decree, any one can still purchase a SIM card without presenting an ID, installing any messengers, adding funds to the account balance and without any risk of being identified – AA.

it may be necessary to adopt a special legal act, established the procedure (method) for filtering messages containing prohibited information by e-mail services, as well as by a regulator that is not yet known.

Thus, we can state the legislative “trend” of recent years — the desire of the legislator to “deanonymize” cyberspace by any ways. This trend is likely to lead to an “exodus” of users to foreign service providers, who are unlikely to obey with Russian law requirements. A significant number of legal entities and public authorities that provide their employees (officials) corporate email addresses fall under the scope of the proposed laws. The question of identifying email addresses belonging to legal entities, state and local government bodies, as well as their various divisions (departments, services, etc.) remains unanswered.

As for the Russian owners of information-telecommunications networks and information resources that qualified as anonymous technologies, since none of them is able to control how they are used by end users (especially if we are talking about computer programs), the most reasonable action for them in terms of risks minimizing is to delete such a network or information resource.

Supporters of access to the Internet “by passport” often call anonymity as a clear threat to national security, arguing that it helps to commit crimes — from hacking social networks accounts to large-scale hacker attacks. However, the Doctrine of information security, approved by the President of Russia in December 2016, does not call anonymity as one of the threats to our country’s information security⁸⁵.

⁸⁵ The doctrine of information security of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016 No. 646 // Svod zakonov Rossijskoj Federacii [Russian Code of Laws], 12.12.2016. No. 50. Art. 7074.

This is because anonymity, like any other technological tool, cannot be used solely for the purpose of causing harm. For example, anonymous technologies are successfully used for the state protection of victims, witnesses and other participants of criminal proceedings, by journalists in “hotspots”, as well as in the practice of transnational corporations for the safe transfer of information. The authors of the draft law (Federal law No. 195446-7) in an explanatory note to it also pointed to “a wide range of possibilities for their legal application”. In this regard, one of the key disadvantages of 276-FZ, in our opinion, is the lack of differentiation between the legal and illegal use of anonymous technologies. SMS and other mobile communications are often used when committing crimes (and even terrorist attacks), but this does not mean that these technologies should be also banned.

The most common technologies for providing anonymity in cyberspace can be divided into three groups. The first group includes so-called VPN services⁸⁶, which now have formed a large market with paid access to these services. It seems that 276-FZ is directed against Internet sites that offer to “buy a VPN”. However, blocking a site that offers a paid access to VPN, will not affect the performance of the VPN service itself, and users who previously paid for access will be able to continue using it. It should be noted that, according to our estimates, the number of advertising offers for the purchase of VPN services over the past two years has not changed significantly.

The second group of technologies includes various add-ons for Internet browsers (Google Chrome, Opera, Mozilla Firefox, etc.) that allow users to change their own IP-ad-

⁸⁶VPN (*Virtual Private Network*) – generic name for technologies, provide one or more network connections (a logical network) on top of another network (for example, the Internet). It should be noted that VPNs can be used not only for anonymous data transfer, but also for other purposes, including access to the Internet. For more information, see URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/VPN> [Accessed November 1, 2019].

dress by one click. These applications are usually free of charge and are most convenient for users. It seems that such add-ons were what the legislator meant when he used the term “computer programs”. In this case, we can expect bans of using of software-add-ons, and in the worst case, the entire Internet browser. Finally, the third group includes TOR-technologies⁸⁷, the perspective of blocking which is most doubtful.

We can agree with the forecast of analysts of the Internet media “Medusa” that law enforcement bodies will focus their efforts primarily on the first two groups, since they are the most popular and easiest to use⁸⁸. The Chinese experience of fighting with TOR, where the state has spent huge technological and financial resources to block the output nodes of TOR networks, is disappointing for supporters of blocking. The developers “taught” the system to “build bridges” through hidden repeaters, and as a result, TOR networks became more perfect, and huge state resources were wasted. In fact, the China state has invested significant resources in improving the technology that was going to be banned.

Certain doubts arise when referring to the question of the time limits of the legislative novels. As we know, *lex prospicit, non respicit*, but in this case we can talk about an example of the hidden retroactive force of the law. At the time of creating special add-ons for Internet browsers or sites that offer VPN services, such actions of developers and users were absolutely legal. 276-FZ does not contain any reservations that it does not apply to information resources created before its adoption, which means that it

⁸⁷TOR (*The Onion Router*) – software (as well a proxy system) that allows to establish a secure anonymous network connection. Like a VPN, it can be used for “peaceful purposes”. For more information, see URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Tor> [Accessed November 1, 2019].

⁸⁸«Meduza», July, 3, 2017 // Available at: <http://meduza.io/feature/2017/07/03/vlasti-sobirayutsya-zablokirovat-vpn-i-anonimayzery-a-eto-voobsche-voz-mozhno> [Accessed November 1, 2019].

may be quite real that developers will be responsible for the technology or program that they created 5 or 10 years ago. At the same time, users who paid for a VPN service or installed software before the 276-FZ entry into force, theoretically, should not be responsible for the use of anonymous technologies.

The constitutional dimension of anonymity

For a more complete analysis of the legal nature of anonymity in cyberspace, it is necessary to consider it not only from the standpoint of information law, but also in conjunction with the right to privacy, established by part 2 of article 23 of the Constitution of the Russian Federation. The Constitution of the Russian Federation, as we know, establishes an open list of possible means of communication, through which personal correspondence can be carried out, and also speaks about the only possible way for restricting the right to privacy – a court decision. In this regard, anonymity should be considered as the most important technological tool aimed at performing the constitutional right of everyone to privacy. A person who uses anonymous technologies to visit unbanned Internet sites is reasonably based on the legality of their actions. Thus, a complete ban on the anonymous technologies in cyberspace is impossible due to its obvious unconstitutionality.

Anonymous technologies are on a par with encryption technologies that allow you to secure payments and correspondence in cyberspace, but at the same time are not identical to them. In this regard, soon it will become possible to establish the right to secure Internet access in the constitutions of modern countries and international legal acts. At the same time, today we can name possible components of the right to anonymity. Experts of the «Russian center for digital rights protection» identify the following components of this right:

- the right to anonymous web surfing (searching for information on the web) and anonymous sending of personal messages (including via messengers);
- the right to anonymous posting (publication of information in the network);
- the right to anonymous payments (including the use of cryptocurrencies);
- the right to create and distribute works anonymously⁸⁹.

We can generally agree with the proposed classification, if we take into account that these rights can also be implemented using encryption technologies, i.e. encrypted data transmission, rather than anonymous. In support of the position on the need to establishing these rights, the «Russian center for digital rights protection» experts refer to the practice of higher courts in foreign legal systems (in particular, the Supreme Court of the US⁹⁰ and the ECHR⁹¹), and to the positions of international organizations (the UN Human rights Council⁹², the Council of Europe, etc.).

Analyzing these examples, we can draw two conclusions from the legal positions of these bodies. First, courts and international organizations require states to respect the desire of citizens to access the Internet anonymously and not to obstruct it. Secondly, these bodies assume that the right to anonymity cannot be absolute and may be subject to reasonable, justified and lawful restrictions, as well

⁸⁹ Available at: <https://habrahabr.ru/company/digitalrightscenter/blog/329050/> [Accessed November 1, 2019].

⁹⁰ A selection of decisions of the Supreme Court of US in cases related to anonymity and freedom of speech on the Internet // "Electronic Frontier Foundation". Available at: <https://www.eff.org/updates?type=case> [Accessed November 1, 2019].

⁹¹ See for example, ECHR cases K.U. vs. Finland, № 2872/02, December 2, 2008, Delfi vs. Estonia, № 64569/09, October 10, 2013, etc..

⁹² UN Human rights Council resolution No. A/HRC/32/L.20 «The promotion, protection and enjoyment of human rights on the Internet». June 27, 2016 // Available at: <https://undocs.org/A/HRC/32/L.20> [Accessed November 1, 2019].

as other constitutional rights. After all, even in those developed legal systems where the death penalty is prohibited, the most important constitutional right – the right to life — is still a subject to certain restrictions – for example, through the necessary self-defense or (less often) legalizing euthanasia. In addition, in some cases, identification of a person may be obligated for the realization of other constitutional rights – for example, when a citizen applies for state and municipal services in electronic form. In these conditions, it is not necessary to talk about the right to anonymity, since the law on personal data protection comes into play. It should be noted that Russian legal experts draw attention to the conceptual and terminological discrepancy between the legislation on identification and on personal data protection⁹³.

There is hardly find any convincing arguments that anonymous payments to charitable foundations (even from foreign sources) pose any threat to national security. However, such threat may arise in the case of anonymous funding of political organizations, which means that the right to anonymous payments should still be subject to constitutional restrictions. The question of whether to restrict the right to publish information anonymously in cyberspace deserves a separate discussion and is beyond the scope of this article. The problem of the limits to the realization of the right of everyone to privacy is relevant for western legal systems. The debatable issue is the limits of restricting this right by the state when it is necessary for fight against terrorism and extremism. In this case, we are talking about the state interference in the personal life of law-abiding citizens, not the terrorists (extremists). In cases where the object of interference is the personal life

⁹³ Naumov V.B. (2018). Nauchnye podhody k klassifikatsii vidov pravovoj identifikatsii v informatsionnyh pravootnosheniyah [Scientific approaches to classification of types of legal identification in information legal relations] // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS]. 55 (3). Pp. 104-115.

of a potential criminal, the law on operational search activity enters into the case, allowing in such cases to obtain a court sanction. A clear illustration of this trend is the USA Patriot Act⁹⁴ adopted in the United States after the September 11, 2001 attacks, which expanded the powers of law enforcement agencies to monitor citizens, including in cyberspace. Adopted as a temporary measure, this law was in effect for 14 years, until its provisions were significantly relaxed in 2015. One of the pushes to soften the provisions of the USA Patriot Act was the report of the US Department of justice on the ineffectiveness of this law.

Unfortunately, the Russian legislator did not take into account the experience of overseas colleagues and in 2016 Russia adopted the infamous “Yarovaya package”⁹⁵, which established the obligation for all information mediators to decrypt messages transmitted by users (text, voice, video, photo and other messages) and store them for 6 months. The “Yarovaya package” is related to the USA Patriot Act with a common goal (fighting against terrorism) and a large resonance that both of these acts caused in the Internet community. It is still too early to assess the effectiveness of these laws, but even today we can see a serious burden on telecom operators and information mediators in the costs of purchasing and operating special equipment. This has already led to increase in the cost of communication services provided on the territory of Russia. In addition, with regard to the “Yarovaya package”, the doubts remain about its compliance with the articles 23,

⁹⁴ Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act, October, 26, 2001, № 107-56. // Available at: <https://congress.gov/107/plaws/publ56/PLAW-107publ56.pdf> [Accessed November 1, 2019].

⁹⁵ The «Yarovaya package» includes two laws, but in this case we are talking about Federal law No. 374-FZ of July 6, 2016 “On amendments to the Federal law “On countering terrorism” and certain legislative acts of the Russian Federation regarding the establishment of additional measures to counter terrorism and ensure public safety” // Available at: Ofitsialniy Internet-portal pravovoi informatsii [Official Internet-portal of law information] URL: <https://pravo.gov.ru>, ID: 0001201607070016 [Accessed November 1, 2019].

24 of the Constitution of the Russian Federation (in part on the necessity of a court decision to restrict the right to privacy and the need for a person's consent to collect, store and use information about his private life).

The law should be economical

Questions about the feasibility of restricting the right to use anonymous technologies have not only a legal, but also an economic dimension. In this regard, it seems necessary to apply a law-economical analysis, to estimate the costs and benefits of making the legislative decisions.

First of all, anonymity itself can be considered as an economic category. It is the opposite of individualization, which has value for the product, including for the Internet user, if he himself acts as a product, exploiting its popularity. This does not mean that anonymity has no economic value or has a negative value. If the user does not make money on their own identity (for example, by blogging), anonymity is an economically valuable benefit for them, the loss of which they will perceive as a damage. Anonymity has an even greater economic value when transferring confidential information between commercial companies, as pointed above. Thus, the state, depriving individuals and legal entities from economic benefits (anonymity), or to be more precise, limiting their ability to use such benefits, is forced to bear organizational, technical and financial costs. The costs should also include the risks of incorrect enforcement, since the mentioned laws and draft laws are not perfect in terminology.

Richard Posner, a professor at the University of Chicago School of law, provides the following formula for an economic and legal analysis of the problem of limits and restrictions on freedom of speech in the United States:

$$pH / (1+d)^n + O \geq B - A$$

where **H** means the harm that public statements are likely to cause with probability **p**, **O** – the offensiveness caused

by such statements, **B** – the benefits of allowing dubious statements by the state, **A** – the costs of imposing bans, and $(1+d)^n$ are the discount rate for future costs or profits compared to the present. In other words, the state should prohibit questionable statements if and only if the expected harm from the statements, discounted based on their probability and time of occurrence, exceeds the amount of benefits from them and the costs of prohibiting them⁹⁶.

If we extrapolate this formula (without indicator **O**) to the anonymity problem, we will conclude that the actions of the state to deanonymize the Internet will be effective only when the expected benefit from these restrictions exceeds all possible costs incurred by the state and society. With regard to the “fight against VPN”, it should be considered, that the costs incurred by Russian IT companies will be higher than at foreign competitors, since the risks of them to suffer from the actions of Roskomnadzor should be assessed lower. This may create an economically paradoxical picture, when the state actually imposes additional burdens on domestic IT companies instead of helping them to improve their competitiveness in the world market.

If, as a result of restrictions on the use of VPN in the Ru-net, the technological chain of transmitting confidential information of any business entity is disrupted, this will be a danger signal for the entire market. These costs are directly related to the concept of the “digital economics”⁹⁷, the need to build which speak Russian leaders, and at the same time, they are the most difficult to calculate.

⁹⁶ Pozner R. (2017) Rubezhi teorii prava [Frontiers of law theory] / translate from Eng. by Kushnareva E., under the ed. Odintsova M. Moscow: Publishing house of Higher school of economics. (in Russ.). P. 76.

⁹⁷ Passport of the National project “Digital economics of the Russian Federation” (approved by the Presidium of the Council to the President of the Russian Federation for strategic development and national projects, protocol No. 7 of June 4, 2019) // Available at: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf [Accessed November 1, 2019].

If we look to the left side of the above formula, we will see that prof. Posner's allows us to abstract from unnecessary moral and ethical aspects of the anonymity problem. If the "Yarovaya package" calls the fight against terrorism among its main goals, then based on a purely moral assessments, it will not be difficult to conclude that even one prevented terrorist attack will equal billions costs to decrypt and store the correspondence of users of cyberspace. From the point of view of law-economic analysis, we will be talking about a very high potential harm (**H**), which can occur with a relatively small probability **p**, which in turn will allow us to raise the question of other, possibly more effective options for allocating financial costs for the fight against terrorism.

Summing up the attempt at law-economics analysis of the phenomenon under consideration, it should be noted the high potential value of this method, which in the future could be used for the preparation of financial and economic justifications for draft of legal acts, including mentioned in this article.

Some conclusions

Anonymity, as one of the organic properties of cyberspace, cannot be called an absolutely harmful phenomenon. In some cases, the use of anonymous technologies benefits both individuals and society as a whole by increasing the security of data transfer in cyberspace. However, it is necessary to distinguish between the anonymous and cryptographic technologies, since in the first case, the devices that transmit information are depersonalized, and in the second case, the transmitted information itself is encrypted.

Anonymity should be considered as one of the key mechanisms for implementing the constitutional right to privacy. This right is not absolute, so its recognition by

states does not exclude the possibility of minor restrictions on the use of anonymous technologies (for example, in terms of anonymous payments to prevent the financing of terrorist or extremist organizations). At the same time, anonymous communication in cyberspace should not be prohibited to users, for whom government bodies do not have reliable information about their involvement in socially dangerous acts.

Russian legislator, having adopted new laws requiring messenger operators to identify all users and prohibiting the use of VPN, continued the trend to deanonymization of cyberspace. The Internet community perceives anonymity as a benefit that it does not want to lose, and in response to each legislative novel develops new technologies to circumvent new prohibitions.

Looking at the anonymity problem from the point of view of the theory of benefits and costs allows us to make a conclusion that it is necessary to analyze law-economic aspects of legislative initiatives related to the regulation of cyberspace. Legislation in this area should be based not only on the legislator's ideas about "reasonable, good, eternal", but also on the laws of the market, and achievements of economic science. The ratio of costs and benefits, that the state and society are ready to incur from the adoption of a new law, should become as integral element of the legislative process as the legal examination of draft laws.

However, we cannot rule out a scenario where the further development of technology will seriously change the concept of anonymity. If one person uses a single mobile device to access the Internet at home, at work, and anywhere in the world by simply connecting to public networks, then this device (through the contract concluded with the seller of the device) will be the legal basis for identifying the user. If we recall the forecasts of futurists predicting the appearance of microchips integrated into the human body and connected to the Internet, it becomes

obvious that with each round of technological progress, the legislator will face more and more complex tasks.

REFERENCES:

1. *Deineko A.G.* (2017). *Avtorskoe pravo v kiberprostranstve: monographiya* [Copyright in cyberspace: monography] Moscow: Yurlitinform. (in Russ.).
2. *Naumov V.B.* (2018). *Nauchnye podhody k klassifikatsii vidov pravovoj identifikatsii v informatsionnykh pravootnosheniyah* [Scientific approaches to classification of types of legal identification in information legal relations] // *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS]. 55 (3). Pp. 104-115.
3. *Naumov V.B.* (2018). *Problemy razvitiya zakonodatelstva ob identifikatsii sub'ektov informatsionnykh otnoshenij v usloviyakh cifrovoj ekonomiki* [Problems of development of legislation on identification of subjects of information relations in the digital economy] // *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS]. 13 (4). Pp. 125-150.
4. *Pozner R.* (2017) *Rubezhi teorii prava* [Frontiers of law theory] / transl. from Eng. by *Kushnareva E.*, under the ed. *Odintsova M.* Moscow: Publishing house of Higher school of economics. (in Russ.).

ПЕШИНА Инна Юрьевна,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет права, старший преподаватель (109028, Москва, Б.Трехсвятительский пер., 3; тел.: +7495-772-9590; email: ipeshina@hse.ru)

ШАБЛИНСКИЙ Илья Георгиевич,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет права, доктор юридических наук, профессор, член Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ (109028, Москва, Б.Трехсвятительский пер., 3; тел.: +7495-772-9590; email: ishablin@hse.ru)

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЙ В РЕШЕНИЯХ ЕСПЧ (в рамках анализа конкретного решения)

Ключевые слова: Европейский Суд; свобода выражения мнения; права журналистов; репутация публичного лица; утверждения о фактах; оценочные суждения.

Аннотация: Противостояние свободных средств массовой информации и государства в лице его институтов является серьезной проблемой как для России, так и для многих других европейских государств. Решения Европейского Суда по правам человека по жалобам журналистов и средств массовой информации на нарушения статьи 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод напоминают национальным судам о необходимости обеспечения свободы массовой информации в соответствии с внутренним законодательством и принятыми на себя государствами международными обязательствами. В решении по делу «Скудаева против России» Европейский Суд подчеркнул, что национальным судам следует искать баланс между свободой слова и свободой средств массовой информации, с одной стороны, и правом публичного лица на честь и достоинство, с другой. Суд также напомнил о важности различения информации о фактах и оценочных суждений журналиста в связи с

возможностью дальнейшей оценки высказываний журналиста с точки зрения их достоверности. Суд указал на необходимость повышенной терпимости публичных персон к критике, подчеркнув, что деятельность должностных лиц может и должна критиковаться. В таких спорах суды должны учитывать интересы общества, и, если журналист вскрывает общественно значимую проблему, критикуя представителей власти, судам следует принять его сторону, даже если представители власти чувствуют себя уязвленными. Также Судом было отмечено, что ограничение свободы на выражение мнения возможно, но во всех случаях должно быть обосновано национальными судами в соответствии с принципами и стандартами статьи 10 Конвенции.

Значение решения и его суть

Рассмотрение Европейским Судом по правам человека (далее – Европейский Суд или ЕСПЧ) жалоб, связанных с нарушением свободы выражения мнения, нередко способствует раскрытию новых аспектов указанной свободы, разбору некоторых проблем, связанных с её реализацией.

Рассматриваемая жалоба, поступившая из Российской Федерации, примечательна тем, что в ней отражён конфликт достаточно типичный для нынешних российских реалий. Речь идёт о конфликтах глав регионов (либо членов местной политико-административной элиты) с региональными организациями СМИ и их журналистами, пытающимися в той или иной мере критиковать власть. Подобная критика становится всё более опасной для журналистов. Соответственно серьёзные трудности в работе может испытывать любое издание, которое губернатор, администрация либо представители силовых структур считают недостаточно лояльным. История отечественной журналистики последних 10-15 лет включает немало эпизодов, ког-

да против неугодных журналистов (редакторов) областных либо республиканских СМИ возбуждали уголовные дела – в прямой связи с их профессиональной деятельностью.

Отношения власти и прессы в этих случаях складывались в рамках вполне традиционной или, точнее, архаичной модели. Административная верхушка региона обычно полагала, что вправе осуществлять контроль над наиболее популярными печатными изданиями и телеканалами. Уклонение от этой роли главных редакторов и журналистов воспринималось как бунт или, по крайней мере, как недопустимая вольность.

Как отмечают В.И.Бакштановский и М.В.Богданова, «многие признаки актуальной ситуации в профессии противостоят ценностям профессиональной этики журналиста. Противостоят системно. И противостоят не пассивно, но, вполне можно сказать, разрушают этику профессии...».⁹⁸

В то время как политологи, характеризуя современное состояние медиа-пространства, говорят о «ликвидации монополии институциональных средств массовой информации»,⁹⁹ в российской глубинке эти самые «институциональные СМИ» в лице крупных областных газет всё ещё ведут тяжёлую борьбу за свободу выражения мнений. Региональные администрации в этой борьбе опираются нередко на силовые структуры.

Многие журналисты были привлечены к уголовной ответственности – в осуществляемой ими профессиональной деятельности правоохранительные органы нередко усматривали составы преступлений, предусмотренные Уголовным кодексом Российской

⁹⁸ Бакштановский В.И., Богданова М.В. Этика безнадёжной решимости – актуальная ценность современной журналистики? // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. № 3 (141) 2015, с. 23-24.

⁹⁹ В фокусе: информационное общество и право. Введение // Сравнительное конституционное обозрение, № 6 (115) 2016, с. 48.

Федерации. Достаточно часто при этом использовались нормы статей 129, а затем 128.1 (клевета), 319 (оскорбление представителя власти), а также 163 (вымогательство).

На основании таких обвинений были осуждены многие журналисты, хорошо известные в своих регионах. Например, Маргарита Ефремова из Ростова-на-Дону (газета «Южный Федеральный»), Александр Андронюк из Арзамаса (газета «Арзамасские вести»), Игорь Рудников из Калининграда (газета «Новые колёса») и другие.

С этой точки зрения заявитель, журналистка костромской региональной газеты «Хронометр Кострома» Анна Скудаева, отделалась довольно легко: на её публикацию с критикой губернатора и администрации области те ответили гражданским иском, требуя защиты чести, достоинства и деловой репутации. Ленинский районный суд Костромы частично удовлетворил данный иск, признав обоснованными требования губернатора и отказав в иске администрации, а вышестоящий суд оставил это решение в силе. Напротив, Европейский Суд, в который заявительница обратилась с жалобой, установил, что национальные суды не провели различия между фактами, подлежащими доказыванию, и оценочными суждениями заявительницы, которые и явились фактическим основанием исковых требований губернатора и областной администрации. Кроме того, по мнению ЕСПЧ, национальные суды не учли журналистские профессиональные обязанности заявительницы, которая публиковала материалы с критикой власти, выполняя свой журналистский долг. В результате Европейский Суд признал, что в отношении заявительницы была нарушена статья 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция).¹⁰⁰

¹⁰⁰ European Court of Human Rights (далее – ECtHR). *Skudaeva v. Russia*. Application no. 24014/07. Judgments of 3 March 2019.

По нашему мнению, это решение представляет существенный интерес с точки зрения установления справедливого баланса между защитой свободы слова, свободой массовой информации и защитой репутации и доброго имени лица, являющегося представителем власти.

Содержание жалобы и обстоятельства дела

Заявительница, Анна Скудаева, профессиональная журналистка, жила и работала в Костроме. В июле 2006 года она написала для ежедневного регионального издания «Хронометр Кострома» статью «Несмешное кино», посвящённую коррупционным отношениям во властных структурах региона. Нужно отметить, что А.Скудаева была достаточно известным в области журналистом. В 2000 году она стала лауреатом Всероссийского конкурса журналистского мастерства «Золотой гонг» в номинации «За мужество в отстаивании прав граждан через прессу», в 2001 году – победителем Всероссийского конкурса региональных журналистов «Вопреки» имени Ларисы Юдиной (за серию проблемных публикаций антикоррупционной направленности).

Рассматриваемая публикация была не первым материалом Скудаевой, вызвавшим недовольство губернатора и администрации Костромской области. Так, ее статья «Шершунов покупает вертолет?» в том же печатном издании ранее также стала предметом судебного рассмотрения в связи с исками губернатора и администрации области к журналистке и изданию (тогда суд отказал истцам в удовлетворении их требований). Публикация «Парад уголовных дел» вновь свела Администрацию области и ее губернатора с Анной Скудаевой и ООО «Хронометр» (редакция газеты не являлась юридическим лицом, поэтому иск был предъявлен к организации – учредителю средства массовой информации) в качестве сторон гражданского процес-

са. Воспользовавшись распорядительными правами, предусмотренными статьей 39 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, тяжущиеся заключили мировое соглашение.

На этот раз в центре внимания журналистки оказалось написанное в 2003 году письмо губернатора области Виктора Шершунова в районный суд. В нём губернатор высказывал поддержку своему заместителю Дмитрию Старостину, который оказался под судом, будучи обвинённым в растрате и умышленном причинении вреда здоровью. Можно предположить, что Старостин был очень ценным специалистом, и что сумма растраты не выглядела значительной (147 тысяч рублей). Но всё же данное письмо, в котором, губернатор просил суд при возможности «освободить вице-губернатора от уголовной ответственности», выглядело, мягко говоря, странно.

А. Скудаева в своей статье констатировала, что губернатор «всеми силами пытается выгородить своего подчинённого», «стараясь сохранить честь мундира». Подзаголовок материала гласил: «В разгар коррупционных скандалов, сотрясающих область, «красный дом» всеми силами старается сохранить лицо». Статья вышла в газете «Хронометр Кострома» 18 июля 2006 года, а спустя восемь дней губернатор и Администрация области обратились в суд с исками о защите чести и достоинства губернатора, а также деловой репутации администрации, признании ряда высказываний автора статьи не соответствующими действительности. Указанные требования сопровождалась также требованиями истцов о возмещении морального вреда в размере 20000 рублей с ООО «Хронометр» и 10000 рублей с журналистки.

Поводом для обращения в суд послужили, в частности, следующие высказывания автора статьи: «в разгар коррупционных скандалов, сотрясающих область»,

«Красный дом» [имелось в виду здание Администрации в Костроме, символизирующее областную власть] всеми силами пытается сохранить лицо», «несмотря на серьёзный характер уголовных обвинений, выдвинутых против его заместителя, губернатор пытался любой ценой выгородить своего подчинённого, пытаясь отстоять честь мундира...».

Журналистка настаивала на том, что все оспариваемые высказывания представляли собой оценочные суждения, на которые она имела право. В этих суждениях упоминались либо подразумевались факты, которые как таковые не оспаривались губернатором. Скандал, действительно, имел место. Уголовные дела – тоже. Письмо губернатора в суд активно обсуждалось в судебном сообществе – это был уже давно и хорошо известный факт.

Однако Ленинский районный суд города Костромы пришёл к неожиданному выводу. Сначала он признал то, что не признать было бы трудно: «... уголовное преследование руководителей органов исполнительной власти региона и унитарных предприятий было известным фактом.... Эти события привлекли внимание общественности и вызвали широкий общественный резонанс в регионе, независимо от статей в прессе».

Но затем суд расценил как *высказывание о факте* выражение А. Скудаевой «всеми силами пытался выгородить своего подчинённого» – именно так журналистка оценила факт направления губернатором письма в защиту вице-губернатора в суд.

Суд данный факт подтвердил, установив, что «9 февраля 2003 года губернатор В. Шершунов направил федеральному судье Н. Мигунову ходатайство о прекращении производства по уголовному делу в отношении Д. Старостина...». Но слова «выгородить подчинённого» охарактеризовал как «не подтверждённые в ходе судебного заседания».

Аргументация суда заслуживает особого внимания. В частности, суд указал на то, что «выгораживание» определяется в словаре как «доказывание непричастности кого-либо от ответственности». Но губернатор, по мнению суда, вовсе не пытался доказать суду, что Д. Старостин не причастен к преступлениям, в которых его обвиняли. Он лишь предлагал суду «изучить возможность прекращения уголовного дела с учётом времени, прошедшего с момента совершения преступления Д. Старостиным и информации, касающейся личных характеристик последнего». То есть, вовсе не выгораживал подсудимого. А значит, журналистка отклонилась от истины, исказила факт.

С этой точки зрения суд оценил и слова «всеми силами». Для этого также потребовался словарь, который помог суду понять, что «всеми силами» означает «всеми средствами и всеми возможными способами». Но губернатор, по мнению суда, всё же не пытался добиться своего «любой ценой»: он лишь предлагал суду изучить возможность прекращения уголовного дела.

Также, по мнению суда, не соответствовало фактам высказывание журналиста о том, что губернатор «защищал честь мундира». Данная идиома, по мнению суда, подразумевает поведение человека, который ради личных или узко истолкованных институциональных интересов не хочет стирать своё грязное бельё публично (именно такую интерпретацию идиомы суд нашёл в словаре) и желает поддержать хорошую репутацию любыми возможными способами. Суд решил, что ответчики не предоставили доказательств, свидетельствующих о том, что, направляя своё ходатайство (о прекращении уголовного дела в отношении вице-губернатора), губернатор преследовал свои личные интересы, либо интересы областной Администрации.

Таким образом, идиома «защищая честь мундира» также оказалась утверждением о факте.

Соответственно, суд счёл, что требования губернатора о защите его чести и достоинства являются вполне обоснованными и подлежат удовлетворению. Судебное решение обязало газету опубликовать опровержение, а также взыскать в качестве компенсации морального вреда 1000 рублей с газеты и 500 рублей с журналистки.

Можно предположить, что на решение суда значительно (в двадцать раз) уменьшить сумму морального вреда повлияло то, что истцом не были представлены убедительные доказательства, подтверждающие его физические и нравственные страдания, а также обосновывающие заявленный размер морального и репутационного вреда.

Журналистка и представитель ООО «Хронометр» обжаловали решение районного суда в Костромском областном суде. Они придерживались своей прежней позиции: все оспариваемые фразы представляют собой оценочные суждения. Суд же первой инстанции изыскал такие их интерпретации, которые позволили бы — хотя и не без усилий — отнести данные фразы к утверждениям о фактах. Заявители также просили отменить судебное решение о компенсации морального вреда.

Однако областной суд полностью поддержал позицию районного суда. В общетеоретическом плане он признал право журналиста выражать своё личное мнение, суждение и оценку: «автор имеет право выражать... субъективные оценки, которые не подлежат доказыванию». Но из рассуждений суда по существу спора выяснилось, что ни одно из суждений А. Скудаевой не было признано оценочным, а критерии отнесения того или иного суждения к оценкам или к утверждениям о фактах, оказались совершенно размыты.

После вынесения решения судом второй инстанции в декабре 2006 года А.Скудаева выплатила надлежа-

щую сумму в качестве компенсации морального вреда и обратилась с жалобой в Европейский суд по правам человека.

Судебные акты по данному делу были неожиданными, прежде всего, потому, что решением по предыдущему иску губернатора и администрации области к А.Скудаевой и ООО «Хронометр», вынесенным тем же федеральным судьей 15 июня 2006 года, истцам в удовлетворении их требований было отказано. В мотивировочной части решения суд указал:

«В пункте 9 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 24.02.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» указано, что, в соответствии со статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьей 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующим каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицией Европейского суда по правам человека, при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 Гражданского кодекса РФ, поскольку являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности. Суд полагает, что оспариваемые истцом сведения не содержат фактов, требующих проверки соответствия их действительности, поскольку они являются оценочным суждением автора публикации, выражением его субъективного мнения. В постановлении Пленума Верховного суда РФ внимание судов обращено на то, что в соответствии со статьями 3 и 4 Декларации

о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой 12.02.2004 г. на 872-м заседании Комитета Министров Европы, политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в СМИ».

Надо заметить, что в 2005 – 2006 гг. подобные мотивировки были нередки в судебных решениях. Суды охотно ссылались на нормы, о которых им напомнил в своем постановлении Пленум Верховного суда.¹⁰¹

В решении же по рассматриваемому нами делу, вынесенному меньше чем через 4 месяца после предыдущего, 5 октября 2006 года, суд «забыл» упомянуть и статью 10 Конвенции, и статью 29 Конституции Российской Федерации, и статьи 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ.

Представляется важным упомянуть о политическом аспекте данного конфликта, оставшегося за скобками судебных разбирательств. Одну из причин конфликта можно усмотреть в том, что Виктор Шершунов и в 1996 г., и в 2000 г. побеждал на губернаторских выборах, представляя КПРФ, которую в тот период в Москве рассматривали как оппозиционную партию. Президент В. Путин в 2005 г. продлил губернаторские полномочия В. Шершунова. Но вопрос о смене главы региона, скорее всего, снят не был. Отчасти этим можно, очевидно, объяснить и повышенный интерес прокуратуры к деятельности одного из заместителей губернатора, притом, что размеры предполагаемой растраты не выглядели значительными. Атаку на заместителя можно было бы считать подготовкой к атаке на губернатора. Данный контекст следует вероятно учесть, обращая внимание

¹⁰¹ См., например: Арапова Г.Ю., Кузеванова С.И., Ледовских М.А. Сборник практики российских судов по делам о диффамации. Спб : Центр защиты прав СМИ, 2006.

на то, что позиция журналистки Анны Скудаевой совпадала с позицией прокуратуры.

Впрочем, эти политические вопросы в любом случае упоминаются нами лишь в качестве приложения к основному сюжету – правовому аспекту жалобы, на котором сосредоточил внимание Европейский суд, подчеркнуто игнорируя политическую подоплеку рассматриваемого им дела.

Статья 10 Конвенции в практике Европейского суда

В ряде постановлений по проблемам свободы выражения мнений, принятых Европейским Судом в последние 20 лет, можно выделить некоторые принципиальные положения. Они ложились в основу последующих решений.

Первое. Важнейшее из этих положений — о значении указанной свободы как таковой в демократическом обществе. ЕСПЧ сформулировал свою позицию относительно высказываний и суждений, на которые распространяется защита статьи 10 Конвенции, следующим образом:

«(i) Свобода выражения мнения является одним из оснований демократического общества и одним из базовых условий его развития и самореализации каждого человека. В соответствии с пунктом 2, она применима не только к «информации» или «идеям», выраженным в дружелюбной форме или воспринимаемым как неагрессивные и бесстрастные, но также и тем, которые оскорбляют, шокируют или будоражат. Таковы требования плюрализма, терпимости и либерального мышления, без которых нет «демократического общества». Как сказано в Статье 10, осуществление этой свободы допускает исключения, которые... должны быть чётко определены, и необходимость в любых ограничениях должна быть убедительно доказана...»

*(ii) Слово «необходимо», в терминах п. 2 ст. 10, означает, что должна существовать «острая общественная необходимость».*¹⁰²

Один из типичных примеров защиты свободы мнения – причём весьма обидного для целого ряда лиц и организаций – случай защиты Европейским Судом мнения журналиста Люксембургской государственной радиостанции «RNL 92.5» Марка Тома.¹⁰³ Журналист затронул в своей передаче «Экомагазин» весьма чувствительную для Люксембурга в 1990 годы тему – лесовосстановление после обширных лесных пожаров. Он высказал предположение о том, что многие лесные хозяйства, используя немалые государственные средства, вступают в коррупционные отношения с фирмами, поставляющими саженцы – пользуются услугами лишь тех, кто даёт взятки.

Марк Тома ссылаясь в своей передаче на газетную публикацию другого журналиста, который выражался по данному вопросу ещё более жёстко. В итоге вскоре после публикации 44 начальника лесных хозяйств обратились в суд с гражданскими исками, требуя защитить их деловую репутацию и взыскать с Тома несколько миллионов франков за нанесённый моральный вред. Журналист защищался, представляя свидетельские показания, демонстрирующие нарушения в данной сфере. Национальные суды Люксембурга сочли всё же, что ему не удалось продемонстрировать достаточные доказательства для столь широкого обобщения. Правда, сумму компенсации за моральный вред они

¹⁰² ECtHR. Hertel v. Switzerland, Application no. 1049. Judgment of 25 August 1998, § 46; 59/1997/843 of 15 February, 2005; Steeland Morris v. the United Kingdom. Application no 68416/01, g. 87. Judgment 13 June 2012; Mouvement raëliensuisse v. Switzerland. Application no. 16354/06 § 48, 13 June 2012; Animal Defenders International v. the United Kingdom. Application no. 48876/08. § 100. Judgment of 22 April 2013.

¹⁰³ ECtHR. Thoma v. Luxembourg. Application no. 38432/97. Judgment of 29 March 2001.

уменьшили до минимума – с учётом того, что в передаче не было упомянуто ни одно конкретное лесное хозяйство.

Тома обратился в ЕСПЧ, который сделал в своём решении акцент на том, что оскорбительные для лесных хозяйств оценки касались важной общественной проблемы. Европейский Суд решил также, что наказание журналиста не было оправданно, поскольку он привлекал внимание к данной проблеме, и, цитируя своего коллегу, выполнял свой профессиональный долг.

Это позволяет выделить второе принципиальное положение, которое мы встречаем в решениях ЕСПЧ, посвящённых защите свободы слова. Европейский Суд отмечает, что принимаемые государством меры не должны удерживать СМИ от участия в обсуждении вопросов, представляющих общественный интерес. В этом контексте не менее важным представляется дело «Йерсилд против Дании».¹⁰⁴ Йенс Олаф Йерсилд – журналист Датской радиовещательной корпорации – в июле 1985 года подготовил для программы «Воскресный тележурнал новостей» короткий сюжет, включавший интервью с представителями молодёжной группировки расистского толка. В ходе интервью эти молодые люди допустили ряд высказываний националистического и оскорбительного характера. В итоге уголовные дела были возбуждены как против трёх интервьюируемых, так и против интервьюера.

Журналист, автор передачи, был приговорён к штрафу и обратился с жалобой в Европейский Суд. Последний в своём решении подчеркнул, что журналист не преследовал расистских целей (п.36) и, более того, из сюжета было ясно его намерение выставить на всеобщее обозрение и проанализировать поведение группы молодых людей, склонных к насилию и уже имеющих

¹⁰⁴ ECtHR. *Jersild v. Denmark*, Application no. 15890/89, Judgment of 23 September 1994.

судимости (п.33). Во всяком случае, по мнению Европейского Суда, наказание журналиста за содействие в распространении информации об этом опасном явлении могло бы помешать СМИ вносить свой вклад в обсуждение проблем, представляющих общественный интерес (п.35). СМИ в любом случае должны формировать повестку дня, сообщать о самом актуальном – но не уклоняться при этом от ценностного ориентирования читателя (зрителя).¹⁰⁵

Однако и в этом решении ЕСПЧ указывает на то, что из данного правила возможны исключения, связанные с необходимостью ограничений некоторых высказываний.

Теперь отметим третье важное положение, которое может быть результатом обобщения ряда решений. Европейский суд признаёт, что ограничение свободы слова представляется обоснованным, если мнения и оценки, содержащиеся в публикациях СМИ, являются чрезвычайно оскорбительными. Даже если эти мнения не принадлежат журналисту или редакции, последние несут ответственность за публикацию, если они могли исключить данные оценки и высказывания (например, путём премодерации), но не исключили их.

Здесь уместно вспомнить решение ЕСПЧ по делу «Делфи АС» против Эстонии».¹⁰⁶ Причиной конфликта в информационном пространстве послужила сугубо местная проблема. Актуальная, в основном, для жителей городов Хаапсалу, и Виртсу, расположенных на побережье и сообщающихся с островом Саоремаа с помощью паромов компании SLK. Зимой эта компания воспрепятствовала открытию дорог по льду, разбивая

¹⁰⁵ На эту тему размышляют и российские исследователи. См., например: Дзялошинский И.М. Профессиональная этика журналиста. – М.: Юрайт, 2017; Соколова А. Функции журналистики: подходы и проблемы. // Меди@льманах. М.: МГУ, 2009, № 1.

¹⁰⁶ ECtHR. *Delfi AS v. Estonia*. Application no. 64569/09. Judgment of 10 October. 2013.

его и сохраняя проходы для своих паромов. «Делфи АС» опубликовала статью об этом, предложив читателям оставлять комментарии.

Статья была вполне взвешенной, но комментарии отражали негодование жителей региона. Они оказались исключительно бранными, причём эстонские слова чередовались с русскими, среди которых преобладали те, что в лингвистике принято относить к общенной лексике. Объектом раздражения комментаторов поначалу было руководство SLK, но потом и правительство. Слова «подонки» и «ублюдки» были самыми мягкими из используемых читателями, эмоционально откликнувшимися на публикацию. «Делфи АС» удаляла неприличные комментарии, но не сразу. Руководитель SLK обратился в суд, требуя возмещения морального вреда.

Эстонские суды удовлетворили иск, указав на то, что администрация интернет-ресурса должна была удалять бранные комментарии и угрозы незамедлительно. «Делфи АС» обратилась в Европейский Суд с жалобой, полагая, что решение судов не соответствуют ст. 10 Конвенции.

ЕСПЧ, проанализировав содержание спорных комментариев и действия сторон, пришёл к выводу о том, что привлечение интернет-ресурса к ответственности представляло собой обоснованное и пропорциональное ограничение свободы слова. Прежде всего, Европейский Суд отметил, что комментарии, которые для судей были переведены на английский и французские языки, были «чрезвычайно оскорбительными». Кроме того, «Делфи АС» не предприняла меры, чтобы удалить их в разумное время. Наконец, Интернет-ресурс получал выгоду от этих комментариев — это способствовало посещаемости сайта и позволяло привлекать больше рекламодателей. Авторы комментариев могли сохранять анонимность, что весьма затрудняло привлечение их к ответственности.

Наконец, ещё одно, четвертое, принципиальное положение, сформулированное Европейским Судом (и позже реципированное многими национальными судами): о необходимости различия утверждения о фактах, соответствие действительности которым можно проверить, и оценочных суждений, мнений, которые не могут быть проверены судом на предмет их соответствия действительности. Это положение не вызывает сомнения у большинства специалистов в области mass media¹⁰⁷, его можно найти в целом ряде решений ЕСПЧ.¹⁰⁸ Одно из них принято в связи с жалобой из России.¹⁰⁹

Заявительница, главный редактор районной газеты «Фрязинец», жаловалась на то, что привлечение её в трёх случаях к гражданско-правовой ответственности по искам о защите чести и достоинства нарушило её право на свободу выражения мнения. В частности, в одном из случаев газета упрекнула конкретную сотрудницу администрации в том, что она «не всегда ведёт себя приемлемо с посетителями: повышает голос и грубит». Эта, в общем, безобидная фраза была предметом рассмотрения в городском суде, который признал фразу утверждением о факте, и обязал редакцию опубликовать опровержение. Напротив, Европейский Суд согласился с позицией редакции, полагая, что оценка грубости, действительно носит индивидуальный характер, в значительной мере завися от восприятия слушателя.

Отметим тут, что вопрос о допустимости использования журналистами некоторых выражений и оце-

¹⁰⁷ См., например: *Parkinson Michael G., Parkinson L. Marie*. Law for advertising, broadcasting, journalism, and public relations. London: Routledge, 2015. P. 259-296.

¹⁰⁸ ECtHR. *Cumpana and Mazare v. Romania*. Application no. 33348/96. Judgment of 17 December 2004. § 98.

¹⁰⁹ ECtHR. *Cheltosova v. Russia*. Application no. 44294/06. Judgment of 13 June 2017. § 83.

нок находится в поле зрения многих зарубежных и российских ученых - филологов, лингвистов, журналистов, профессионально исследующих проблемы медиа-этики.¹¹⁰

Содержание постановления Европейского Суда. Его концептуальные положения

Некоторые принципиальные положения, затронутые выше, нашли отражение в рассматриваемом судебном решении.

Представитель властей Российской Федерации согласился с тем, что в данном деле ограничение свободы выражения мнений имело место, но оно было соразмерно законной цели защиты репутации губернатора. Интересно, что представителем властей косвенно было признано то, что предметом спора являются всё же оценочные суждения журналиста, но при этом было подчеркнуто, что «ценностное суждение без каких-либо фактических оснований может быть чрезмерным» (п.21): такой вывод в своё время был сделан ЕСПЧ.¹¹¹ Вместе с тем, была поддержана позиция судов, согласно которой высказывание журналиста представляли собой, в основном, утверждения о наличии фактов, подлежащих доказыванию. Таким образом, с точки зрения представителя власти, суды в должной мере учли «оскорбительный характер» высказываний в адрес губернатора, статус последнего как публичного лица и поэтому сделали правильный вывод в том, что А. Скудаева «перешагнула пределы допустимой критики».

¹¹⁰ См., напр.: Berry D. Journalism, ethics and society. Farnham, England Burlington, Vermont: Ashgate, 2008; Рэндалл Д. Универсальный журналист. - СПб: Международный центр журналистики, 1998; Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: Текстопорождающие практики и коды (1995-2000). - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000; Шайхитдинова С.К. Медиаэтика: учебное пособие. - Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2007.

¹¹¹ ECtHR. Novaya Gazeta and Borodyanskiy v. Russia. Application no 14087/08. Judgment of 28 March 2013. § 40

Журналистка указала на то, что её заявление в газете представляло собой оценочное суждение, а именно: субъективную оценку того факта, что губернатор обратился к судье с просьбой освободить вице-губернатора от уголовной ответственности. А. Скудаева отметила, что от неё требовали доказать правдивость суждений, которые использовались как риторические приёмы.

Следует признать, что принципиальная разница в подходах российских судов и ЕСПЧ к рассмотрению подобных споров, связанных со свободой мнений, заключается в оценке роли СМИ в современном обществе, и, в частности, роли СМИ при освещении деятельности государства. Российские суды ориентированы в основном на защиту представителей власти от критических публикаций: в этом контексте деятельность журналистов, не подконтрольных либо не лояльных власти, рассматривается как помеха или угроза «нормальной» общественной жизни. Напротив, ЕСПЧ обычно отмечает важность той функции, которую исполняет пресса в условиях демократии.

При этом Европейский Суд обычно указывает, что более высокий уровень защиты свободы выражения мнений и, соответственно, более узкие дискреционные полномочия властей должны быть обеспечены при обсуждении тех вопросов, которые вызывают общественный интерес (п.33). Выше упоминалось решение по делу «Тома против Люксембурга», в рамках которого оскорблёнными себя объявили несколько десятков человек, однако, вопрос, при обсуждении которого они подверглись критике (восстановление лесных массивов после пожаров) оказался для страны весьма актуален. Поэтому ЕСПЧ счёл, что национальные суды не должны были осуждать журналиста, поднявшего острую тему.

В рамках рассматриваемого дела наибольший общественный интерес вызывал вопрос о коррупционных отношениях в ближайшем окружении губерна-

тора. Данный вопрос широко обсуждался в области. И обстоятельства возбуждения уголовного дела против вице-губернатора (который ранее возглавлял частную компанию), и письмо в его защиту, отправленное главой региона в суд — всё это было предметом споров и слухов. Журналистка Скудаева высказала своё мнение о ситуации, достаточно добросовестно перечислив факты: возбуждение уголовного дела против вице-губернатора, рассмотрение его в Ленинском районном суде, письмо губернатора, содержащее просьбу о прекращении уголовного преследования, отказ губернатора уволить своего заместителя.

Разумеется, она дала этим фактам определённую оценку, определив, что глава «выгораживает» зама, причём «всеми силами», «стараясь сохранить честь мундира». Скудаеву возмутило то, что «пока скандальный зам ... сидел на скамье подсудимых, мягкое кресло в «красном доме» покорно ждало своего хозяина». То, что суды усмотрели именно в этих фразах искажение фактов, говорит об их крайней предвзятости. Истинность оценочных суждений — а именно их использовала Скудаева — не поддаётся доказательству (п. 33).

Таким образом, национальные суды не учли ни позицию заявительницы (Скудаевой) как журналиста, ни позицию губернатора как должностного лица, работа которого может и должна критиковаться (п. 36). Суды также не провели разграничения между фактами и оценочными суждениями, то есть полностью пренебрегли требованием раздела 9 Постановления № 3 Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 г., в соответствии с которым ценностные суждения не подлежат доказыванию, поскольку являются выражением субъективного мнения и взглядов ответчика и не могут быть проверены на предмет их достоверности (п. 38).

На основе всех перечисленных обстоятельств Европейский Суд пришёл к выводу о том, что ограничения

права заявителя на выражения собственного мнения не были правомерными. ЕСПЧ отметил, что национальные суды не представили достаточных оснований для указанных ограничений, то есть не доказали, что применённые ими меры соответствовали принципам и стандартам, закреплённым в статье 10 Конвенции.

Таким образом, Европейский Суд заключил, что ст. 10 Конвенции была нарушена, и присудил заявителю 2000 евро в качестве возмещения морального вреда (т.е. именно ту сумму, которую заявитель требовал).

Некоторые выводы

Главный вывод, который может быть сделан из дискуссии в рамках данного дела, касается вопроса о балансе между правом журналиста на свободу выражения мнений и правом должностного лица на защиту деловой репутации и доброго имени. Российские суды достаточно часто игнорируют поиск такого баланса, ограничиваясь тем, что устанавливают ущерб репутации конкретного чиновника. Тема важной общественной роли журналистики, выявляющей злоупотребления власти, российские суды волнует мало. Таким образом, представляемые судам аргументы в защиту чести и достоинства должностных лиц почти всегда имеют преимущественную силу над свободой выражения мнений.

Действительно, Европейский Суд мог признавать допустимым ограничение оценочных суждений — если они не опирались на конкретные факты (и такие случаи в его практике были).¹¹² Но «дело Скудаевой» можно признать типичным именно в силу того, что все необходимые факты для объяснения позиции журналистки были налицо. И при этом суды всё равно явно стремились защитить позицию губернатора.

¹¹² ECtHR. Novaya Gazeta and Borodyanskiy v. Russia. Application no. 14087/08. Judgment of 28 March 2013. § 40.

Суды правильно, на наш взгляд, определили предмет доказывания по делу, распределили обязанности по доказыванию между сторонами, строго в соответствии с положениями статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, но при этом отказались признать высказывания журналистки оценочными суждениями. В таком широком судебском усмотрении нам видится и серьезная угроза живой, образной журналистской речи. Логика, продемонстрированная национальными судами, подсказывает: чтобы избежать иной трактовки своих суждений, журналисту всегда следует использовать оговорки «по моему мнению», «это мое оценочное суждение» и т. п.

Характерным также можно признать и то, что суды, фактически, проигнорировали рекомендации Пленума Верховного Суда РФ о необходимости повышенной терпимости публичных фигур к критике, продемонстрировав тем самым вариативность в использовании правовых обоснований решений, выносимых по данной категории дел (напомним, что ранее гражданское дело между этими сторонами и по сходному требованию рассматривалось тем же федеральным судьей и завершилось отказом в удовлетворении требований истцов), поскольку — как можно предположить — неформальные отношения с губернатором, возглавлявшим область более 10 лет, имели для них большее значение.

В этом деле с весьма несложной фабулой отразилась одна из крупных проблем, связанных с действием принципа разделения властей в России — точнее с фактической неразделённостью властной корпорации.

Следует признать, что в таких условиях журналистам и СМИ достаточно сложно отстаивать свою правоту в судебных спорах, когда в роли их оппонентов оказываются представители государственной власти. Поэтому положительные решения ЕСПЧ по жалобам

журналистов являются хорошим напоминанием национальным судам о необходимости следовать как положениям внутреннего законодательства, так и нормам международного права о свободе слова и массовой информации.

Библиографический список:

1. *Berry D.* Journalism, ethics and society. Farnham, England Burlington, Vermont: Ashgate, 2008.
2. *Рэндалл Д.* Универсальный журналист. СПб: Международный центр журналистики, 1998.
3. *Арапова Г.Ю., Кузеванова С.И., Ледовских М.А.* Сборник практики российских судов по делам о диффамации. СПб : Центр защиты прав СМИ, 2006.
4. *Дзялошинский И.М.* Профессиональная этика журналиста. – М.: Юрайт, 2017;
5. *Соколова А.* Функции журналистики: подходы и проблемы. // Меди@льманах. М.: МГУ, 2009, № 1.
6. *Чепкина Э.В.* Русский журналистский дискурс: Текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.
7. *Шайхитдинова С.К.* Медиаэтика: учебное пособие. Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2007.

ШУТКИН Сергей Игоревич,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Высшая школа государственного аудита, магистр кафедры компьютерного права и информационной безопасности (119234, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13; тел.: +7 977-551-94-47; email: shutkinsergei@gmail.com)

ВОЗМОЖНА ЛИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА?

Ключевые слова: информационное право; искусственный интеллект; правосубъектность; интеллектуальная собственность; авторское право; информационные технологии.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблем наделения искусственного интеллекта правосубъектностью с точки зрения теории права и существующего регулирования. Отдельно рассмотрен вопрос о применимости к искусственному интеллекту статуса автора и распределении прав на произведения, созданные при помощи искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект сегодня

Развитие методов машинного обучения в начале XXI века позволило создавать особые компьютерные программы, называемые нейронными сетями, которые имитируют когнитивную деятельность, свойственную разумному человеку. От этого возник обычай называть такие программы искусственным интеллектом. Данные программы имеют возможность быть обучаемыми, обучаться в ходе своего функционирования и производить результаты своей работы, основываясь на информации, полученной из предыдущего опыта взаимодействия с окружающей средой.

Практически это позволяет развивать такие технологии, как компьютерное зрение. Программа, заключив в себе свойства изученных образцов (лиц, вещей, явлений), обучилась различать их. Теперь результаты, выдаваемые программами-нейросетями, могут использоваться для управления различными процессами. Среди них — осуществление безопасного движения автомобиля, фокусирование камеры на лицах, нахождение в поле зрения камер пропавших людей и другие. В сочетании с новыми разработками в робототехнике, искусственный интеллект обучается управлять сложными механическими системами, образуя киберфизические системы. Иначе говоря, создаются роботы, обладающие кроме логической, программной, еще и материальной составляющей. Также данные программы обучают эффективно собирать и предоставлять статистические данные с использованием и интерпретацией больших данных, выполнять функции брокера на финансовых рынках и т.д.

С появлением новых технологий возникают новые общественные отношения, которые требуют отыскания правового баланса в отношении защиты интересов личности, государства, общества и нравственных устоев человечества.

В данной работе автор попытался ответить на вопросы, связанные с сущностью искусственного интеллекта, дал ему правовое понятие и рассмотрел различные подходы к наделению его правосубъектностью, а также рассмотрел правовые проблемы в сфере права интеллектуальной собственности, поскольку технологии искусственного интеллекта могут оказать внушительное влияние на данную подотрасль права.

Актуальность вопросов регулирования искусственного интеллекта подкрепляется вновь принятыми нормативными правовыми актами — Национальной страте-

гией развития искусственного интеллекта до 2030 года¹¹³ (далее — «Стратегия») и Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» (далее – «Закон о специальном регулировании искусственного интеллекта»)¹¹⁴. В Стратегии отмечено, что Российская Федерация обладает существенным потенциалом для того, чтобы стать одним из международных лидеров в развитии и использовании технологий искусственного интеллекта. Однако, упоминая данные Стратегию и федеральный закон, я не делаю понятийный аппарат указанных нормативных правовых актов основным для исследования.

Сущность и правовое понятие искусственного интеллекта

Одной из задач данного исследования является определение предметной сущности искусственного интеллекта. Для этого нужно определить его понятие, признаки и свойства.

Понятие искусственного интеллекта появилось сравнительно давно, еще в 1956 году. Тогда ученый Джон Маккарти озвучил данное понятие на конференции в Дартмутском университете. При этом он сделал следующую оговорку: «Проблема состоит в том, что пока мы не можем в целом определить, какие вычислительные процедуры мы хотим называть интеллектуальными. Мы понимаем некоторые механизмы интеллекта и не пони-

маем остальные. Поэтому под интеллектом в пределах этой науки понимается только вычислительная составляющая способности достигать целей в мире».¹¹⁵

На сегодняшний день понятие «искусственный интеллект» еще не имеет общепринятого значения. Оно может обозначать совокупность дисциплин, совокупность технологий, конкретные технологические решения либо идеальную категорию вообще.

Вот как, например, некоторые ученые понимают искусственный интеллект, как научную дисциплину, либо ее часть:

- Исследователи искусственного интеллекта Элейн Рич и Кевин Кнайт определяют искусственный интеллект как «науку о том, как научить компьютеры делать то, в чём люди в настоящее время их превосходят».¹¹⁶
- Т.А. Гаврилова и В.Ф. Хорошевский определяют искусственный интеллект как «одно из направлений информатики, целью которого является разработка аппаратно-программных средств, позволяющих пользователю-непрограммисту ставить и решать свои (традиционно считающиеся интеллектуальными задачи), общаясь с ЭВМ на ограниченном подмножестве естественного языка».¹¹⁷

Важно оговориться, что искусственный интеллект как дисциплина либо совокупность дисциплин, не является предметом данного исследования.

В контексте данного исследования одной из задач автора является выявление наиболее корректного понятия для того, чтобы без познавательных искажений достигать поставленной исследовательской цели.

¹¹⁵ McCarthy J. What is Artificial Intelligence? (2004) / URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html> (дата обращения - 20.08.2020).

¹¹⁶ Rich E., Knight K. Artificial Intelligence. Second edition. - New York: McGraw-Hill, 1991. 640 с.

¹¹⁷ Гаврилова Т.А., Хорошевский В.Ф. Базы знаний интеллектуальных систем. - СПб.: Питер, 2001. 384 с.

¹¹³ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». // Собрание законодательства РФ, 14.10.2019, № 41, ст. 5700.

¹¹⁴ Собрание законодательства РФ, 27.04.2020, № 17, ст. 2701.

В научной среде были выведены две разновидности искусственного интеллекта: «**слабый**» искусственный интеллект и «**сильный**» искусственный интеллект. Джошуа Нью и Даниэль Кастро указывают, что такое разделение является причиной разницы подходов к пониманию искусственного интеллекта. «Слабый» искусственный интеллект предназначен для выполнения конкретных, ограниченных задач и ограничен ими. «Сильный» искусственный способен конкурировать с человеческим интеллектом, либо превзойти его уровень и предполагает целенаправленное решение любых задач («сверхчеловеческие» свойства).¹¹⁸

П.М. Морхат отмечает, что чаще всего искусственный интеллект используется для решения одной задачи (как «слабый искусственный интеллект»), например:

- определение ухудшения состояния здоровья больных,
- выполнение профессиональных лингвистических переводческих задач,
- интеллектуальное ведение делопроизводства в бизнесе,
- интеллектуальный поиск в сети Интернет и т.д.

Приведем некоторые точки зрения на сущность явления искусственного интеллекта и его понятие.

- П. Г. Уинстон рассматривает в своей книге об искусственном интеллекте данное явление как вычислительную машину, способную делать такие вещи, которые у людей выглядят разумными. Он принимает искусственный интеллект как за технологию, так и за соответствующую дисциплину.¹¹⁹

¹¹⁸ *Castro D., New J.* The Promise of Artificial Intelligence // Center for Data Innovation. 2016 / URL: <http://www2.datainnovation.org/2016-promise-of-ai.pdf> (дата обращения - 20.08.2020).

¹¹⁹ *Уинстон П.Г.* Искусственный интеллект: пер. с англ. В.Л. Стефанюка; под ред. Д.А. Поспелова. - М.: Мир, 1980. 520 с.

- В свою очередь Р. Курцвейл интерпретирует искусственный интеллект через понятие машин, выполняющих функции, требующие интеллектуальных способностей при их реализации человеком.¹²⁰
- Л.С. Болотова понимает «искусственный интеллект» как некоторую искусственную (компьютерную) систему, способную имитировать интеллект человека, то есть его способности получать, обрабатывать, хранить информацию и знания и выполнять над таковыми различные действия, совокупно называемые мышлением.¹²¹
- Р. Беллман обозначает искусственный интеллект прежде всего как автоматизацию мышления, а именно автоматизацию действий, ассоциируемых нами с человеческим мышлением, т.е. таких действий, как принятие решений, решение задач, обучение.¹²²

Описанные выше концепции можно отнести к так называемому «слабому» искусственному интеллекту. Помимо этого, существует взгляд на искусственный интеллект, как на «сильный» искусственный интеллект.

Так, согласно Н. Бострому и И. Гуду сверхразум, или сверхразумная машина – это машина, которая по своим когнитивным способностям значительно превосходит человека в различных областях и задачах.^{123,124}

¹²⁰ *Kurzweil R.* The Age of Intelligent Machines // Cambridge (Massachusetts, USA): MIT Press, 1990. 580 с.

¹²¹ *Болотова Л.С.* Системы искусственного интеллекта: модели, основанные на знаниях: Учебник. - М., 2012. - 664 с. - С. 31.

¹²² *Bellman R.E.* An Introduction to Artificial Intelligence: Can Computers Think? // San Francisco: Boyd & Fraser Publishing Company; Thomson Course Technology. 1978. 146 с.

¹²³ *Бостром Н.* Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии: Пер. с англ. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. с. 760. - С. 50, 96.

¹²⁴ *Good I.J.* Speculations Concerning the First Ultrainelligent Machine // Advances in Computers / Eds. Franz L. Alt, Morris Rubinooff. Vol. 6. - New York: Academic Press, 1965. - с. 31-88. - С. 33.

И.В. Понкин и А.И. Редькина в своем труде об искусственном интеллекте приводят сложное понятие искусственного интеллекта, которое включает в себя признаки, описывающие «сильный» искусственный интеллект:

«Искусственный интеллект — это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система (электронная, в том числе

- виртуальная, электронно-механическая, био-электронно-механическая или гибридная) с когнитивнофункциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых ёмкостей и быстродействия, обладающая:
- войствами субстантивности (включая определённую субъектность, в том числе как интеллектуального агента) и в целом автономности, а также элаборативной (имеющей тенденцию совершенствования) операциональности;
- высокоуровневыми возможностями воспринимать (распознавать, анализировать и оценивать) и моделировать окружающие образы и символы, отношения, процессы и обстановку (ситуацию), самореферентно принимать и реализовывать свои решения, анализировать и понимать свои собственные поведение и опыт, самостоятельно моделировать и корректировать для себя алгоритмы действий, воспроизводить (эмулировать) когнитивные функции, в том числе связанные с обучением, взаимодействием с окружающим миром и самостоятельным решением проблем;
- способностями самореферентно адаптировать своё собственное поведение, автономно глубоко самообучаться (для решения задач определённого класса или более широко), осуществлять

омологацию себя и своих подсистем, в том числе вырабатывать омологированные «языки» (протоколы и способы) коммуницирования внутри себя и с другими искусственными интеллектами, субстантивно выполнять определённые антропоморфно-эмулирующие (конвенционально относимые к прерогативе человека (разумного существа)) когнитивные (в том числе - познавательные аналитические и творческие, а также связанные с самосознанием) функции, учитывать, накапливать и воспроизводить (эмулировать) опыт (в том числе - человеческий)».

Поскольку «сильный» искусственный интеллект, во много раз превосходящий человека по своим когнитивным возможностям, на данный момент не изобретен, не имеет смысла делать его предметом правового исследования. В своем исследовании я рассматриваю искусственный интеллект именно как «слабый» искусственный интеллект. На сегодняшний день такой подход позволяет охватить все правовые отношения, возникающие при использовании таких технологий в разных их проявлениях.

Поскольку человек в своей жизнедеятельности выполняет различные функции, их можно различным образом автоматизировать. Для этого применяется искусственный интеллект. Таким образом, мы имеем дело с таким свойством искусственного интеллекта, как его элементность. То есть он может представлять собой единую технологию, либо частично применяться в какой-либо системе.

Например, алгоритм-нейросеть, в котором реализована такая технология, может быть частью большого программно-аппаратного комплекса, или даже робота.

Возвращаясь к упомянутым взглядам на искусственный интеллект, хочу заметить, что его исследователи имеют много общего в своих точках зрения на сущность явления. Их взгляды согласуются в том, что

искусственный интеллект представляет собой технологическое программное или программно-аппаратное решение, имеющее определенные качества. Такого же понимания я буду придерживаться далее в своем исследовании. Понимание искусственного интеллекта, как комплекса технологических решений призвано отвечать потребностям индустрии информационных технологий и развития экономики в целом.

Для целей решения исследовательской задачи необходимо исходить из понимания искусственного интеллекта, как явления, общественные отношения по поводу которого следует подвергнуть правовому регулированию.

Итак, перед нами стоит вопрос что представляет собой искусственный интеллект с *правовой* точки зрения? Как нам следует рассматривать данное явление? Как предмет или объект каких-либо отношений, в частности правовых? Или, наоборот, рассматривать его в контексте права, как субъект правовых отношений, применяя к нему категорию лица?

Для того, чтобы выработать правовое понятие искусственного интеллекта, рассмотрим его определения, закрепленные в отечественном и зарубежном праве.

1) В одном неформальном авторитетном юридическом источнике – Юридическом словаре Блэка искусственному интеллекту дано следующее определение: искусственный интеллект – это «программное обеспечение, предназначенное для того, чтобы компьютеры и роботы выполняли человеческие задачи лучше, чем люди, а также для создания новых продуктов, робототехники, понимания человеческого языка и для технологии компьютерного зрения».¹²⁵

¹²⁵ “Artificial Intelligence”, The Law Dictionary (Юридический словарь Блэка) / URL: <https://thelawdictionary.org/artificial-intelligence/> или <https://perma.cc/5BPN-YBTE> (дата обращения - 20.08.2020).

2) В штате Невада, США принят закон об автономных транспортных средствах, где закреплено следующее определение искусственного интеллекта: «использование компьютеров и иного оборудования для обеспечения возможности машины копировать поведение человека или подражать ему».¹²⁶ При этом само определение сужается его применением к транспортным средствам. Такая практика делает очевидной необходимость принятия общего понятия, применимого к любым общественным отношениям.

3) В штате Луизиана законом разрешено производить сделки в электронной среде неким «электронным агентам». Соответствующее понятие приводится в преамбуле к закону (статья 5: «Электронный агент»):

В п. «а» ст. 5 предусмотрено, что электронный агент — это машина. Для целей этого нормативного акта электронный агент понимается как функция некоторого инструмента. Юридические последствия для стороны, использующей от своего имени электронного агента, определяются данным нормативным актом.

В п. «б» ст. 5 указано, что электронный агент в виде компьютерной программы или иного автоматизированного средства, используемый лицом, является инструментом (агентом) данного лица. По общему правилу пользователь инструмента несет ответственность за последствия использования инструмента, поскольку инструмент не имеет собственной независимой воли. Электронный агент по определению имеет пределы, заданные запрограммированными параметрами, которые определяют его способность реагировать и взаимодействовать с другими лицами или их электронными агентами, если те были задействованы даже без дальнейшего внимания лица.

¹²⁶ Административный кодекс штата Невада. Статья 482A.020. / URL: <https://www.leg.state.nv.us/NAC/CHAPTERS.HTML> (дата обращения - 20.08.2020).

В п. «с» ст. 5 указано что, «данном законом предусмотрено, что электронный агент имеет запрограммированные пределы его возможностей, при этом не исключается, что электронные агенты в будущем могут иметь способность действовать автономно, не только автоматически. Таким образом, через развитие технологий искусственного интеллекта компьютер может быть способен «учиться на основе опыта, улучшать инструкции заложенных программ и даже разрабатывать новые инструкции. Если такие изменения возникнут, суды могут истолковать понятие электронного агента соответственно вновь открытым возможностям».¹²⁷

4) Согласно пункту 2 статьи 2 Базового закона Японии от 14.12.2016 № 103 «Об улучшении использования данных публичного и частного секторов» предписано:

«технология, связанная с искусственным интеллектом» означает «технологии для реализации таких интеллектуальных функций, как обучение, умозаключение и суждение, воплощаемых с помощью искусственных средств и использования соответствующих функций, реализуемых с помощью искусственных средств».¹²⁸

На волне всеобщего любопытства и настороженности, Президент Российской Федерации В.В.Путин утвердил Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года.¹²⁹

5) Основное понятие, «искусственный интеллект», приводится в пункте «а» статьи 5 Стратегии:

¹²⁷ Гражданский кодекс штата Луизиана. Глава 9. ст. 2602. / URL: <https://law.justia.com/codes/louisiana/2011/rs/title9/rs9-2602/> (дата обращения - 20.08.2020).

¹²⁸ Базовый закон Японии от 14.12.2016 № 103 «Об улучшении использования данных публичного и частного секторов» (Basic Act on the Advancement of Public and Private Sector Data Utilization No 103 of December 14, 2016). / URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp> (дата обращения - 20.08.2020).

¹²⁹ Собрание законодательства РФ, 14.10.2019, № 41, ст. 5700.

«а) искусственный интеллект - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

Данное определение также взято за основу в новом Законе о специальном регулировании искусственного интеллекта и приведено в качестве основного понятия.

6) Предыдущему сопутствует смежное понятие, «технологии искусственного интеллекта», приведенное, соответственно, в пункте «б» статьи 5 Стратегии:

«б) технологии искусственного интеллекта - технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта».

В целом, как можно заметить, приведенные понятия однородны, но расходятся в своих элементах, поэтому из них сложно вывести общепринятое понятие. В свою очередь, я хотел бы предложить свое определение, опираясь на понятия, приведенные в Стратегии.

Прежде всего, искусственный интеллект понимается в Стратегии, как комплекс технологических решений. Такая логика построения понятия предполагает, что речь идет о какой-то конкретной совокупности технологий, воплощенной в каком-то комплексе. Создается впечатление, что речь идет о какой-то специально созданной информационной системе, свойства

которой описываются в самом понятии и им ограничены. Содержание понятия должно иметь законченный характер и ясные критерии, однако в данном случае понятие содержит конструкции, раскрывающие понятие только «в частности». Из-за таких неточностей оно несколько расходится с точками зрения ученых из других дисциплин, которые я рассматривал в предыдущем параграфе при попытке выявления общепринятых взглядов на искусственный интеллект.

Далее в Стратегии приводится понятие технологий искусственного интеллекта. Здесь, как мы видим, подразумеваются определенные решения, где используется искусственный интеллект. Однако я с приведенным понятием не могу согласиться, поскольку сам искусственный интеллект должен описываться как технология, поэтому понятие утрачивает свой смысл.

Вместе с тем я предлагаю два своих правовых понятия, которые являются основными для моего исследования, а также, по моему мнению, надлежащим образом отражают основные стороны и специфику явления для дальнейшего применения к нему правового регулирования.

- Искусственный интеллект — это информационная технология, способная путем алгоритмической имитации когнитивных функций (с учетом текущего уровня техники) человеческого интеллекта получать при выполнении задач результаты, сопоставимые с человеческими.
- Система искусственного интеллекта — это программный или программно-аппаратный комплекс с элементами искусственного интеллекта, предназначенный для решения когнитивных задач.

Система искусственного интеллекта является ключевым понятием для целей выработки правового регулирования отношений, связанных с искусственными

интеллектом, поскольку правовое регулирование направлено не на искусственный интеллект, как технологию вообще, а на конкретную практическую реализацию искусственного интеллекта (применение) в решениях, которые включают в себя его элементы. Таким образом правовое регулирование обретает нужное направление, а именно, его предметом становятся конкретные отношения и жизненные ситуации, в которых применяются инструменты, агрегаты и другие формы аппаратно-программной реализации искусственного интеллекта.

Можно привести различные примеры таких решений: система видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, программный комплекс для создания готовых аудиопроизведений, компьютерный томограф с функцией постановки диагноза, самоуправляемый автомобиль. Все эти решения являются системами искусственного интеллекта, поскольку в них заложены функции, которые позволяют выполнять задачи, обычно выполняющиеся человеком и связанные с познанием, то есть когнитивные задачи. При этом основой их функционирования является искусственный интеллект, как технология, основанная на алгоритме, построенном на принципах и методах машинного обучения.

Место искусственного интеллекта в праве

В некоторых определениях указывается, что искусственный интеллект представляет собой компьютерную программу, либо программно-аппаратный комплекс. В других определениях искусственный интеллект воспринимается без привязки к его предметной составляющей – важна именно способность технологии имитировать интеллектуальные функции человека. Таким образом, наблюдается разделение в подходе к определению искусственного интеллекта на:

- узкий подход, относящийся к искусственному интеллекту как к компьютерной программе (либо алгоритму, программно-аппаратному комплексу), способной имитировать когнитивную деятельность человека и при этом самообучаться, и
- широкий подход, где под искусственным интеллектом понимается любая такая технология.

Узкий подход можно соотнести с некоторыми нормами российского законодательства, регулирующими отношения по поводу программ для ЭВМ и баз данных.

Как объекты прав, программы, основанные на искусственном интеллекте, могут являться частностью, разновидностью программ для ЭВМ, согласно статье 1261 ГК РФ. Они имеют те же характеристики, что приведены в данной статье Гражданского кодекса РФ. То есть, так же представляют собой совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата.

Однако зачастую технология искусственного интеллекта представляет собой не только компьютерную программу, но включает базы данных и аппаратную часть (микросхемы и т.д.). Она может представлять собой сложное устройство, включающее в себя изобретения, полезные модели и программы для ЭВМ, управляющие внешней аппаратной частью. В таком случае данная форма искусственного интеллекта будет подпадать под определение сложного объекта интеллектуальной собственности в силу ст. 1240 ГК РФ.

Программа, либо программно-аппаратный комплекс, основанный на искусственном интеллекте, может также представлять собой робота.

Разграничить искусственный интеллект и робота, с учетом сложившихся понятий, на сегодняшний день сложно, и этот вопрос должен стать предметом отдельного исследования, однако данные категории

являются родственными. Представляется, что искусственный интеллект есть понятие более широкое, нежели понятие «робот», поэтому первое понятие включает второе понятие. При этом не каждому роботу в широком смысле присущи признаки искусственного интеллекта.

В свою очередь, роботы могут являться программами (боты, поисковые роботы и т.д.), либо управляются программами, которые и составляют их логический «мозг». Только кроме программы, имеющей цифровую природу, природу компьютерной информации, робот может иметь еще и внешнюю «телесность» (аппаратную часть), которая управляется его цифровым «мозгом» (виртуальная часть). Робот, если корректно выражаться, представляет собой киберфизическую систему (КФС).

Его физический аспект выражается в том, что он обычно является материальным объектом, взаимодействующим с внешней средой. Так в п. 3.1 ГОСТ Р 60.0.2.1 2016 «Роботы и робототехнические устройства. Общие требования по безопасности»¹³⁰, робот – это исполнительное устройство с двумя или более программируемыми степенями подвижности, обладающее определенным уровнем автономности и способное перемещаться во внешней среде с целью выполнения поставленных задач».

Первичное представление о роботе, скорее всего, склонно к антропоморфному пониманию. Всем известный человекоподобный робот София – яркий тому пример¹³¹. В сети Интернет также можно найти роботов четвероногих и других. Сама КФС, с точки зрения

¹³⁰ ГОСТ Р 60.0.2.1-2016 от 01.01.2018 «Роботы и робототехнические устройства. Общие требования по безопасности». / URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200142402> (дата обращения - 20.08.2020).

¹³¹ Человекоподобный робот София получила гражданство Саудовской Аравии // веб-сайт НТВ. / URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1945500/> (дата обращения - 20.08.2020).

использования материальных средств, может представлять собой, например, «умный станок», похожий на принтер, рисующий различные картины передвигающимися головками с краской. Ведь он будет так же управляться «искусственным интеллектом» и иметь механическую, аппаратную часть. Поэтому робот, как КФС, является сложным объектом прав интеллектуальной собственности, и к нему должен применяться соответствующий правовой режим (статья 1240 ГК РФ).

С учетом рассмотренных вопросов сущности искусственного интеллекта, понимания искусственного интеллекта через призму правовых определений, можно сделать вывод о наличии подхода к искусственному интеллекту как к объекту права, а точнее понимания искусственного интеллекта как объекта интеллектуальной собственности.

Вместе с тем, существует и альтернативная точка зрения. Она связана с возможностью признания правоспособности за искусственным интеллектом, наделением его правами и обязанностями.

Например, профессор Д. Владэк предлагает частично наделить технологии искусственного интеллекта (инструменты, в которых эти технологии заключены) статусом, предоставить ему некоторые права и обязанности.¹³² Ученые У. Воллак и К. Аллен утверждают, что наделение искусственного интеллекта правами и обязанностями позволит ограничить финансовую нагрузку и ответственность для компаний-производителей и разработчиков искусственного интеллекта.¹³³

М. Лаукит исходит из того, что по закону правовой статус может принадлежать не только человеку, но и юридическому лицу, корпорации. По ее мнению, ис-

¹³² *Vladeck D. C. Machines Without Principals: Liability Rules and Artificial Intelligence // Washington Law Review. 2014. No 117. c. 117–150. – С. 150.*

¹³³ *Wallach W. Allen C. Moral Machines: Teaching Robots Right from Wrong // Oxford University Press. 2009. c. 273. С. 198.*

кусственный интеллект стоит наделить неким «третьим» правовым статусом, если тот действительно имеет автономность, что позволяет ему вкладывать в свои «действия» моральный посыл.¹³⁴

Некоторые иностранные правоведы применяют в адрес искусственного интеллекта категории «агент», «моральный агент», подразумевая его, в качестве некоего активного субъекта, в том числе имеющего способность приобретать права или обязанности для себя либо для других лиц.

Ярким примером является подход, предложенный П. Черка, Ю. Гриджен и Г. Сирбикайтом, согласно которому системы искусственного интеллекта должны иметь правосубъектность, чтобы приобретать права и обязанности, даже если такие права и обязанности могут приобретаться только для физических лиц или корпораций. Они обосновывают свою точку зрения тем, что системы искусственного интеллекта способны анализировать обстановку, принимать независимые решения, самообучаться, планировать и т.д., а также тем, что эти системы взаимодействуют с другими субъектами права, поэтому их статус требуется определить.¹³⁵

Таким образом, существует еще один подход, при котором искусственный интеллект наделяется правовым статусом лишь с целью приобретения прав и обязанностей в пользу других лиц, то есть выполняет некие агентские функции.

Рассмотренные точки зрения подразумевают совершенно иное место искусственного интеллекта в праве. Такое допущение, выраженное в применении юридической фикции, сделает искусственный интел-

¹³⁴ *Laukyte M. Artificial and Autonomous: A Person? // AISB/IACAP World Congress 2012. С. 66-71.*

¹³⁵ *Cerka P., Grigiene J., Sirbikyte G. Is it possible to grant legal personality to artificial intelligence software systems? // Computer Law & Security Review. 2017. No 3. С. 376-389.*

лект не объектом, а субъектом права, самостоятельным лицом.

Можно ли в какой-нибудь мере признать правосубъектность за искусственным интеллектом? Чтобы ответить на данный вопрос, я ставлю перед собой цель проанализировать различные характеристики, присущие лицу как юридической категории, и натуральному индивиду, производные правовые категории, а также их применимость к искусственному интеллекту в контексте возможной его правореализации, найти баланс и пределы такой правореализации.

Итак, в российской юрисдикции существует две основные разновидности лиц: физические и юридические лица, которые имеют свой комплексный правовой статус, отличающийся от одного лица к другому. Помимо основных разновидностей выделяют публично-правовые образования, однако мы рассмотрим только две основные категории. Известно, что правовой статус может быть отраслевым, однако такой статус может лишь дополнять основной правовой статус лица и не является самостоятельным.

Понятие юридического лица приводится в ст. 47 ГК РФ: «Юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде».

В российском законодательстве нет как такового понятия физического лица. При этом понятие «физические лица» заменимо понятием «граждане» (ст. 2 ГК РФ, «Глава 3 ГК РФ. Граждане (физические лица)»). Таким образом, физическое лицо тождественно понятию гражданина.

Профессор И.А. Покровский в своей классической монографии «Основные проблемы гражданского пра-

ва», выпущенной в начале прошлого века, утверждал, что понятие субъекта права само по себе условно и может применяться к производным лицам, юридическим. По мнению ученого, юридическое лицо представляет собою социальную реальность, живую клетку социального организма. Жизненность и активность ему придает воля корпорации или учредителя, продолжающая одушевлять созданное ею учреждение. Упущение данного элемента составляет основной порок теории, согласно которой юридическое лицо представляет собой фикцию. Юридическое лицо способно отвечать за правонарушения (деликтоспособность), допущенные его должностными лицами, так и самим юридическим лицом. Поэтому юридическое лицо является живым продолжением физических лиц в отдельности, личность и воля которых присутствуют в созданном ими образовании.¹³⁶

Такого же подхода придерживался и Н.М. Коркунов. Юридическое лицо представляет собой фикцию, однако целью юридического лица являются общие для группы людей интересы, которые они выражают в деятельности отдельных представителей этого лица. Главным здесь является выражение воли именно отдельных личностей, как целостной воли юридического лица.¹³⁷

В жизни происходит так, что все действия, порождающие юридические последствия для юридического лица, совершаются людьми, действующими от имени этого лица, будь то генеральный директор или работник. Воля, исходящая от юридического лица, всегда обуславливается и устойчиво контролируется волей физических лиц.

Таким образом, можно сделать вывод, что у юридических лиц источником волеобразования являются

¹³⁶ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 157-158.

¹³⁷ Коркунов И. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914. С. 148.

физические лица, что является основой его правоспособности и источником правореализации.

Искусственный интеллект не является ни натурально рожденным человеком, ни юридическим лицом, поскольку не является организацией, не может представлять свои интересы в суде и в целом реализовывать аналогичный юридический статус, регулируемый многочисленными нормами закона в разных отраслях права.

Что касается третьего подхода, то приобретение прав и обязанностей в пользу других лиц также невозможно без наличия правосубъектности как основания для реализации правового статуса. Права и обязанности таким образом приобретаются посредством юридических фактов-поступков, например, сделок. Лица, чьими «представителями» или «агентами» являются системы искусственного интеллекта, не могут без наличия правосубъектности у этих систем ставить в зависимость от воли таких систем свои права и обязанности, поскольку объективное право не признает такой воли. Таким образом, «воля» искусственного интеллекта не может быть основанием для возникновения какого-либо права или обязанности.

Касательно правового эффекта, который может потребоваться в тех или иных правоотношениях, представляется, что возникновение прав и обязанностей можно ставить в зависимость от событий как юридических фактов, которые происходят или могут произойти в ходе каких-либо действий или реакций со стороны искусственного интеллекта. Например, при использовании искусственного интеллекта, стороны договора должны оценивать для себя риски, связанные с функционированием искусственного интеллекта и предусматривать в условиях договора соответствующие последствия, связанные с такими юридическими событиями (схожий подход используется в договор-

ных отношениях с использованием смарт-контрактов, где, например, исполнение договора может ставиться в зависимость от определенного события в коде программы смарт-контракта).

Для подкрепления своей точки зрения я вернусь к вышеприведенной правовой позиции, которая содержится в законе штата Невада, США.

В п. «б» ст. 5 установлено, что «электронный агент по определению имеет пределы, заданные запрограммированными параметрами, которые определяют его способность реагировать и взаимодействовать с другими лицами или их электронными агентами, если те были задействованы даже без дальнейшего внимания лица». То есть искусственный интеллект, как «электронный агент», может взаимодействовать с другими лицами, но его параметры запрограммированы, то есть предзаданы. Это означает, что ему присуща предсказуемость, поэтому правоотношения, связанные с ним, могут эффективно регулироваться путем установления тех или иных условий, в которых правовые последствия определяются событиями.

На наш взгляд, в правоотношениях можно добиться надлежащего и справедливого правового эффекта и без наделения искусственного интеллекта правоспособностью, поскольку субъекты права могут регулировать отношения с элементом искусственного интеллекта между собой с помощью договора путем установления юридических конструкций, где основой являются юридические факты-события, связанные с функционированием искусственного интеллекта. Аналогичный подход должен превалировать в правовой политике при установлении норм закона, регулирующих отношения в сфере разработки и использования искусственного интеллекта

Для того, чтобы ответить на вопрос, возможна ли какая-либо правосубъектность у искусственного ин-

теллекта, пусть отраслевая, обратимся к идеям философов. Владимир Сергеевич Соловьев ставил разум в качестве главного критерия правосубъектности: «Вообще же разум, как одинаковая граница всех свободных сил или сфера равенства, есть определяющее начало права, и человек может быть субъектом права лишь в качестве существа свободно-разумного».¹³⁸

Разум, сознание также имеет содержание и по-разному понимается мыслителями и учеными из разных сфер. По моему мнению, стоит согласиться с французским феноменологом М. Мерло-Понти, определявшим сознание как триединство трех аспектов: когнитивного, сенситивного и аксиологического.¹³⁹ Первый выражает умственную направленность сознания, второй связан с чувственной основой, и третий – с ценностной направленностью сознания человека. Благодаря наличию в силу природы трех аспектов сознания человек может быть полноценным членом общества, иметь правосознание, реализовывать свою волю, сознательно реализовывать право в различных формах: соблюдать законы, вступать в правоотношения с другими субъектами права.

Правосубъектность человека имеет также особое содержание в его субъективном психологическом отношении. Он не только способен обладать правами, но способен их осуществлять, нести ответственность, что выражается в виновном отношении к деяниям. Поскольку технология к этому не способна, это является препятствием к любой форме наделения ее правами и обязанностями.

Философ Дж. Сёрл, известный критик искусственного интеллекта, вывел ряд аксиом для компьютерного

¹³⁸ Соловьев В.С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. СПб. 1914. С. 103.

¹³⁹ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М.: Наука. 1999. 602 с. / URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000267/index.shtml> (дата обращения - 20.08.2020).

сознания, выразив значительную разницу с сознанием человеческим. Так, Дж. Сёрл допускает существование искусственного разума, способного пройти Тест Тьюринга, а значит обладающего разумом. Однако такой разум существует лишь в синтаксическом логосе. Это означает, что компьютерный разум, как сумма логических операций, может являться лишь имитацией человеческого разума, и никогда не будет иметь смысловых характеристик. Ученый приходит к выводу о том, что даже мыслящий (синтаксически) искусственный интеллект не является настоящим разумом (что согласуется с характеристиками, взятыми у М. Мерло-Понти).¹⁴⁰

В трактате «Философия права» Г. Гегель утверждал: «В себе и для себя свободная воля – это «единичная воля субъекта».¹⁴¹ «Личность содержит вообще правоспособность и составляет понятие и саму абстрактную основу абстрактного и потому формального права. Отсюда веление права гласит: будь лицом и уважай других в качестве лиц».¹⁴²

«Правосубъектность, — пишет В.С. Нерсисянц, — это человеческое измерение и выражение процесса осуществления принципа формального равенства. Субъект (личность), только потому и является правовым субъектом (правовой личностью), что олицетворяет правовое бытие, принцип права и выступает его активным носителем и реализатором».¹⁴³

Приведенные позиции авторов позволяют утверждать, что искусственный интеллект в его сугубо рациональной, пусть даже и мыслящей форме, не

¹⁴⁰ Searle J.R. The Rediscovery of the Mind. Massachusetts Institute of Technology. 1992. 288 с.;

Searle J.R. Minds, Brains and Programs. Behavioral and Brain Sciences. 1980. No 3. С. 417-457.

¹⁴¹ Гегель Г. Философия права. М., 1990. 528 с.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Нерсисянц В.С. Философия права. М.: Норма-Инфра. 1998. 652 с.

может иметь и реализовывать права. Более того, его видимая внешняя субъектность ограничена предписанными инструкциями и задачами, если вести речь о программах — нейронных сетях (или управляемой ею КФС). Если искусственный интеллект универсален, и он мыслит (пока это находится в области фантастики), он все равно ограничен в понимании человеческих смыслов (например, искусства), что было доказано Дж. Сёрлом в его эксперименте «Китайская комната».¹⁴⁴

Представляется, что искусственный интеллект не может и не должен иметь правоспособность, поскольку не может существовать как полноценный член человеческого общества. Однако, парадоксальны нынешние правовые явления, связанные с вновь появляющимися роботами. В 2017 году робот София получила гражданство Саудовской Аравии, получив соответствующий статус с правами и обязанностями. По мнению автора, в будущем такая тенденция будет развиваться, и ее распространение сложно предсказать. Необходимо обратить внимание на то, что София — антропоморфный робот, и обладает способностями к коммуникации, то есть она может участвовать в процессах социализации. Похожие на людей роботы вскоре могут получить свое распространение и номинально стать частью общества, что приведет к эволюции и их правового статуса. То есть в результате социокультурных процессов правоспособность роботов может быть признана, однако не в силу натуральных оснований (как рождение ребенка), а в силу развития социокультурных процессов. Такой подход к наделению правоспособностью роботов я предлагаю назвать культурным, так как фундаментом этих процессов

¹⁴⁴ Searle J.R. Minds, Brains and Programs. «Behavioral and Brain Sciences». 1980. # 3. P. 417-457.

становится человеческое восприятие и коммуникативные практики.

Поскольку право основывается на отношениях между лицами и институтами, стоит отметить, что тенденции, связанные с новыми технологиями, могут привести к изменениям в традиционной правовой науке.

В качестве вывода я хочу привести авторскую точку зрения. Искусственный интеллект не может быть субъектом права и наделен каким-либо правовым статусом, поскольку он не имеет воли и способности воспринимать моральные категории, по своим признакам он не подходит ни одному существующему правовому статусу. Поэтому искусственный интеллект является объектом гражданского права (статья 128 ГК РФ), так как он имеет имущественную ценность в качестве технологического решения, программы для ЭВМ (статья 1261 ГК РФ) или системы искусственного интеллекта, чем и определяется его место в праве.

По моему мнению, надлежащего правового эффекта можно добиться с опорой на юридические факты-события, связанные с функционированием систем искусственного интеллекта, например, как было предложено выше, включать в договоры определенные условия, связанные с возникновением тех или иных событий при использовании искусственного интеллекта (непредсказуемые результаты функционирования, причинение вреда третьим лицам и т.д.), либо установить нормы закона, предусматривающие последствия в тех или иных случаях (например, нарушение правил дорожного движения самоуправляемым автомобилем). То есть, отказ от наделения искусственного интеллекта правами, обязанностями и правовым статусом в целом не ограничивает экономический оборот и иные отношения с элементами искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект и правовой статус автора

Далее мы постараемся ответить на вопрос, может ли искусственный интеллект, машина, создавать произведения, которые будут охраняться правом.

Как я указывал ранее, системы искусственного интеллекта могут представлять собой программу для ЭВМ по смыслу ст. 1261 ГК РФ. Они также представляют собой совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата. Они могут включать подготовительные материалы и порождаемые ими аудиовизуальные отображения. Поскольку, согласно статье 1261 ГК РФ, программы предназначены для получения определенного результата, произведение искусства может являться результатом воспроизведения такой программы.

Может ли произведение как-нибудь попасть под категорию «аудиовизуальные отображения»? Можно точно утверждать, что не может, так как авторское право охраняет код программы для ЭВМ, и результаты действия программы не могут быть ее продолжением как объекта. Аудиовизуальными отображениями здесь будут являться элементы графического интерфейса программы. Расширительное толкование этой категории применять некорректно, в противном случае изменится смысл нормы.

Стоит отметить, что программа (искусственный интеллект) может породить только виртуальные объекты, поскольку сама имеет цифровую природу, что было определено еще в статье 1 утратившего силу Закона Российской Федерации от 23.09.1992 № 3523-1 «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных».¹⁴⁵ Эта регуляторная

особенность относится и к базам данных (пункт 2 статьи 1260 ГК РФ).

Поскольку порождаемые объекты являются виртуальными, они в то же время могут являться контентом. Некоторые ученые относят контент к цифровым активам.¹⁴⁶

Важно определить место еще одной формы искусственного интеллекта в данных отношениях – роботов. Роботы также управляются «умными программами», которые и составляют их логический «мозг». Только кроме программы, имеющей цифровую природу, природу компьютерной информации, робот имеет еще и внешнюю «телесность» (аппаратную часть), которая управляется его цифровым «мозгом» (виртуальная часть).

Робот может являться сложным объектом прав интеллектуальной собственности, и к нему должен применяться соответствующий режим (статья 1240 ГК РФ). Он представляет собой сложное устройство, которое может включать в себя изобретения, полезные модели и программы для ЭВМ, управляющие роботом. При этом программы для ЭВМ могут быть частью патента на объект промышленной собственности, если от них зависит функционирование изобретения, используемого в работе.

Но в отличие от программы для ЭВМ, робот представляет собой вещь, в которой воплощены объекты интеллектуальной собственности. Теоретически он может быть обучен написанию картин, игре на музыкальном инструменте и так далее. Таким образом, кроме виртуальных объектов, робот может создавать материальные объекты. При этом нужно понимать, что процесс творения происходит за счет работы про-

¹⁴⁵ Закон Российской Федерации от 23.09.1992 № 3523-1 «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных». Статья 1. / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1007/

(дата обращения - 20.08.2020).

¹⁴⁶ Санникова Л. В., Харитонов Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов. // Закон. 2018. № 9. С. 86-95.

граммы, управляющей роботом. То есть, аппаратная часть робота является инструментом, а само творчество также является цифровым, но выраженным в материальной форме. Представляется, что для правового режима объектов интеллектуальной собственности не играет существенной роли их форма выражения, будь она виртуальная или выраженная на материальном носителе.¹⁴⁷

На что же способен творческий искусственный интеллект сегодня? Нейронная сеть написала картину в стиле великого голландского художника Рембрандта, работа была высоко оценена.¹⁴⁸ Другая картина под названием «Портрет Эдмонда Белами», была написана программой и продана за 432 тыс. долларов на аукционе Christie's.¹⁴⁹ В 2016 году японская программа написала роман, который смог выйти в финал известного литературного конкурса.¹⁵⁰ Очевидно, что произведения, написанные компьютером, снискали успех у публики.

Как нами ранее утверждалось, алгоритмы и роботы не могут воображать и, следовательно, создавать художественные образы, подлинные произведения искусства. Однако делает ли данное обстоятельство невозможной правовую охрану таких произведений? Статья 1259 ГК РФ устанавливает круг охраняемых авторским правом объектов. При этом объекты авторского права

¹⁴⁷ Шуткин С.И. Правовой режим результатов творческой деятельности искусственного интеллекта. // Ежегодник-антология «Право цифровой экономики – 2020». М.: Издательство «Статут», 2020. 464 с. / URL: <http://asp.rozhkova.com/MAKET.pdf> (дата обращения - 20.08.2020).

¹⁴⁸ «New Rembrandt» to be unveiled in Amsterdam». / URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2016/apr/05/new-rembrandt-to-be-unveiled-in-amsterdam> (дата обращения - 20.08.2020).

¹⁴⁹ Is artificial intelligence set to become art's next medium? / URL: <https://www.christies.com/features/A-collaboration-between-two-artists-one-human-one-a-machine-9332-1.aspx> (дата обращения - 20.08.2020).

¹⁵⁰ Роман, написанный японской программой, вышел в финал литературного конкурса. / URL: <https://habr.com/ru/post/392225/> (дата обращения - 20.08.2020).

охраняются независимо от их достоинств и назначения, охраняется их форма. Это означает, что в вопросе их охраноспособности не учитывается художественная ценность произведения.

Искусственный интеллект может создать нечто вообще не воспринимаемое человеком, но также может создать полноценную оригинальную форму, которая будет охраняться. Приведенные в данном параграфе примеры именно такими и являются. В пункте 80 постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части 4 Гражданского кодекса РФ» указано, что наличие творческого труда в произведении предполагается, пока не доказано иное (это утверждалось и в предыдущем постановлении от 2009 года).

Если автор будет неизвестен, то для публики не будет разницы выполнено произведение человеком или машиной, в этом смысле у владельца искусственного интеллекта появляется возможность указывать себя как автора согласно статье 1257 ГК РФ. В том же пункте указывается, что результаты, созданные техническими средствами в отсутствие творческой деятельности человека, не охраняются авторским правом. Этим пунктом Верховный Суд РФ подчеркнул необходимость наличия субъективного критерия, творческого процесса для охраноспособности произведения.

Представляется, что если произведение удовлетворяет эстетические потребности публики, то неважно, сделано оно человеком или искусственным интеллектом. Ценность того или иного произведения определяется существующим в обществе культурным контекстом, который может транслироваться даже в усмотрении суда, в восприятии судьи, как такого же представителя публики.¹⁵¹

¹⁵¹ Шуткин С.И. Произведения, созданные искусственным интеллектом, и права на них. // «Хозяйство и право». 2019. № 8. С. 106-113.

В оппозицию оптимистичным суждениям можно привести и скептический подход. Можно предположить, что презумпция творческого труда, приведенная в пункте 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части 4 Гражданского кодекса РФ», распространяется только на человека, поскольку авторское право предполагает автора только в качестве человека, подразумевая его творческий труд.

Это предположение было бы справедливым, с учетом указания ранее в данной работе на невозможность настоящего творческого процесса, творческого труда искусственного интеллекта. В таком случае нужно будет доказывать соблюдение творческого критерия в произведении искусственного интеллекта. Как это возможно доказать? Произведения, о которых речь шла выше, получили публичное признание. На наш взгляд, этого достаточно для признания их охраняемыми объектами авторского права. Но как быть с менее известными работами?

Представляется, что наличие творчества можно доказать для обнародованной работы, которая нашла своих пользователей, поклонников, то есть фактически способна удовлетворять эстетические потребности людей (ведь для охраны не важны достоинства произведения). Такое активное, положительное отражение произведения в субъективном интересе (спросе) публики в сочетании с оригинальностью и новизной может свидетельствовать о соблюдении творческого критерия в произведении, созданном искусственным интеллектом. По нашему мнению неправильно игнорировать произведения, созданные искусственным интеллектом, с точки зрения их охраноспособности по авторскому праву, если их объектные характеристики внешне не будут отличаться от произведений, выполненных человеком.

Еще один аспект, на который хотелось бы обратить внимание – это исключение для таких результатов, сгенерированных программой, создание которых автор программы ожидал при написании кода программы, инструкций. Это означает, что его труд был направлен на создание конкретного результата посредством действия программы. Если он ожидал конкретный творческий результат, а искусственный интеллект не имел никакой творческой автономности (творческого вклада), его действия должны квалифицироваться как направленные на создание произведения посредством программы (программа как инструмент). Участие искусственного интеллекта в таком случае не выходит за рамки технического обеспечения достижения творческого результата.¹⁵² Представляется, что меру такой автономности или ее отсутствия можно установить с помощью компьютерной экспертизы.

Затронутый выше круг проблем несколько сужен до объектов искусства и литературы. Тем не менее, искусственный интеллект в перспективе сможет сам проводить научные исследования и порождать научные результаты.¹⁵³ Он может создавать программы для ЭВМ и базы данных – объекты, для которых творческая составляющая не так важна и упрощается до критерия оригинальности.¹⁵⁴ Для перечисленных объектов характерна не только оригинальность, что объединяет их с остальными произведениями, но и практический результат, рациональный метод. К ним применим принцип «это работает» («it works»), как прагматиче-

¹⁵² Морхам П.М. Система искусственного интеллекта как субъект авторского и патентного права // Журнал «Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности)». № 3. 2018. С. 82-92.

¹⁵³ Why Artificial Intelligence will enable new scientific discoveries. / URL: <https://www.graphcore.ai/posts/why-artificial-intelligence-will-alow-us-to-make-new-scientific-discoveries> (дата обращения - 20.08.2020).

¹⁵⁴ Google's Artificial Intelligence Built an AI That Outperforms Any Made by Humans. / URL: <https://futurism.com/google-artificial-intelligence-built-ai> (дата обращения - 20.08.2020).

ская категория, что не свойственно произведениям искусства и литературы. Поскольку искусственный интеллект и создается, как всякая программа, для достижения практического результата, вероятно, он еще успешнее будет создавать «низкотворческие» объекты авторского права («*kleine munze*»), которые таким же образом должны быть эмансипированы в вопросе охраны авторским правом.

На охраноспособность таких произведений указывает в том числе новое определение искусственного интеллекта, приведенного в Стратегии, утвержденной Президентом РФ. Одним из критериев данного определения является способность производить результаты интеллектуальной деятельности, сравнимые с результатами интеллектуальной деятельности человека. Буквальное толкование нормы само по себе стирает грань между юридическим признанием результатов человека и машины, однако противоречит гражданскому законодательству и поэтому не должно иметь силы.

Искусственный интеллект способен создавать объекты не только авторского права, но и промышленной собственности, однако – это отдельный круг проблем, который не будет затрагиваться в данной работе.¹⁵⁵

Если сами произведения, созданные искусственным интеллектом, удастся привести к общему знаменателю, гораздо больше проблем возникает с субъектами прав на них и осуществлением прав на эти объекты. Для начала стоит обратиться к иностранному опыту.

В Великобритании пункт 3 статьи 9 Закона об авторском праве, дизайнах и патентах (далее – CDPА) закрепляет правило для работ, созданных компьютером. В то время как по общему правилу автором про-

изведения может быть только человек (пункт 1 статьи 9 CDPА), в качестве исключения из общего, предусматривает специальное правило, согласно которому права автора на произведение, созданное компьютером, принадлежат лицу, которое произвело необходимые для создания произведения усилия.¹⁵⁶ Произведения, созданные компьютером, охраняются авторским правом 50 лет с начала следующего года после создания работы.

В США данные отношения законом не урегулированы. Вместе с тем ни судебная практика, ни практика Ведомства США по авторскому праву не допускают возможности признания авторского права на произведения, созданные без участия человека. При этом Ведомство, ссылаясь на рассмотренное Верховным Судом США дело Trade-mark Cases, утверждает, что авторское право охраняет только «плоды интеллектуального труда», которые «основаны на творческих силах разума».¹⁵⁷

Британский подход представляется удачным, так как не вмешивается в концепцию авторского права, а дополняет его, специально указывая на охраноспособность таких произведений. Так же, как и для программ для ЭВМ, данная норма позволяет практически охватить авторским правом и произведенные этими программами оригинальные работы. Поскольку сами по себе ни программы для ЭВМ, ни работы, от них производные, не могут быть охвачены традиционным авторским правом, закон разрешает эти случаи одинаково и бесконфликтно – путем прямого указания на охраноспособность таких произведений. Благодаря этой норме мы приходим к выводу о том, что английский пра-

¹⁵⁵ Artificial Intelligence: Why AI Inventions Will Disrupt Patent Law. / URL: <http://www.cilglobalip.com/blog/2018/09/07/artificial-intelligence-why-ai-inventions-will-disrupt-patent-law/> (дата обращения - 20.08.2020).

¹⁵⁶ Copyright, Designs and Patents Act 1988. Section 9. / URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/section/9> (дата обращения - 20.08.2020).

¹⁵⁷ Мотовилова Д.А. Перспективы авторско-правовой защиты результатов, созданных системами искусственного интеллекта, с позиции американского права. // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 1. 2019.

вопорядок может охранять произведения, которым не предшествовал творческий процесс.

Верховные суды РФ и США стоят на том, что отсутствие творческого процесса не позволяет признать охраноспособность подобных работ. Однако можно возразить на это тем, что творческий процесс заключается в разработке и эксплуатации той программы, от которой произошло произведение. Поскольку сам искусственный интеллект, воплощенный в программе, является низкотворческим произведением, то есть произведением «*kleine munze*», то и ее продолжающийся результат может считаться таким же «*kleine munze*» произведением, поскольку он есть производное того же творческого процесса. Этот же процесс определяет объем возможностей по созданию искусственным интеллектом произведения в индивидуальной (оригинальной) форме.¹⁵⁸

Пункт 3 статьи 9 CDPA содержит категорию «необходимые для создания произведения усилия», которая выглядит достаточно широко. Эта норма содержит предпосылки, которые намекают на проприетарную традицию, известную как раз англосаксонской правовой семье (например, в США, в начале 20 века защиту получали произведения, которые потребовали усилий автора, но являлись обычными компиляциями). Представляется, что данная норма допускает связь усилий разработчиков, направленных на создание и работу программы, которые затем опосредованно отражаются в производном произведении. При этом нужно учесть, что на другом конце может стоять пользователь, которому создание произведения доступно по нажатию кнопки. Это вряд ли можно признать основанием для наделения его правами автора.

¹⁵⁸ *Кашанин А.В.* Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве. // Вестник гражданского права. № 2. 2007. С. 75-119.

Способен ли искусственный интеллект выступать по отношению к произведению в качестве автора? В российском правовом порядке, согласно пункту 1 статьи 1228 ГК РФ, автором результата интеллектуальной деятельности является гражданин, создавший такой результат творческим трудом. Искусственный интеллект не может обладать личными неимущественными правами не только в силу закона – из-за отсутствия статуса гражданина и правосубъектности, но также из-за отсутствия личности и потребностей. П. М. Морхат указывает на то, что одной из целей механизмов права интеллектуальной собственности является обеспечение предоставления создателю произведения или изобретения коммерческих выгод от его использования другими лицами, но искусственный интеллект в этом не нуждается.¹⁵⁹ То есть, искусственный интеллект не имеет потребности, интереса в защите права. Соответственно и имущественных прав он иметь не может. Это также указывает на объектную природу искусственного интеллекта в праве.

Поскольку мы не можем установить для искусственного интеллекта правосубъектность, постольку мы должны рассматривать искусственный интеллект и его произведения как объект применения правового режима. Выходит, что программа, нейронная сеть, как отдельный объект интеллектуальной собственности, порождает другой такой объект. Робот является вещью и так же порождает объекты интеллектуальной собственности, в т. ч. на материальном носителе. Интересна в данном вопросе позиция А. Гурко, квалифицирующего создаваемый результат интеллектуальной деятельности как плоды

¹⁵⁹ *Морхат П.М.* К вопросу об особенностях развития права интеллектуальной собственности в контексте использования искусственного интеллекта. // Журнал «Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности)». № 2. 2018. С. 44-51.

(статья 136 ГК РФ).¹⁶⁰ Хотя нормы вещного права не применяются к отношениям в сфере интеллектуальной собственности (пункт 3 статьи 1227 ГК РФ), он считает оптимальным применение норм о плодах и иных доходах к случаям, когда робот или программа для ЭВМ генерирует произведение науки, литературы или искусства.

Действительно, из определения программы для ЭВМ следует, что она предназначена для функционирования компьютерных устройств в целях получения определенного результата. В данной работе мы исследуем такие же результаты, только они имеют новую природу и характеристики. Если ранее программа могла совершать различные вычислительные операции для разных целей, теперь программа для ЭВМ в качестве искусственного интеллекта способна порождать объекты интеллектуальной собственности. То есть, программа создает ценность в виде нематериальных благ, имеющих форму произведений литературы, науки, искусства.

Идея с плодами напоминает механизм, предусмотренный британским законом. Ведь изначально автором будет являться разработчик, приложивший усилия к разработке алгоритма искусственного интеллекта. Затем, однако, автором произведений может становиться лицо, чьи усилия выражены в использовании алгоритма для создания произведений, которые, в свою очередь, могут представлять ценность аналогично плодам и доходам. Мы допускаем, что распространение правил о плодах, продукции и доходах позволило бы эффективно распределять права на результаты, генерируемые искусственным интеллектом. При этом такие произведения нельзя назвать производными (пункт 2 статьи 1259 ГК РФ).

¹⁶⁰ Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее. // «ИС. Авторское право и смежные права». № 12. 2017. С. 7-18.

В этом вопросе показателен опыт США. Статья 101 содержит понятие «производные произведения» («derivative works»).¹⁶¹ В деле Rearden против Disney истец заявил о том, что в мультфильме «Красавица и Чудовище» и некоторых других кинолентах были использованы образы, сгенерированные с помощью технологии MOVA. Поскольку истец был собственником технологии, он заявил о том, что образы сделаны программой, поэтому являются производными произведениями и принадлежат Rearden. Ответчик возразил, что, во-первых, Rearden не указывает, как авторское право исходной программы распространяется на производные файлы, а во-вторых, не может подтвердить, что образы или сцены являются производными от фильма. Суд не удовлетворил требования истца.¹⁶²

Произведение может быть опознано как производное, если оно содержит другое произведение или его часть. Когда произведение является результатом функционирования программы, категория производности будет больше похожа на вещно-правовую, нежели на авторско-правовую, что порождает сложности и противоречит существующей парадигме.

Таким образом, на данный момент сформировалась потребность в создании нормативного механизма для определения юридической судьбы результатов, сгенерированных искусственным интеллектом, которая могла бы быть удовлетворена созданием правил, аналогичных статье 136 ГК РФ. Однако нынешняя парадигма интеллектуальной собственности препятствует действию такого правового механизма, поскольку использование вещно-правовых категорий вряд ли возможно в регулировании интеллектуальной собствен-

¹⁶¹ Copyright Law of the United States. Section 101. / URL: <https://www.copyright.gov/title17/92chap1.html> (дата обращения - 20.08.2020).

¹⁶² Дело Rearden LLC v. Walt Disney Co. / URL: <https://casetext.com/case/rearden-llc-v-walt-disney-co-2> (дата обращения - 20.08.2020).

ности (статья 1227 ГК РФ), а в статье 136 ГК РФ речь идет именно о применимом к вещам режиме. Вместе с тем статус автора не может быть закреплен за искусственным интеллектом даже частично.

Экономический интерес в охране объектов компьютерного творчества есть у создателя искусственного интеллекта. Сам автор программы (робота) или организация, способствовавшие его созданию, могут быть заинтересованы в коммерциализации произведений науки, литературы и искусства, созданных искусственным интеллектом. Более того, они внесли разносторонний вклад в его создание и обеспечение его функционирования. Кроме творческого вклада это могут быть финансовые вложения, организационные усилия, мероприятия по обучению искусственного интеллекта, которые в свою очередь предполагают большую работу с базами данных и их содержанием, с другими деталями.¹⁶³ В целом, данная деятельность требует больших интеллектуальных усилий, а в случае с роботами ещё и высокотехнологичных производств. Поскольку искусственный интеллект имеет ценность, интерес будет иметь еще одна группа лиц – его приобретатели.

Если вопрос с распределением прав на объекты компьютерного творчества не решить или отнести работы к общественному достоянию, интерес разработчиков искусственного интеллекта может пострадать, и они не будут заинтересованы в создании этих благ. Поэтому необходимо признать возникновение у разработчиков искусственного интеллекта исключительного права на вновь созданный искусственным интеллектом объект интеллектуальных прав¹⁶⁴.

¹⁶³ Шуткин С.И. Правовой режим результатов творческой деятельности искусственного интеллекта. // Ежегодник-антология «Право цифровой экономики – 2020». М.: Издательство «Статут», 2020. 464 с.

¹⁶⁴ Представляется, что в данном случае автор противоречит собственной позиции, высказанной в статье выше (прим. редактора).

Предложенная в результате рассуждений модель регулирования результатов деятельности искусственного интеллекта оставляет очевидные вопросы о том, кто автор, и о возможности регулирования таких объектов без авторских личных неимущественных прав. Проблема, прежде всего, заключается в отсутствии лица, осуществляющего права автора. Следовательно, в случае посягательства на произведение, личные неимущественные права некому защищать.

Получается усеченная модель регулирования, которая, находясь в системе авторского права, не учитывает неимущественные права. Нужно ли в таком случае регулировать эти отношения именно авторским правом? Возможно, было бы справедливо перенести данные отношения в область смежных прав в качестве права особого рода, и охранять результаты деятельности искусственного интеллекта на основании инвестирования в его разработку и обучение? При этом потребовалось бы отдельно закрепить ряд неимущественных прав, так как у обладателя исключительных прав будет потребность в охране наименования и неприкосновенности содержания произведения. Поскольку результаты интеллектуального труда, произведенные искусственным интеллектом, являются объективно, внешне такими же, как и созданные человеком, существо нарушения прав на эти объекты тоже не будет отличаться, то есть защита на них должна осуществляться и будет осуществляться в авторско-правовых формах. Извлечение данных отношений из авторского права может создать массу противоречий в законе и в правоприменении. Например, предметом плагиата могут быть только произведения, а не усилия и инвестиции в создание программы или содержание баз данных, использованных для обучения программы. Поэтому для обеспечения

надлежащей охраны нужно оставаться в контексте авторского права.¹⁶⁵

По нашему мнению, необходимо взглянуть на ряд специальных норм части 4 Гражданского кодекса, посвященных случаям, когда автор по различным причинам отсутствует и не может осуществлять свои права, выступать субъектом права. С помощью этих норм можно определить порядок осуществления имущественных и неимущественных прав на объекты интеллектуальной собственности, созданные искусственным интеллектом.

В случае смерти или отсутствия (анонимности) автора, его права осуществляют наследники и иные заинтересованные лица. В случае с произведениями искусственного интеллекта охрану должен осуществлять обладатель исключительных прав на произведение. Как указывалось ранее, разработчик или иной обладатель исключительных прав имеет интерес, обусловленный правовой связью с произведением, а именно — имущественным исключительным правом. На этом основании следует считать данное лицо заинтересованным.

Осуществление прав на имя является достаточно сложным вопросом, но может быть урегулировано диспозитивно, так как и разработчик, и правообладатель, и пользователь может придумать псевдоним автора, и сам искусственный интеллект может сочинить такой псевдоним. У публики есть потребность идентифицировать произведения с определенным лицом, автором, с личностью автора. У искусственного интеллекта же личности нет. Личность человека устойчива во времени, искусственный интеллект может изменяться. С учетом этого изменяется и роль имени автора, связанного с произведением. Главное,

¹⁶⁵ Шуткин С.И. Произведения, созданные искусственным интеллектом, и права на них. // «Хозяйство и право». 2019. № 8. С. 106-113.

относительно имени — право на него не должно передаваться, имя должно быть имманентно произведению, то есть указано раз и навсегда, чтобы не вводить в заблуждение публику.¹⁶⁶

Право на неприкосновенность произведения и на защиту его от искажений установлено статьей 1266 ГК РФ, и заключается в том, что автор своей волей определяет возможность внесения в произведение изменений, сокращений и дополнений, комментариев, иллюстраций и т.д. Поскольку автор отсутствует, авторскую волю должно осуществлять заинтересованное лицо — правообладатель. Согласно пункту 2 статьи 1266 ГК РФ, после смерти автора заинтересованные лица могут защищать его честь и достоинство. Следует предоставить правообладателю возможность охраны репутации произведения и применяемого псевдонима, поскольку диффамация может влиять на восприятие произведений, обнародованных под опорооченным именем, псевдонимом.

Следует также предоставить правообладателю право на обнародование произведения, поскольку в случае смерти автора обладатель исключительного права приобретает право на обнародование произведения (статья 1268 ГК РФ).

В случае анонимного опубликования произведения представителем автора является издатель (пункт 2 статьи 1265 ГК РФ). Так как автор отсутствует, издатель имеет право защищать права автора и обеспечивать их осуществление.

Если лицом, осуществляющим права автора на произведение искусственного интеллекта, будет заинтересованное лицо (прежде всего, разработчик), то внешне, для третьих лиц, это будет напоминать представительство издателем.

¹⁶⁶ Там же.

Предложенная доктрина «отсутствия автора» приводит к наделению правами заинтересованного лица. Именно в зависимости от того, как распределены исключительные права в отношении произведений, распределяются и правомочия, по общему правилу принадлежащие автору. Правообладатель становится лицом, которое приходит на замену автору в реализации его воли, поскольку в отсутствие автора экономический интерес обретает приоритет. Это следует, в том числе, из рассмотренных норм гражданского права. Различие заключается в том, что права так или иначе всегда возникают у автора и затем переходят к правопреемникам. При «редукции» субъекта на место автора сразу встает заинтересованное лицо.¹⁶⁷

Для закрепления такой *de lege ferenda* модели распределения прав на произведения, созданные искусственным интеллектом, достаточно усовершенствовать существующие нормы части 4 ГК РФ или вывести из них аналогичные правила.

Таким образом, на данный момент для распределения прав на произведения, созданные искусственным интеллектом, существуют препятствия, поскольку в соответствии с положениями Гражданского кодекса РФ правами может быть наделен только автор – гражданин, чьим трудом создано произведение. Однако мы видим два пути: прямо указать в Гражданском кодексе РФ на охраноспособность таких работ, как в британском законе, либо позволить заинтересованному лицу, прежде всего разработчику, осуществлять права вместо автора в необходимом объеме. Иначе разработчикам остается только указывать себя в качестве автора произведения и пользоваться презумпцией статьи 1257 ГК РФ.

¹⁶⁷ Шуткин С.И. Произведения, созданные искусственным интеллектом, и права на них. // «Хозяйство и право». 2019. № 8. С. 106-113.

Ранее нами были приведены примеры существующих произведений, которые отражают проблематику, затронутую в этой работе. Однако явление, которое мы исследуем, еще более усложняется из-за неоднородности предмета исследования, из-за быстрого развития информационных технологий и рынка.

Российский стартап Mubert создал алгоритм, который в виде стримингового сервиса «бесконечно» производит уникальную электронную музыку в разных жанрах. Сами Mubert называют это «генеративная музыка». Их музыка представляет собой не отдельные композиции, а постепенно меняющийся музыкальный поток, имитацию «сведенных» воедино композиций. Поскольку алгоритм не создает объективно и устойчиво существующие произведения, вряд ли можно применить к ним режим авторского права. С другой стороны, данный процесс можно мыслить как импровизацию.

Mubert позиционируют себя как музыкальный сервис не только для пользователей, но и для бизнеса. Со своей стороны они предоставляют уникальный аудиоконтент за абонентскую плату.¹⁶⁸ С точки зрения сферы IT хочется назвать это «музыка как сервис» («Music-as-a-Service»). Предметом здесь скорее будет не использование произведений, а получение услуги на основе программного обеспечения (приложения) за плату (в форме аудиоконтента). Свою базу данных Mubert наполняют семплами, звуками из которых алгоритм генерирует музыку (за вознаграждение они привлекают артистов).

В этом контексте актуальным является мнение Ш. Яниски-Равида. Он допускает различное определение судьбы созданных искусственным интеллектом произведений – в зависимости от обстоятельств их соз-

¹⁶⁸ Сайт Mubert. / URL: <https://mubert.com/business/> (дата обращения - 20.08.2020).

дания. По его мнению, нет строгого правила, но могут возникать как производные, так и отдельные работы, как с существенным творческим вкладом человека, так и без него.¹⁶⁹

Для придания контраста следует привести в пример известную российскую программу Glitché. Данная программа модифицирует фотографии, но настройки для этой модификации выбирает пользователь. Хотя визуальные эффекты и опции созданы творческим трудом команды Glitché, пользователь сам определяет, как их применить. То есть пользователь имеет некоторый объем возможностей для самостоятельного создания произведения в индивидуальной (оригинальной) форме. В случае Glitché пользователь с помощью технических средств выполняет переработку фотографии (производное произведение) (подпункт 9 пункта 2 статьи 1270 ГК РФ).

Проблема регулирования отношений, связанных с произведениями, созданными искусственным интеллектом, является неоднозначной. Она позволяет по-новому взглянуть на концепцию авторского права и на проблему правосубъектности искусственного интеллекта. Вместе с тем потребность регулирования в этой части существует, и будет усиливаться, поскольку новые отношения нужно различать и придать им правовую определенность. При этом нужно учитывать интересы инноваторов и, возможно, стимулировать их творческий энтузиазм правовыми средствами.

¹⁶⁹ Yaniski-Ravid S., Velez-Hernandez L. Copyrightability of Artworks Produced by Creative Robots, Driven by Artificial Intelligence Systems and the Concept of Originality: The Formality - Objective Model. // Minnesota Journal of Law. March. 2017. С. 56.

Библиографический список

1. Болотова Л.С. Системы искусственного интеллекта: модели, основанные на знаниях: Учебник. - М., 2012. 664 с.
2. Бостром Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии: Пер. с англ. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 760 с.
3. Гаврилова Т.А., Хорошевский В.Ф. Базы знаний интеллектуальных систем. - СПб.: Питер, 2001. 384 с.
4. Гегель Г. Философия права. М., 1990. 528 с.
5. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее. // «ИС. Авторское право и смежные права». № 12. 2017. С. 7-18.
6. Кашанин А.В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве. // Вестник гражданского права. № 2. 2007. С. 75-119.
7. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914.
8. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М.: Наука. 1999. 602 с.
9. Морхат П.М. К вопросу об особенностях развития права интеллектуальной собственности в контексте использования искусственного интеллекта. // Журнал «Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности)». № 2. 2018.
10. Морхат П.М. Система искусственного интеллекта как субъект авторского и патентного права. // Журнал «Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности)». № 3. 2018. С. 82-92.
11. Мотовилова Д.А. Перспективы авторско-правовой защиты результатов, созданных системами искусственного интеллекта, с позиции американского права. // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 1. 2019.
12. Нерсисянц В.С. Философия права. М.: Норма-Инфра. 1998. 652 с.
13. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.
14. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов. // Журнал «Закон». 2018. № 9. С. 86-95.
15. Уинстон П.Г. Искусственный интеллект: пер. с англ. В.Л. Стефанюка; под ред. Д.А. Поспелова. - М.: Мир, 1980. 520 с.
16. Шуткин С.И. Произведения, созданные искусственным интеллектом, и права на них. // «Хозяйство и право». 2019. № 8. С. 106-113. / URL: <http://www.hozpravo.ru/ru/archive/2019-год/08-2019>
17. Шуткин С.И. Правовой режим результатов творческой деятельности искусственного интеллекта. // Ежегодник-антология «Право цифровой экономики – 2020». М.: Издательство «Статут», 2020. 464 с.
18. "Artificial Intelligence", The Law Dictionary (Юридический словарь Блэка) / URL: <https://thelawdictionary.org/artificial-intelligence/> или <https://perma.cc/5BPN-YBTE>

19. Bellman R.E. An Introduction to Artificial Intelligence: Can Computers Think? // San Francisco: Boyd & Fraser Publishing Company; Thomson Course Technology. 1978. 146 c.
20. Castro D., New J. The Promise of Artificial Intelligence // Center for Data Innovation. 2016 / URL: <http://www2.datainnovation.org/2016-promise-of-ai.pdf>
21. Cerka P., Grigiene J., Sirbikyte G. Is it possible to grant legal personality to artificial intelligence software systems? // Computer Law & Security Review. 2017. No 3. C. 376-389.
22. Copyright, Designs and Patents Act 1988. / URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/section/9>
23. Copyright Law of the United States. / URL: <https://www.copyright.gov/title17/92chap1.html>
24. Good I.J. Speculations Concerning the First Ultraintelligent Machine // Advances in Computers / Eds. Franz L. Alt, Morris Rubinoﬀ. Vol. 6. - New York: Academic Press, 1965. C. 31-88.
25. Kurzweil R. The Age of Intelligent Machines // Cambridge (Massachusetts, USA): MIT Press, 1990. 580 c.
26. Laukyte M. Artificial and Autonomous: A Person? // AISB/IACAP World Congress 2012. C. 66-71.
27. McCarthy J. What is Artificial Intelligence? (2004) / URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html>
28. Rich E., Knight K. Artificial Intelligence. Second edition. - New York: McGraw-Hill, 1991. 640 c.
29. Searle J.R. The Rediscovery of the Mind. Massachusetts Institute of Technology. 1992. 288 c.
30. Searle J.R. Minds, Brains and Programs. Behavioral and Brain Sciences. 1980. № 3. C. 417-457.
31. Vladeck D. C. Machines Without Principals: Liability Rules and Artificial Intelligence // Washington Law Review. 2014. No 117. C. 117-150.
32. Wallach W. Allen C. Moral Machines: Teaching Robots Right from Wrong // Oxford University Press. 2009. C. 273.
33. Yaniski-Ravid S., Velez-Hernandez L. Copyrightability of Artworks Produced by Creative Robots, Driven by Artificial Intelligence Systems and the Concept of Originality: The Formality - Objective Model. // Minnesota Journal of Law. March. 2017. 56 c.
34. Базовый закон Японии от 14.12.2016 № 103 «Об улучшении использования данных публичного и частного секторов» (Basic Act on the Advancement of Public and Private Sector Data Utilization No 103 of December 14, 2016). / URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp>
35. Административный кодекс штата Невада. Статья 482A.020. / URL: <https://www.leg.state.nv.us/NAC/CHAPTERS.HTML>
36. Гражданский кодекс штата Луизиана. / URL: <https://law.justia.com/codes/louisiana/2011/rs/title9/rs9-2602/>
37. Роман, написанный японской программой, вышел в финал литературного конкурса / URL: <https://habr.com/ru/post/392225/>
38. Человекоподобный робот София получила гражданство Саудовской Аравии / URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1945500/>
39. Artificial Intelligence: Why AI Inventions Will Disrupt Patent Law / URL: <http://www.cilglobalip.com/blog/2018/09/07/artificial-intelligence-why-ai-inventions-will-disrupt-patent-law/>
40. Google's Artificial Intelligence Built an AI That Outperforms Any Made by Humans. / URL: <https://futurism.com/google-artificial-intelligence-built-ai>
41. Is artificial intelligence set to become art's next medium? / URL: <https://www.christies.com/features/A-collaboration-between-two-artists-one-human-one-a-machine-9332-1.aspx>
42. Сайт Mubert. / URL: <https://mubert.com/business/>
43. «New Rembrandt» to be unveiled in Amsterdam» / URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2016/apr/05/new-rembrandt-to-be-unveiled-in-amsterdam>
44. Дело Rearden LLC v. Walt Disney Co. / URL: <https://casetext.com/case/rearden-llc-v-walt-disney-co-2>
45. Why Artificial Intelligence will enable new scientific discoveries. // URL: <https://www.graphcore.ai/posts/why-artificial-intelligence-will-allow-us-to-make-new-scientific-discoveries>

ДЕ АПРО Сона Вагановна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Высшая школа государственного аудита, магистр кафедры компьютерного права и информационной безопасности (119234, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13; тел.+7 (495) 939-41-45; email: s.deapro@yandex.ru)

РОЛЬ IT-ЮРИСТА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА И СЕТЕВЫХ СМИ

Ключевые слова: сетевые СМИ; IT-юрист; средства массовой информации; правовое регулирование информационной сферы; межпрофессиональное сотрудничество.

Аннотация: Рассматриваются проблемы правового регулирования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых средств массовой информации в условиях трансграничности информационной сферы и цифровой трансформации понятия средств массовой информации под воздействием глобализации, цифровой экономики и появления новых способов распространения информации с помощью информационных технологий. В рамках правового регулирования вопросов информационного характера предлагается межпрофессиональное и межотраслевое сотрудничество.

Эволюционное развитие информационного общества, создание глобальной информационной инфраструктуры, увеличение роли информации, знаний и информационно-телекоммуникационных технологий в жизни общества привели к появлению все большего количества форм распространения массовой информации в сети Интернет, в том числе к переходу тради-

ционных СМИ в онлайн-пространство. В свою очередь, преобразование медийной отрасли в функционирование средств массовой информации в цифровой сфере привело к их конвергенции, в корне изменившей традиционную систему СМИ¹⁷⁰. Теперь любое обращение, будь то к Интернету или к сетевым изданиям, будет подразумевать поиск, получение, производство и (или) распространение информации, но уже в виртуальном пространстве. В связи с этим возникает потребность в компетентных специалистах в области регулирования информационных правоотношений, вбирающих в себя помимо юридических аспектов, также и технические.

Изменению подверглось не только функционирование средств массовой информации, но и в целом распространение информации и доступ к ней посредством информационно-телекоммуникационной сети. Это усложняет информационную сферу тем, что информация самого разного, порой недопустимого характера может быть распространена среди неограниченного круга лиц через различные каналы связи кем угодно и откуда угодно. И хотя существуют фундаментальные, гарантированные Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина, а также свобода массовой информации, тем не менее в условиях стремительного развития информационной сферы необходимо установление правовых норм, регулирующих деятельность пользователей в Сети для обеспечения их безопасности.

Говоря о конвергенции важно отметить, что данный процесс направлен на слияние и интеграцию различных форм подачи информации (текстовой, аудиовизуальной) в единый информационный ресурс, распространяющийся по различным каналам связи. К таким каналам можно отнести как официальные сайты СМИ,

¹⁷⁰ Бачило И.Л., Лапина М.А. Актуальные проблемы информационного права. — Москва: ЮСТИЦИЯ. 2019. С. 359.

так и социальные сети, мессенджеры, порталы, блоги, видеохостинги, форумы, доступные для активного использования и распространения через них информации любому пользователю Интернета.

В ст. 2 Закона о СМИ сетевые издания определяются как «сайты в информационно-коммуникационной сети «Интернет», зарегистрированные в качестве средств массовой информации».¹⁷¹ Помимо них, средствами массовой информации выступают печатные издания, издания в электронном формате, теле- и радиоканалы, теле-, радио- и видеопрограммы, кино и любая другая форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием). В качестве синонимов к понятию сетевых изданий в литературе также используются такие термины, как «электронные СМИ», «онлайн-СМИ», «Интернет-СМИ» и т.д.

Согласно ст. 8 Закона о СМИ, сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» может быть зарегистрирован как сетевое издание в соответствии с данным Законом. «Сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», не зарегистрированный в качестве средства массовой информации, средством массовой информации не является». Стоит отметить, что в Интернете функционирует ряд ресурсов и сервисов, которые нельзя однозначно, а то и вообще отнести к средствам массовой информации. Есть и такие ресурсы, которые по содержанию и своему позиционированию схожи со СМИ, однако не зарегистрированы в качестве таковых, и по отношению к ним Закон о СМИ не может быть применен.

Регистрация сайта в качестве СМИ, согласно Закону о СМИ, необязательна. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите ин-

формации» (далее — Закон об информации) определяет сайт как «совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети «Интернет»¹⁷².

Подчеркнем, что согласно Закону о СМИ, в качестве средств массовой информации могут быть зарегистрированы только сайты. Однако среди информационных ресурсов есть такие, как социальные сети, мессенджеры, поисковые и почтовые сервисы, порталы, блоги, фото- и видеохостинги, юридический статус которых также не определен. Вопрос о возможности их регистрации в качестве СМИ на законодательном уровне не решен, так как помимо распространения информации на данных ресурсах может осуществляться и иная деятельность. Хотя именно на подобных ресурсах зачастую встречаются такие правонарушения, как:

- распространение недостоверной информации среди неограниченного круга лиц (фейковые новости);
- обработка персональных данных без получения предварительного согласия субъекта персональных данных;
- нарушение авторского права посредством использования чужих материалов без получения согласия автора;
- распространение вредной информации, в том числе экстремистских материалов среди неограниченного круга лиц;
- пропаганда культа насилия и жестокости;

¹⁷¹ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 01.03.2020). // СПС КонсультантПлюс.

¹⁷² Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (ч. 1), ст. 3448.

- использование нецензурной брани;
- реклама и продажа запрещенных законом наркотических средств, психотропных веществ и др.

Отличие между традиционными и сетевыми СМИ заключается главным образом в том, что сеть «Интернет» расширяет возможности распространения массовой информации как по охвату, так и по конвергентной форме подачи материала. Интернет становится для пользователей общедоступной площадкой вседозволенности, где каждый (в том числе дети) ищет, получает, производит и распространяет любого рода информацию. Кроме того, возрастает риск нарушения информационного законодательства в части защиты авторских прав, регулирования рекламы, противодействия экстремизму, дезинформации, распространению недостоверной информации, неправомерному доступу к компьютерной информации и т.д.

Регулирование отношений, которые касаются свободы слова и свободы массовой информации как в традиционных СМИ, так и в Сети, на законодательном уровне предложены в таких федеральных законах, как «О средствах массовой информации», «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», «О чрезвычайном положении», «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами», «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации», «О рекламе», «О противодействии терроризму», «О противодействии экстремистской деятельности», «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и в ряде других.

Из международных правовых документов следует выделить следующие: Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Конвенция Содружества независимых государств о правах и основных свободах человека и т.д.

Перечисленные правовые документы включают в себя регулирование как традиционных, так и сетевых информационных отношений в области свободы слова и массовой информации. Важно отметить, что данные акты и федеральные законы не учитывают массовость распространения информации через социальные сети и иные способы, помимо традиционных средств массовой информации, перешедших в сеть «Интернет» путем регистрации сайта в качестве сетевого издания.

Массовая информация определяется в ст. 2 Закона о СМИ как предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы. Однако законодательство о СМИ не предусматривает ее правовой режим и не содержит хотя бы какой-то структурированный перечень, согласно которому массовая информация распределялась бы на подгруппы по типу, например, перечня сведений, составляющих государственную тайну¹⁷³.

В российских СМИ не раз поднималась проблема правового регулирования контента, распространяющегося в Сети, которая прямо затрагивает деятельность и сетевых СМИ. Но не стоит забывать, что нельзя злоупотреблять свободой массовой информации, которая, в свою очередь, может быть вредной для

¹⁷³ См.: ст. 5 Закона РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне», // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 21.09.1993, № 38, ст. 1480.

общества, в особенности для подрастающего поколения. Конечно, попытка полноценного регулирования и контроля деятельности в Сети и информации, попадающей на просторы Интернета, скорее всего, приведет к дисбалансу, как, например, в случае с законом о лайках и репостах (ст. 282 Уголовного кодекса РФ), который в последние годы был частично декриминализован.

Сегодня среди юридических услуг в области сетевых СМИ предлагаются такие, как регистрация или перерегистрация издания, защита в судах, разработка внутренних регулирующих деятельность изданий документов (уставов, договоров между учредителем и редакцией СМИ и т.д.), проведение правового аудита СМИ для анализа соответствия их деятельности действующему законодательству, получения прав на контент (фото-, видеоматериалы, статьи) от правообладателей с целью его размещения в СМИ, проведение анализа контента СМИ на предмет ограничений по законодательству (размещения чужой интеллектуальной собственности, экстремистских материалов, персональных данных, нарушения чести, достоинства, деловой репутации посредством публикаций в СМИ), разрешение конфликтных ситуаций с третьими лицами, сотрудниками, контрагентами, государственными контролирующими и регистрирующими органами.

В целом аналогичные услуги предоставляются и традиционным СМИ. Однако с развитием и трансформацией способов распространения и потребления информации посредством информационно-телекоммуникационных технологий для СМИ, интернет-пользователей и IT-юристов¹⁷⁴ (специалистов в области права и информационных технологий) возникают но-

¹⁷⁴ Де Апро С.В. Подготовка и правовое регулирование деятельности юриста в сфере цифровой экономики // Сборник статей по итогам работы всерос. науч. конф. «Стратегия финансового контроля и информационного развития в условиях цифровой экономики». Под ред. Захарова И.В., Башкирова Н.Н., Зуевой А.С. - Москва: издательство «Стратегема -Т», 2020.

вые вызовы и вопросы, требующие не совсем традиционного подхода в их решении.

«Трансграничность, неопределенность границ государственной юрисдикции сети Интернет и в целом техническая основа информационной сферы осложняют ее правовое регулирование, так как применение традиционно сложившихся подходов невозможно по отношению к проблемам, связанным с информационными технологиями»¹⁷⁵. Следовательно, необходимо межпрофессиональное взаимодействие таких специалистов как юристы, программисты, инженеры, аудиторы.

Вместе с тем важен комплексный подход для целей правового регулирования общественных отношений в Сети. Сетевые СМИ, как и в целом информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», вбирают в себя правоотношения в области СМИ и рекламы, гражданские, административные, уголовные правоотношения. Информационная отрасль «активно взаимодействует со всеми остальными отраслями»¹⁷⁶ и рождает новых субъектов правоотношений, которые можно классифицировать как предъядвителей, поставщиков информации и ее получателей. К предъядвителям информации могут быть отнесены поисковые системы, программные обеспечения (Google, Яндекс, Microsoft, iOS). К поставщикам доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» относятся интернет-провайдеры, хостинг-провайдеры, сервис-провайдеры. Среди получателей информации

¹⁷⁵ Де Апро С.В. Особенности образовательной подготовки юристов в области информационных технологий для развития цифровой экономики / С.В. Де Апро, Ю.М. Батурин // Опыт образовательной организации в сфере формирования цифровых навыков: материалы Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 31 дек. 2019 г.) / редкол.: Н.М. Гурьева [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2019.

¹⁷⁶ Морозов А.В., Филатова Л.В., Полякова Т.А. Актуальные проблемы информационного права. – С.: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. С. 20.

могут быть физические и юридические лица, государственные структуры.

Для регулирования сетевых правоотношений важно отталкиваться от исходных точек, то есть от того, что представляет «корень» возникающей проблемы. Одно действие участников сетевого пространства, вступающих в правовые отношения, создает внутри себя цепочку действий, которые выполняются уже не непосредственно тем или иным участником, а предъявителем и поставщиком информации. То есть, данные субъекты правоотношений в Сети становятся способом, средством размещения информации пользователями.

При распространении этими пользователями, к примеру, информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, а также любой другой запрещенной законом информации в Интернете, возникает вопрос возложения ответственности за ее распространение. Важно определить те самые исходные точки, откуда данная информация попала в Сеть, а именно, администраторов, владельцев сайтов и самих пользователей Сети. Должен ли нести ответственность субъект, имеющий и реализующий намерение распространения такой информации? Или ответственность за предварительную фильтрацию информации, поступающей от пользователей, ложится на владельца или администратора сайта?

Скорее всего, ответственность необходимо возложить на тех субъектов, которые осуществляют фильтрацию контента перед ее распространением в Сети, то есть на администраторов сайтов, редакции СМИ. Если же речь идет о форумах и других ресурсах, в которых фильтрации контента как таковой нет, то ответственность должна лечь на пользователей данных форумов, размещающих информацию в Сети. Провайдеры лишь предоставляют доступ пользователям к сети «Интернет», где уже образуются владельцы сай-

тов, доменных имен, предоставляющих пользователям доступ к информации и к ее распространению. В информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» образуются новые типы субъектов взаимодействия и правоотношений.

В Законе об информации определены следующие субъекты правоотношений: обладатель информации, оператор информационной системы, владелец сайта в сети «Интернет», провайдер хостинга. Также в Законе выделены такие субъекты правоотношений, как владелец доменного имени, оператор информационной системы, оператор связи (интернет-провайдер, оператор сотовой связи), оператор поисковой системы. В Законе «О рекламе» можно выделить рекламораспространителя, рекламоделателя, в Законе «О персональных данных» - оператора персональных данных.

Гражданский кодекс РФ предусматривает¹⁷⁷ особенности ответственности информационных посредников как субъектов сетевых правоотношений. Также ГК РФ выделяет правообладателя информации. Субъектом может являться и пользователь информации, участник и создатель компьютерных игр, информационный брокер, почтовый и вирусный посредники, организатор распространения информации в Сети (агрегаторы, социальные сети). Юридический статус большинства перечисленных субъектов правоотношений в Сети определен, однако транснациональный характер информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» добавляет сложность в определении юрисдикции, по которой необходимо регулировать возникающие правоотношения.

Так, в ноябре 2019 года вступил в силу так называемый «закон о суверенном интернете»¹⁷⁸. Изменения,

¹⁷⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч.4), ст. 1253

¹⁷⁸ Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в

внесенные им в такие законы, как «О связи» и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предполагают обязанность операторов устанавливать государственное оборудование на точках обмена трафика для его анализа внутри страны и на территориях пересечения границ России. Вместе с тем данный закон подразумевает реализацию Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ограничения доступа к запрещенным в России сайтам, а также создания национальной системы доменных имен. С одной стороны, данный закон направлен на некую систематизацию общественных отношений, возникающих в национальной информационной сфере, на определение ее участников посредством выделения таких субъектов и объектов правоотношений, как оператор связи, доменное имя, национальная система доменных имен, что позволяет внести некую ясность в понимание ответственных «точек».

С другой стороны, закон имеет ряд тонкостей в плане разграничения национальной и зарубежной частей Сети в случае возможного отключения российского сегмента Интернета от глобального киберпространства. С пользовательской точки зрения это не только отделение национальной части рунета от «общего» Интернета, но и, по сути, ограничение доступа к осуществлению поиска, получения, производства и распространения информации и в целом возможности общения на межгосударственном уровне посредством тех же социальных сетей. К тому же, «применение одним государством мер по абсолютному контролю и фильтрации всех электронных сообщений может при-

вести не только к полной блокировке работы подконтрольного ему сегмента Сети, но и в конечном итоге к неработоспособности всего Интернета»¹⁷⁹.

Таким образом, определение границ государственной юрисдикции Интернета необходимо для выявления места совершения правонарушения, выявления виртуального перемещения данного правонарушения (например, осуществление электронной финансовой транзакции из одной государственной юрисдикции в другую, используя разные ПО, IP-адреса и доступ к Сети). Однако определение данных границ должно сопровождаться принятием общих для всего Интернета и общих для всех его пользователей вне зависимости от их местонахождения законов.

Подобный подход позволит придерживаться основополагающих, конституционно и международно закрепленных принципов свободного соблюдения и реализации своих законных прав в области информации и не только. Сегодня Интернет – это не только информационная сфера, но и площадка других сфер деятельности. Это и ведение предпринимательской деятельности, реализация государственных, финансово-экономических, образовательных и других услуг. Это переход в Сеть не только традиционных СМИ, но и других отраслей. И в случае полноценного отключения национального рунета от всемирного может произойти сбой в ряде сфер деятельности, перешедших в Сеть и, следовательно, сбой уже в традиционных, «реальных» сферах деятельности.

Кроме того, понятие «средства массовой информации» под воздействием новых технологий тоже трансформируется. Исторически СМИ ассоциируются с профессиональной журналистской деятельностью.

Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». // Собрание законодательства РФ, 06.05.2019, № 18, ст. 2214.

¹⁷⁹ Фролов Д. Б., Грунюшкина С. А., Старостин А. В. Информационная геополитика и сеть Интернет: Монография / Под общ. ред. докт. полит. наук, канд. юрид. наук Д. Б. Фролова. – М.: РФК. Имидж Лаб, 2008. С. 212.

Технологическое же развитие медийной отрасли расширило данное понятие по смыслу, интегрировав в него самые различные способы создания и распространения массовой информации. Медийная отрасль охватывает сегодня не только традиционные печатные издания, телеканалы, радиопрограммы, но и, в принципе, любые средства, формы и способы представления информации.

В качестве средства массовой информации могут выступать и кинодеятельность, и электронное книгоиздание, и ведение личных блогов в виде размещения постов (от личных до профессионально ориентированных и информативных) в таких социальных сетях, как ВКонтакте, Одноклассники, Twitter, Facebook, Instagram. С помощью современных программных приложений пользователи самостоятельно создают произвольный контент и размещают его в Сети. Другими словами, происходит размывание понятия «средства массовой информации» в понимании журналистики и его пределов. Пределов практически не остается. Наоборот, понятие «средство массовой информации» может быть отнесено, по сути, и к социальным сетям, так как информация, размещаемая в них, тоже является массовой, а социальные сети являются способом получения и распространения этой информации.

Другой вопрос, когда аккаунт или страница конкретного пользователя не являются общедоступными для всех пользователей данной социальной сети. Но и в данном случае могут возникнуть такие общественно опасные деликты, как, например, неправомерной доступ к информации посредством взлома аккаунта пользователя.

Масштаб оборота массовой информации в Сети с каждым днем только возрастает, что создает технические и юридические трудности в определении первоисточника и исходной точки распространения той или

иной информации в связи со стремительным «распылением» данной информации среди участников информационного взаимодействия. Технологическое развитие приводит к повсеместному распространению и персональных, в том числе биометрических данных, которые, попадая в хранилища и облачные сервисы, тоже становятся массовой информацией.

К тому же, Интернет, хоть и упрощает процесс передачи и получения информации, но вместе с тем усложняет задачу защиты национальной безопасности. Глобальный статус Интернета как международной территории усложняет определение государственных границ юрисдикции для наиболее точного выявления субъектов правонарушений в Сети и возложения на них ответственности в соответствии с юрисдикцией того или иного государства.

Правонарушения, осуществляющиеся в информационно-телекоммуникационной сети, отражаются не только в виртуальном пространстве, но и в реальной жизни. Например, конфликт между компаниями, предъявившими обвинения друг другу в вопросе неправомерного доступа к компьютерной информации является началом конфликта и ощущения его последствий в реальной жизни (финансово-экономический, репутационный ущерб). Сетевые разногласия между государствами выливаются в более глобальные конфликты уже в реальности, что прямо влияет на безопасность граждан и человечества в целом. Средствами массовой информации становятся практически любые способы передачи информации, будь это СМИ в традиционном понимании как издания, телевидения, радио, социальные сети или же сами гаджеты, представляющие собой комплексное конвергентное единое средство доступа к массовой информации различной формы (текстовые, аудиовизуальные форматы и т.д.). Таким образом, в связи с комплексной трансформаци-

ей сетевых средств массовой информации необходим межпрофессиональный и межотраслевой подходы в правовом регулировании отношений в информационной сфере.

Библиографический список

1. Батурин Ю. М. Проблемы компьютерного права. – М.: Юридическая литература, 1991. – 271 с.
2. Бачило И.Л., Лапина М.А. Актуальные проблемы информационного права. – Москва: ЮСТИЦИЯ. 2019 - 594 с.
3. Де Апро С.В. Подготовка и правовое регулирование деятельности юриста в сфере цифровой экономики // В сборнике статей по итогам работы всерос. науч. конф. Стратегия финансового контроля и информационного развития в условиях цифровой экономики. Под ред. Захарова И.В., Башкирова Н.Н., Зуевой А.С. - Москва: издательство «Стратегема -Т», 2020.
4. Де Апро С.В. Особенности образовательной подготовки юристов в области информационных технологий для развития цифровой экономики / С.В. Де Апро, Ю.М. Батурин // Опыт образовательной организации в сфере формирования цифровых навыков : материалы Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 31 дек. 2019 г.) / редкол.: Н.М. Гурьева [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2019.
5. Калятин В.О. Право в сфере Интернета. – М.: Норма, 2004.
6. Минбалеев А.В. Теоретические основы правового регулирования массовых коммуникаций в условиях развития информационного общества. - Челябинск: Цицеро, 2012. 394 с.
7. Морозов А.В., Филатова Л.В., Полякова Т.А. Актуальные проблемы информационного права. – С.: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015.
8. Рассолов И.М. Интернет и право. Теоретические проблемы. – М.: Норма, 2009.
9. Рассолов И.М. Информационное право: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2013. - 352 с.
10. Фролов Д. Б., Грунюшкина С. А., Старостин А. В. Информационная геополитика и сеть Интернет: Монография / Под общ. ред. докт. полит. наук, канд. юрид. наук Д. Б. Фролова. – М.: РФК. Имидж Лаб, 2008. – 404 с.

МЫСЛОВСКИЙ Евгений Николаевич

Кандидат юридических наук, член Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, главный редактор журнала «Правозащита» (109028, Москва, ул.Б.Косинская д.27 оф.111 тел.+7 985 222-46-14; email myslovsky2012@yandex.ru)

ВОЗМОЖНО ЛИ ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ?

Ключевые слова: искусственный интеллект; правоохранительная система; базы данных; эмоции и творчество; безопасность цифровой информации; цифровая среда; правоохранительная и судебная деятельность.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы возможного внедрения интеллектуальных цифровых систем в деятельность правоохранительных и судебных органов.

«Эх, нам электричество сделать все сумеет,
Нам электричество мрак и тьму развеет,
Нам электричество все делает дела:
Нажал на кнопку – чик-чирик, поехала,
пошла...

И будет грабить нас ночной электровор,
Допрашивать нас будет электропрокурор».

Студенческая песня 50-х годов прошлого века.

10 октября 2019 г. Указом Президента Российской Федерации № 490 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года¹⁸⁰. На протяжении ряда лет в научных кру-

¹⁸⁰ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». // Собрание законода-

гах, связанных с развитием цифровых технологий, шла дискуссия о том, что подразумевается под термином «искусственный интеллект». Ещё в 1956 году была высказана идея, которая определяла искусственный интеллект как свойство технических (кибернетических) систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека. Протицированное определение искусственного интеллекта, было дано Джоном Маккарти в 1956 году.¹⁸¹

К сожалению, единого ответа на вопрос, что собой представляет и чем занимается искусственный интеллект, не существует. В каком-то смысле конец терминологическим дискуссиям положила утверждённая указом президента упомянутая Национальная стратегия, в которой даны следующие определения комплекса понятий (выделю только те, которые необходимы не инженерам, а обычным пользователям. к которым я отношу и юристов всех направлений):

«а)...**искусственный интеллект** — комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений;

б) **технологии искусственного интеллекта** - технологии, основанные на использовании искусствен-

ного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта;

...

г) **смежные области использования искусственного интеллекта** — технологические решения, в которых искусственный интеллект используется в качестве обязательного элемента, включая робототехнику и управление беспилотным транспортом;

д) набор данных – совокупность данных, прошедших предварительную подготовку (обработку) в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации...необходимых для разработки программного обеспечения на основе искусственного интеллекта;

...

ж) **аппаратное обеспечение** — система взаимосвязанных технических устройств предназначенных для ввода (вывода), обработки и хранения данных;

з) **вычислительная система** — предназначенные для решения задач и обработки данных (в том числе вычислений) программно-аппаратный комплекс или несколько взаимосвязанных комплексов, образующих единую инфраструктуру».

Далее в Национальной стратегии отмечается, что «на смену экспертным системам пришло машинное обучение, благодаря которому информационные системы самостоятельно формируют правила и находят решение на основе анализа зависимостей, используя наборы данных (без предварительного составления человеком перечня возможных решений), что позволяет говорить о появлении искусственного интеллекта. <...> Создание универсального (сильного) искусственного интеллекта, способного, подобно человеку, ре-

тельства РФ, 14.10.2019, № 41, ст. 5700.

¹⁸¹ Джон Маккарти — выдающийся американский информатик, автор термина «искусственный интеллект» (1955) <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/897526> (дата обращения - 15.07.2020).

шать различные задачи, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям, является сложной научно-технической проблемой, решение которой находится на пересечении различных сфер научного знания – естественно-научной, технической и социально-гуманитарной. Решение этой проблемы может привести не только к позитивным изменениям в ключевых сферах жизнедеятельности, но и к негативным последствиям, вызванным социальными и технологическими изменениями, которые сопутствуют развитию технологии искусственного интеллекта».

Национальная стратегия предъявляет определённые требования к искусственному интеллекту:

«б) безопасность: недопустимость использования искусственного интеллекта в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, а также предупреждение и минимизация рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта;

в) прозрачность: объяснимость работы искусственного интеллекта и процесса достижения им результатов, недискриминационный доступ пользователей продуктов, которые созданы с использованием технологий искусственного интеллекта, к информации о применяемых в этих продуктах алгоритмах работы искусственного интеллекта».

А теперь, определившись с понятиями, давайте рассмотрим возможно ли создать **«комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»** применительно к интеллектуальной деятельности оперативных работников, следователей и судей.

Интеллект — это, в первую очередь, логика. И какая бы сильная логика у машины ни была, если у тебя в основе (в базе данных) — неправильные факты, то и выводы будут неверными.

От искусственного интеллекта требуют выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека. Люди, ратующие за повсеместное внедрение цифровых технологий, — как правило, это руководящий слой управленцев — как-то не задумываются о том, что интеллектуальная система — это техническая или программная система, способная решать задачи, традиционно считающиеся творческими, принадлежащие конкретной предметной области, знания о которой хранятся в памяти такой системы. Структура интеллектуальной системы включает три основных блока — базу знаний, решатель и интеллектуальный интерфейс, позволяющий вести общение с ЭВМ без специальных программ для ввода данных.

Расследование и судебное рассмотрение уголовных дел — это всегда сфера работы со многими неизвестными. Но для того, чтобы машина могла выдать какой-либо результат, эти «неизвестные» должны быть сначала обнаружены, а затем введены в специальную базу данных. Но возможно ли создать системы, способные правильно интерпретировать внешние данные, извлекать уроки из таких данных и использовать полученные знания для достижения конкретных целей и задач при помощи гибкой адаптации. Другими словами, способна ли машина выявлять причинно-следственные связи между отдельными разрозненными фактами. Пока ещё мы не видим такой возможности.

Хочу сделать небольшое отступление от рассматриваемой темы. Ещё в 1972-73 годах, работая в должности прокурора отдела по делам несовершеннолетних прокуратуры г. Москвы, я проводил исследование преступности несовершеннолетних в городе за период 1961-1971 годы.

Для обработки данных я использовал методику применения суперпозиционных картотек, автором которой являлся профессор НИИ МВД СССР, доктор юридических наук С.С.Овчинский, лично научивший меня пользоваться перфокартами и техническим средствами для их обработки. В моём распоряжении кроме подаренных мне С.С.Овчинским карточек для перфорирувания и специально-го дырокола был ещё огромных размеров электрический арифмометр, который работал с таким оглушительным шумом, что коллеги потребовали отсадить меня из общего кабинета и мне прокурором г. Москвы специально была выделена каморка под лестницей.

Работая над этим заданием, я разработал специальные методы разделения изучаемых уголовных преступлений на отдельные мелкие действия (факты), анализ которых позволил создать весьма интересную картину динамики детской преступности за 10 лет. Поскольку статистика в то время была секретной, то мне даже дали разрешение на защиту по этой теме диссертации. Однако, в силу разных причин, диссертация так и не была защищена и осталась в недрах первого отдела Прокуратуры г. Москвы.

Впоследствии я снова вернулся на следствие и, разработанная мною методика, позволила мне проводить тщательные расследования по чрезвычайно сложным уголовным делам. И сегодня, спустя почти 50 лет, я до сих пор использую эту методику при анализе поступающих ко мне для исследования уголовных дел. Последние 16 лет до окончательного ухода на пенсию, работая профессором кафедры уголовного права и процесса Российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС), я неоднократно пытался привлечь специалистов по компьютерным технологиям к разработке на основании моей методики программы для автоматизированного анализа доказательств по уголовному делу.

Специалисты брались за эту задачу с энтузиазмом, но очень скоро по разным причинам отказывались от этой работы, в основном по причинам того, что они не могли заставить ЭВМ выявлять причинно-следственные связи, давать анализ исследуемому событию и делать выводы. Всё упиралось в информационную базу, которую должны были создавать следователи ещё на стадии расследования. А у следователей на эту работу не было времени, поскольку она лежала вне технологии расследования, предусмотренного УПК РФ и криминалистикой. Увы, для создания, настройки и поддержания работы всего этого нужны соответствующие кадры — люди «цифровых» профессий.

Проблемы применения искусственного интеллекта рассматриваются ИТ-специалистами с позиций проектирования экспертных систем и баз знаний. Под базой знаний понимается совокупность данных и правил вывода, допускающих логический вывод и осмысленную обработку информации. В целом исследования проблем искусственного интеллекта в компьютерных науках направлены на создание, развитие и эксплуатацию интеллектуальных информационных систем, а вопросы подготовки пользователей и разработчиков таких систем решаются специалистами по информационным технологиям.

С одной стороны, существующие на сегодня интеллектуальные системы имеют очень узкие области применения. С другой стороны, цифровые технологии используются достаточно широко в области обеспечения общественной безопасности: видеокамеры наружного наблюдения устанавливаются практически в каждом московском дворе, на каждой улице (более 250 тысяч таких камер связаны в единую городскую сеть);¹⁸² видеокамеры Центра организации дорожного

¹⁸² Система распознавания лиц полностью заработает в московском метро к 1 сентября 2020 года. Об этом столичный мэр Сергей Собянин заявил в

движения и ГИБДД позволяют не только вести наблюдение за скоростным режимом движения автотранспортных средств, но и обнаруживать в потоках машин конкретные интересующие объекты; сотовые операторы связи не только ведут учёт выхода на связь всех абонентов, но и фиксируют дислокацию каждого телефона на местности; появились электронные голосовые переводчики, что позволяет теперь сотрудникам правоохранительных органов не дожидаться переводчиков и не сомневаться в адекватности сделанного перевода (правда эти изделия ещё только входят в практику гражданского оборота, но несомненно, что использование этой техники вскоре станет обычным делом в следственно-судебной практике); уже давно используются в качестве вспомогательного средства при доказывании специальные приборы психофизиологического контроля личности, именуемые полиграфами, или в обиходе называемые «детекторами лжи»; развиваются методы электронного учёта и анализа криминалистической информации; достигнуты результаты в машинном распознавании речи и текста; индивидуальное распознавание голоса, выделенное распознавание голоса (выделение из множества голосов, например, в шумной комнате), распознавание лица и опознание определённых лиц в потоке граждан на улице (первые такие комплексы установлены на нескольких станциях московского метрополитена, процесс идентификации личности, по данным властей, занимает несколько секунд. В случае если алгоритм обнаруживает человека, чье лицо загружено в базу данных, он отправляет оповещение в правоохрани-

ходе расширенного заседания коллегии ГУ МВД России по Москве. По словам градоначальника, к HD-камерам уличного наблюдения подключили системы, работающие на основе искусственного интеллекта. Эти меры должны будут сократить преступность в Москве и распознавать преступников «за доли секунды», сообщил Собянин. // <http://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения - 20.08.2020)

тельные органы.)¹⁸³; а также для интерпретации эмоций и невербальных сигналов.

Но всё это требует наличия человека-оператора, который должен сформировать запрос на интересующую его проблему. Поэтому возникают сомнения в возможности создания «искусственного интеллекта», т.е. разум, понимающий и решающий реальные проблемы и, вместе с тем, лишённый эмоций, характерных для человека и необходимых для индивидуальной оценки ситуации. Природа человеческого творчества ещё менее изучена, чем природа интеллекта. Именно поэтому многие разработчики технологий искусственного интеллекта предпочитают рассматривать программы лишь как инструмент, позволяющий решать те или иные задачи, которые не требуют полного спектра человеческих познавательных способностей.

Интеллект можно определить как общую умственную способность к рассуждению, решению проблем и обучению. В силу своей природы интеллект интегрирует такие присущие человеку функции как восприятие, внимание, память, язык, планирование. Естественный интеллект отличает осознанное отношение к миру. Мышление человека всегда эмоционально окрашено, и его нельзя отделить от личности. Кроме того, человек — существо социальное, поэтому на мышление всегда влияет окружающая жизнь. Напротив, искусственный интеллект не имеет отношения к эмоциональной сфере и социально не ориентирован.

¹⁸³ На протяжении 2019 года мэрия тестировала систему распознавания лиц, которая показала свою эффективность, а 1 января 2020-го технология была внедрена в массовом порядке. В октябре 2019 года глава МВД РФ Владимир Колокольцев говорил, что система распознаванием лиц тестируется с 2017 г. на 1,5 тыс. камер. Эксперимент был признан успешным: МВД с помощью системы удалось задержать 200 преступников. // Улыбнитесь – вас узнали. Российская газета, 22.10.2019. <https://rg.ru/2019/10/22/reg-cfo/svyshe-160-tysiach-videokamer-v-moskve-osnastiat-sistemoj-raspoznavaniia-lic.html> (дата обращения - 20.08.2020).

В Национальной стратегии, напомним, говорится о безопасности решений в цифровой среде. Отсюда возникают парадоксы правового регулирования информационных технологий подобные тому, что в гражданском обороте запрещены гаджеты (устройства), позволяющие собирать и контролировать информацию о локальном нахождении объекта. И это при том, что практически любой смартфон легко справляется с этой задачей. Юридической практике известны случаи привлечения к уголовной ответственности за приобретение изделия, позволяющего контролировать местонахождение животных, в частности коровы, или поведение собственного ребёнка в момент отсутствия родителей. В этой практике ощущается чисто механистический подход к решению проблемы и понадобилось вмешательство Верховного Суда РФ, чтобы признать такой подход необоснованным.

Вряд ли искусственный интеллект сможет решить такую задачу, если в его информационную базу не будет заложен конкретный ответ на возникшую правовую проблему. Программы создаются под строго определённые задачи, они не обладают чувствами и устремлениями подобно человеку, они не совершают действий, которые в них не заложил программист.

Может быть, в будущем разработки в области искусственного интеллекта помогут повлиять на изменение судебной системы, сделать ее более справедливой и свободной от коррупции. Но для этого необходимы изменения алгоритмов судебной деятельности. Можно предположить, что роботы-судьи со временем смогут оперировать большими данными из судебных архивов, извлекая из них решения, аналогичные рассматриваемому делу. Искусственный интеллект может анализировать огромное количество данных, и он не испытывает эмоции, как судья-человек, но для того, чтобы решение было законным и обоснованным, искусственный интеллект должен опираться на жёсткие требования как к пра-

вонарушению, так и к личности правонарушителя, предусмотренные законом и запрограммированные.

Полагаю, что искусственный интеллект может оказать огромное влияние на обработку информации и сбор статистики, а также прогнозировать возможные правонарушения, исходя из анализа данных. Самое большое, на что пока способны искусственный интеллект и опирающиеся на эти технологии роботы — автоматизировать некоторые физические и умственные операции, освобождая тем самым людей от рутины.

Многие специалисты, задействованные на сегодняшний день в разработке систем искусственного интеллекта, охотно признают, что эти технологии еще не скоро сделает людей ненужными. Именно потому, что искусственный интеллект еще не настолько умен. Главное, чего ему на сегодняшний день не хватает, - автономной возможности думать.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года».
2. Антонов И.А. Нравственно-правовые критерии уголовно-правовой деятельности. - СПб. 2001.
3. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация. - М. 2000.
4. Овчинский А.С. Информационные воздействия и организованная преступность. М. 2007.
5. Овчинский В.С. Криминальная глобализация и конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. - М. 2000.
6. Оперативно-розыскная деятельность. Учебник. - М. 2001.
7. Собянин С.С. Система распознавания лиц полностью заработает в московском метро к 1 сентября 2020 года. Выступление на расширенного заседания коллегии ГУ МВД России по Москве. <http://www.tadviser.ru/index.php>
8. Храмов Ю., Наумов В. Компьютерная информация на предварительном следствии. - Чебоксары. Московский государственный открытый университет. 1999.

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ТЫЩКАЯ Галина Ивановна

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, кафедра международного права и международного сотрудничества в сфере интеллектуальной собственности, кандидат юридических наук, доцент (117279, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а, Тел.: +7(499) 288-7791, email: info@rgiis.ru)

УСЛОВИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ И ИХ ОТЛИЧИЕ ОТ УСЛОВИЙ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Ключевые слова: *промышленность; капитал; техническая мысль; изобретение; экономический стимул.*

Аннотация: *Работа посвящена выяснению условий промышленного и технического развития в России и их отличию от условий, которые складывались в странах Западной Европы, начиная с XVI века, а также выяснению причин, которые обусловили различное направление движения в этой области в двух разных регионах Европы.*

Ветры гуманистических настроений Запада, попав на российскую землю, взметнули вверх развитие художественной мысли, достигнув высот, позволивших увидеть в созданных произведениях одно из явлений европейского возрождения, обогатившее мировую цивилизацию.

Однако, свершив великий подъем в сфере художественного творчества, Россия слабо самостоятельно продвигалась в деле технического развития. При этом, если и происходило обогащение техники, то главным образом, путем заимствования из стран Запада.

В этой связи было бы уместно рассмотреть условия, которые складывались в российском государстве, с позиции того, насколько возможным было такое развитие.

Но вначале напомним, как были созданы условия промышленного и технического развития в странах западного региона, чтобы сопоставить с ними реалии русской истории. В странах западной Европы начало промысловой деятельности было положено как необходимое жизнеобеспечение городского населения, лишённого другого источника. Промысел стал осуществляться на основе частного капитала, особенности оборота которого привели к возникновению конкурентных отношений между товаропроизводителями. В свою очередь, это потребовало укрепления позиции капитала в конкурентной среде, которое достигалось его увеличением, за счет получения дополнительной прибыли. Способом ее получения становится использование технических достижений, позволяющих снижать издержки производства и, соответственно, себестоимость выпускаемой продукции.

Возникший таким образом экономический интерес к получению прибыли за счет применения новой техники начинает играть роль импульса в деле развития технической мысли. В свою очередь, этот ход деятельности по созданию новых решений в области техники привел к формированию такого явления возрождения, как технический прогресс.

Рассмотрим далее, как складывались условия хозяйственной деятельности в российском государстве, начиная с раннего его периода — Киевской Руси.

Формирование капитала в Киевской Руси началось в VII-VIII веках в западной части русской равнины, где хозяйственная деятельность населения направлялась торговым движением по Днепру, известному как «Путь из варяг в греки». Торговые успехи развили русское мореходство, а также появление городов, по ходу движения — Новгорода, Полоцка, Смоленска и других, около которых сложились промысловые округа, но особое значение среди них приобрел Киев, поскольку также участвуя в торговом движении, он еще выполнял оборонительную роль для всего пути, сосредотачивая главные вооруженные силы с участием однако и отдельных городов, подчинявшихся в этом случае киевскому князю, как главе вооруженной дружины. Военная связанность городов и центра объяснялась общим экономическим интересом участников движения, успех которого нуждался в защите. В связи с этим, как отмечает В.О. Ключевский, Киевское государство по своей природе имело военно-промышленное происхождение.¹⁸⁴

Общий экономический интерес обусловил появление в промысловой деятельности рассматриваемого периода (IX-XI века) ряда черт.

Первая состояла в том, что основным предметом торговли среди населения названных мест были продукты лесного промысла, важнейшим из которых была пушнина. Таким образом, создание торгового капитала происходило за счет использования природных богатств, исключая производственную сферу деятельности.

Но этот вид промысла привел к появлению и другой его черты — она состояла в необходимости расширения княжества путем завоевания¹⁸⁵. Представляется,

что это могло быть связано и с необходимостью поиска новых угодий для дальнейшего использования их богатств.

Таким образом, мы видим, что сохранение общего торгового движения и участия в нем не связывались с производственной деятельностью (а только добывающей). Поэтому в таких условиях не происходит создание конкурентной среды, порождающей экономический интерес к укреплению позиции капитала и в итоге к развитию технической мысли.

Но в XIII веке Киевское княжество погибло под воздействием кочевых племен с востока. В результате последовавшего исхода населения, часть его переместилась на северо-восток равнины в междуречье Оки и Волги, где будет создано новое (московское) государство, у которого будут уже иные задачи и поиски их решений, хотя прежняя оборонительная функция сохранится. Новой же задачей как главным направлением развития общества станет объединительная, то есть задача воссоединения всех русских княжеств вокруг Москвы. Важная задача определила и все средства ее решения — политического устройства, внутренней и внешней политики. Власть по своему складу приобрела жесткий централизованный характер. В ее условиях достигалось решение оборонительных и внутренних социальных вопросов.

Из политического объединения великорусской народности возникло новое понятие для русского общества — о государственном подданстве, понимаемое как совместное участие в общем деле, интересы которого требовали защиты. В московском государстве, все силы которого были направлены на внешнюю борьбу, усилия законодательства были сосредоточены на определении, какое участие в этой борьбе следует принимать разным классам и лицам общества, путем

¹⁸⁴ См.: Ключевский В.О. История сословий в России. — Минск: «Харвест». 2004. С. 367

¹⁸⁵ См.: Ключевский В.О. История сословий в России. С. 33.

установления обязательных для них повинностей¹⁸⁶. Таким образом, московское государство брало в свое распоряжение во имя общего блага все силы и средства общества, не оставляя простора частным интересам отдельных лиц и классов¹⁸⁷.

Это поглощение частных интересов государственным и выразилось в установлении следующих обязанностей: обладатели земельной собственности становились служилыми людьми, обязанными нести ратную или административную (земскую службу). Крестьяне, работавшие на земле, обеспечивали материально выполнение такой службы¹⁸⁸.

Что касается экономической деятельности, то в московском княжестве, в отличие от Киевской Руси, можно отметить ее слабую активность. Так, если от посадского городского населения, от которого, подобно странам западной Европы можно было бы ждать и оживления промышленного интереса, то этого здесь заметно не было. Купечество – крупные оптовые торговцы, создавая капитал, не вкладывали его в производство. Другая часть населения посадов, занимаясь промысловой и ремесленной деятельностью, осуществляла ее, будучи приписанной ко дворцу или какому-либо центральному органу, выполняя работы по заказу. Так складывались слободы кузнецов, садовников, хамовников и т.д. Они составляли особые сообщества, управляемые выборными старостами, что можно сказать приближало их к цеховой организации, которая, как известно, отличалась замкнутым характером производства, не знавшего конкурентных отношений.

Кроме того, существовали области промысла и торговли, составлявшие монополию государственной деятельности. Это, в частности, так называемая «собо-

линая монополия», то есть казенная торговля мехами, или питейная монополия по казенной торговле питейной продукцией¹⁸⁹.

Таким образом в условиях московского государства XV-XVI веков, как и в Киевской Руси, нельзя увидеть активно работающего частного капитала. Его инициатива погашалась государственной политикой, прежде всего, в оборонных и, одновременно в объединительных целях.

Но это помогло государству в течение двух веков выдержать трехстороннюю борьбу – на западе, юге и юго-востоке, с которой по тяжести ни в какое сравнение не могут идти внешние затруднения, испытанные в те века государствами западной Европы¹⁹⁰.

Потребность в техническом развитии страны наиболее заметно начинает проявляться в XVII веке во время правления новой династии. Причиной к этому побудившей стали затруднения правительства при решении острых проблем, вызвавших реакцию общества и перелом в умах у ряда его представителей, осознавших несостоятельность действовавшего порядка и сомневающихся в том, что «старина», на которой он основан, имеет достаточно средств для обеспечения дальнейшего благополучного существования страны. Тогда и начинается поиск заимствования опыта у западных стран, все более убеждаясь в его превосходстве и собственной отсталости¹⁹¹.

Здесь следует отметить, что заимствование опыта западного мира касалось в большей мере внешней стороны качества жизни и, прежде всего, достижений техники, но без осознания основ его превосходства над российским, в том числе, понимания важности на-

¹⁸⁶ См.: Ключевский В.О. История сословий в России. С. 94.

¹⁸⁷ См.: Ключевский В.О. История сословий в России. С.180.

¹⁸⁸ См.: Ключевский В.О. История сословий в России. С. 100 и др.

¹⁸⁹ См.: Ключевский В.О. История сословий в России. С. 82.

¹⁹⁰ См.: Ключевский В.О. История сословий в России. С.100.

¹⁹¹ См.: Ключевский В.О. Курс русской истории. В 3-х кн. Кн. 2. - Ростов-на-Дону. 1998. С. 364.

деления подданных, помимо повинностей, еще и правами, которые бы обеспечили возможность возникновения собственной инициативы в деловой практике и, таким образом, обусловили бы свободу промысловой деятельности, тем самым развивая сферу производства и торговли.

Как отмечает В.О. Ключевский — там, на Западе, в XVI-XVII веках на развалинах феодального порядка народный труд вышел из тесной сферы феодального поземельного хозяйства, в которую он был насильственно заключен прежде. Благодаря географическим открытиям и техническим изобретениям ему открылся большой простор для торгово-промышленной деятельности¹⁹².

Именно потому, что основной задачей московского государства было национальное объединение, начатое Иваном III и затем продолженное, и связанная с ней оборона страны, то заимствования достижений Запада направлялись именно в военную сферу — обустройство армии, ее вооружение.

Однако высокая плата, которую казна должна была нести в этом случае, привела к мысли о создании собственного оружия, используя свои природные богатства, и развитию на их основе заводского дела. Для этого потребовались иностранные специалисты и капиталы, которые выписывались из-за границы. Что касается рабочей силы — ею стала новая категория крестьян, «приписанных» к производству.

Создание оружейного производства происходило за счет казны, накопление которой формировалось путем налоговых поступлений. Но, поскольку новые задачи приводили к увеличению расходов государства, это в свою очередь обусловило и повышение налогов, которые тяжким бременем ложились на небогатое на-

селение. Правительство же не принимало никаких мер к повышению налогообеспособности населения. В то же время ознакомление с иностранным опытом решения подобных финансовых вопросов показывало, что увеличению налогов должно предшествовать повышение производительности труда, который должен быть направлен на новые доходные производства, для чего нужны мастера, знания и организация дела¹⁹³.

Но, так или иначе, заведение промышленного оружейного дела продолжало финансироваться из казны и регулироваться правительством, исходя из важности решаемых задач.

Желание подчинить промышленную деятельность государственному управлению сохранится и дальше. С особой энергией эта линия внутренней политики будет продолжена Петром I, который после ознакомления с положением дел в этой области в странах западной Европы, поставит себе как главную задачу, приблизить Россию по уровню развития к этим странам.

Меры, обращенные к промышленности и торговле, нацелены были на подъем народного труда. Но, пытаясь будить дремлющие силы народа, Петр мало рассчитывал на добровольную частную инициативу¹⁹⁴. Здесь следует напомнить, что российский подданный был наделен повинностями, но не наделен правами, позволявшими свободно распоряжаться своим трудом, поэтому, опасаясь страха русского человека перед новым делом, Петр избрал в качестве тактики решения проблемы сочетание мер правительственного принуждения и предоставляемых льгот.

Отсюда финансовой опорой в организации промысловой деятельности по-прежнему оставалась казна, но теперь для пополнения ее проводится система

¹⁹² См.: Ключевский В.О. Курс русской истории. В 3-х кн. Кн. 2. С. 365.

¹⁹³ См.: Ключевский В.О. Курс русской истории. В 3-х кн. Кн. 2. С. 374.

¹⁹⁴ См.: Ключевский В.О. Курс русской истории. В 3-х кн. Кн. 2. С. 557-559.

мер, включающая подушную перепись населения, позволившую найти для казны новых плательщиков и ввести подушную систему налогообложения.

Что касается льгот, Пётр пытался сделать эту сферу воздействия на промышленника очень привлекательной. Так, если промысловую деятельность вела компания, то в случае ее упадка из-за недостатка оборотных средств, Мануфактур-коллегия как правительственный регулирующий орган обязана была расследовать причину неудач и оказать помощь капиталом. Получали льготы и отдельные частные лица. Фабрикантам и заводчикам, вышедшим из купцов, дано было дворянское право приобретать к их фабрикам деревни, населенные крепостными крестьянами. Также и капиталистам, вышедшим из крестьян, давалась дворянская привилегия — владеть землей с крепостным населением.

Но русская предприимчивость не оправдала ожиданий и поэтому необходимые фабрики и заводы строились обычно за казённый счет и, лишь затем, на льготных условиях, передавались в частные руки. Петр при этом соединял принудительность передачи предприятия с монопольностью производства, что вело к правительственному вмешательству и мелочной регламентации.

Более всего заботило Петра создание производства, связанного с военным делом. Это горные заводы, для чего разведывались залежи необходимых руд, а также фабрики по производству сукна, полотна, парусины. В результате Петру удалось продвинуть развитие промышленного производства, хотя бы и в узкой сфере, которая, как и прежде, была связана с обороной страны и, соответственно, с обеспечением армии и флота.

В послепетровской России общая направленность развития промысловой деятельности на военные нужды, как и ее государственное регулирование со-

храняется. Что касается остальных отраслей, направленных на обеспечение потребительских интересов населения, они были предоставлены сами себе, и в условиях скудности частных капиталов, развивались медленно¹⁹⁵.

Общей чертой подхода к решению вопроса о промышленном развитии на всех этапах российской истории, начиная с XVII века стало упование на жесткое правительственное регулирование организации промысловой деятельности как главное средство ее развития, оставляя при этом в стороне то, что и стало на Западе началом технического и промышленного развития, а именно, экономический интерес к развитию техники как средство укрепления и развития капитала в конкурентных отношениях. Этот главный не найденный (хотя его особенно и не искали) ключ к развитию техники станет в дальнейшем характерной чертой российского производства.

Подводя итог рассмотренным усилием российского государства в деле создания промышленного производства и развития техники, можно заметить, что усилия эти были направлены на создание достаточных мер принуждения, позволявших решать государственные задачи. Таким образом отталкивались от интересов государства, а не человека, как это произошло в западных странах, когда интерес к жизнеобеспечению на основе частного капитала возник естественно и никто его в этом не ограничивал. Капитал становился там активным участником процесса, порождая новые производственные отношения, когда экономический интерес к получению прибыли для сохранения устойчивости в конкурентной среде стал играть определенную регулируемую роль, порождая условия для возникновения частной инициативы.

¹⁹⁵ Акунин Б. История Российского государства. Первая сверхдержава. — М.: Издательство АСТ. 2020. С. 173.

Любопытным в этом отношении представляется опыт Пруссии, которая использовала несколько другой подход к решению такой же проблемы. В качестве основы решения была использована проведенная образовательная реформа. Она состояла в том, что лишившись в результате завоевания Наполеоном в 1806 плодородных земель как главного природного ресурса, государство все свои усилия вложило в развитие человеческого капитала – в образование человека как другой оставшийся ресурс, создав для этого систему учебных заведений от народных училищ до университетов. Повышение уровня образования привело в конечном итоге к оживлению частной инициативы, промышленному росту и развитию торговли¹⁹⁶.

Сравнивая положение дел в этом отношении с Россией, нужно сказать, что основное сельское население в ней также было малограмотным или неграмотным вовсе. Поэтому изменения уровня народного образования могло бы и в России иметь подобный положительный эффект. И здесь следует отметить, что правительство страны в период правления Александра I, принимало уже заметные меры в этом направлении. Так, в 1802 году в стране было создано министерство народного просвещения. Через год принят закон об устройстве учебных заведений, в котором объявлялось, что образование является бессловным, то есть, открытым для всех и бесплатным на начальной ступени. В каждом губернском городе учреждались гимназии; в уездных центрах – училища; в волостях – приходские школы; в каждом крупном учебном округе учреждался университет¹⁹⁷.

¹⁹⁶ Б. Акунин. История Российского государства. Первая сверхдержава. С. 149.

¹⁹⁷ Б. Акунин. История Российского государства. Первая сверхдержава. С. 65-67.

Однако серьезного движения в сторону просвещения не наблюдалось в такой мере, чтобы изменилось общественное сознание в том числе и в отношении к новому промысловому делу. Можно предположить, что определенным препятствием в этом случае был устоявшийся традиционный тип регулирования отношений среди сельского населения – обычай, то есть ориентация на взгляды дедов и прадедов, которые и без образования жили. Бесспорно, традиция, как регулятор отношений, помимо своих положительных сторон, имела и отрицательную: она сковывала развитие мысли, оставляя человека в своем миропонимании на одном месте, без движения.

В итоге, отметим, несмотря на усилия государства изменить положение дел в области промышленного и технического развития, успехов в этих начинаниях достигнуто не было ни в одном из рассмотренных периодов. Однако, сохраняя прежнюю тенденцию на участие государства в развитии промысловой деятельности, в конце XIX века под влиянием успешной финансовой реформы, проведенной Вышеградским и Витте, обеспечившей профицит государственного бюджета, стало возможным изменить ее направление.

Страна в этих условиях встала на путь стимулируемый государством капиталистической индустриализации, нацеленной на замещение импорта собственной продукцией. При прямом финансировании или поддержке государства разворачивается программа строительства железных дорог. Создается крупный рынок промышленной продукции. Но, хотя, сохраняется прежняя структура экономики, опирающаяся в развитии на государственное участие, заметным становятся изменения в этой структуре – уменьшается доля государственного участия и растет доля частного сектора, который и становится доминирующим. Таким образом, как отмечают специалисты, наверное, впер-

вые за прошедшее время в истории России, экономический подъем стал результатом не государственных усилий, а самого общества¹⁹⁸.

В дальнейшем со сменой политического режима в 1917 году, советская власть столкнулась с той же издавна известной проблемой отставания страны в промышленном и техническом развитии. Поэтому новая, строго централизованная власть поставила задачу преодолеть в установленный срок разрыв в отставании и достичь уровня западных стран под страхом того, что «иначе нас сомнут». Процесс индустриализации стал осуществляться масштабно с участием огромных государственных средств и человеческих возможностей, когда обязанности по служению новому отечеству должны были осуществляться неизменно в условиях жесткой регулирующей роли партии и правительства.

Но эта система построения промышленного производства складывалась уже иначе, не используя частный капитал, существование которого исключалось социалистической системой хозяйства, основанной на государственной собственности. Оставался лишь уже известный в российской практике метод принуждения, дополненный широкой пропагандой особой роли труда во имя желаемого будущего, поддерживаемый в обществе, объединенном социалистической идеологией.

Следует отметить здесь понимание руководством страны связанности промышленно-технического развития с одновременным развитием науки и образования. Государство также вкладывало в эти сферы развития значительные средства. И мы знаем, что определенный успех был достигнут. Помним, в частности, впечатляющий успех в освоении космоса.

¹⁹⁸ См.: Гайдар Е.Т. Власть и собственность. – СПб.: Издательство «Норма». 2009. С. 232-235.

Что касается настоящего положения дел в стране относительно технического развития, во многом эта проблема решается в общем контексте развития экономики, современная особенность которой продолжает традицию, унаследованную еще с XV века, когда в условиях объединительной и оборонительной политики, хозяйственная деятельность стала подчиняться регулирующей силе государства, положившей уже тогда начало активному участию государства в решении экономических проблем.

Здесь следует отметить, что развитие самого государства по авторитарной модели логически оправдывало создание подобного механизма. Любопытным в этой связи становится такой эпизод из истории разработки основ советской системы власти, в которой деятельное участие принимал В.И. Ленин. Он считал, что в стране должна быть установлена политическая диктатура, которая будет твердой рукой поддерживать и насаждать монополизацию экономики¹⁹⁹.

Хотя с тех пор ушла в прошлое советская система, но некоторые ее элементы, которые органически вписывались в социалистический тип экономики в определенной мере сохранились и продолжают свое тормозящее действие в новых условиях. Как отмечают специалисты, говоря о причинах отставания России от других развитых экономик, одной из них служит традиционный этатизм российской экономики – то есть превышение меры регулирования ее со стороны государства²⁰⁰.

По мнению Владислава Иноземцева, проделавшего подробный разбор состояния российской экономики в наше время, это также преобладание в ней государственного сектора и такие ее черты, как сырье-

¹⁹⁹ См.: Гайдар Е.Т. Власть и собственность. С. 246.

²⁰⁰ Акунин Б. История Российского государства. Первая сверхдержава. С. 173.

вой характер и связанное с ним занижение ценности человеческого капитала, интеллекта и инноваций, а также ориентация на государственную монополизацию и недопущение какой бы то ни было несанкционированной конкуренции. В результате происходит дальнейшее огосударствление экономики, подавление предпринимательской инициативы и ухудшение бизнес-климата²⁰¹.

Таким образом, выявленные рядом специалистов причины технического отставания и особенности экономики, обусловившие это отставание в прошлом и настоящем, в сравнении с хозяйственной системой в странах Запада, которая сложилась с XVI века и продолжает действовать, обеспечивая промышленный и технический рост, позволяют предположить возможный путь развития нашей страны, который должен был бы состояться при исключении выявленных препятствий для хода его движения.

Подводя итог выявленным условиям в России, в которых складывалось промышленное производство, можно отметить, что несмотря на все усилия государства содействовать его росту, техническая мысль оставалась за бортом этого процесса, не зная экономического интереса и основанного на нем стимула для своего развития.

В этом, очевидно и состоит основное отличие от условий Западной Европы, которые обернулись явлением технического прогресса, в то время как в России — хроническим отставанием от стран Запада.

²⁰¹ См.: Иноземцев В. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. — М.: Альпина паблишер, 2018. С. 156, 157.

Библиографический список

1. Акунин Б. История Российского государства. Первая сверхдержава. — М.: Издательство АСТ. 2020.
2. Всемирная история — Минск, Современный литератор. 1999.
3. Гайдар Е.Т. Власть и собственность. — СПб.: Издательство «Норма». 2009.
4. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. — СПб.: Издательство «Норма». 2009.
5. Иванов И.Д. Патентная система современного капитализма. — М.: ЦНИИПИ. 1966.
6. Иноземцев В. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. — М.: Альпина паблишер. 2019.
7. История Европы — М.: Изд. Наука. 1993.
8. Ключевский В.О. Курс русской истории. В 3-х кн. Кн. 2. — Ростов-на-Дону. 1998.
9. Ключевский В.О. История сословий в России. — Минск: «Харвест». 2004.
10. Соловьев С.М. Курс Новой истории — М.: Изд. АСТ. 2003.
11. Тойнби Арнольд Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. — М.: АСТ, Изд. Астрель. 2011.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

ТЕДЕЕВ Астамур Анатольевич

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Высшая школа государственного аудита, профессор кафедры государственного аудита, член Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ, доктор юридических наук, кандидат экономических наук (1999 г. Москва, Ленинские горы, 1/13. +7(495) 930-00-02, ast7819@gmail.com)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СССР: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: государственный контроль; государственное управление; СССР; советские органы власти; партийные органы; финансовый контроль.

Аннотация: В основе контрольной деятельности советского государства были заложены принципы сочетания финансового и административного контроля. В статье прослеживаются закономерности трансформации системы органов государственного контроля в СССР. Проанализировано сходство полномочий органов контроля на различных этапах развития советского государства и сложившейся в СССР административно-командной системы управления.

В советский период государственный контроль всегда имел конституционную основу и последовательно осуществлялся Центральной контрольной коллегией ВЦИК (1917-1919), Наркоматом Рабоче-Крестьянских Инспекций (1920-1934), затем Комиссией советского контроля при СНК СССР и Главным военным контролем СССР (1934-1940), Наркоматом государственно-

го контроля СССР (1940-1946), потом Министерством государственного контроля СССР (1946-1957), Комиссией советского контроля Совета Министров СССР (1957-1961), Комиссией государственного контроля Совета министров СССР (1961-1962), Комитетом партийно-государственного контроля при ЦК КПСС и Совмине СССР (1962-1965), затем Комитет народного контроля СССР (1965-1990) и Контрольной палатой СССР (1991-1992).

Согласно положениям Декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР от 18 (31) января 1918 г. «Об образовании Центральной контрольной коллегии и местных учетно-контрольных коллегий и комиссиях» 202 учреждена была вертикально интегрированная система государственных контрольных органов, во главе с центральной контрольной коллегией, «для окончательной разработки и сводки ежемесячных данных и годовых отчетов, поступающих от губернских и районных учетных контрольных коллегий, для предварительного рассмотрения сметных, предположений по бюджету и контрольного заключения об исполнении его и для общего направления всей контрольной работы в стране». При этом нижестоящие учетно-контрольные коллегии в губерниях и районах имели как бы «парламентскую», представительную природу – образовывались Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

К компетенции учетно-контрольных коллегий отнесено было:

- 1) установление единообразия «в действиях и инструктировании местных контролирующих органов»;
- 2) разработка и сводка «данных, получаемых от них, для предварительного рассмотрения договоров и пр. и

²⁰² Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ). ф. 2, оп. 1, ед. хр. 5198 (ныне – Российский государственный архив социально-политической истории); Правда. 1918. 22 янв. № 17.

для ревизии учреждений по отчетам и балансам, а равно и для посылки фактических контролеров на места производства выплат и пр. места как для текущей, так и для внезапной ревизии» (то есть для осуществления не только предварительного и текущего контроля, но и для ревизионной работы – контроля последующего).

Первое временное положение о государственном контроле было утверждено Центральной коллегией 8 марта 1918 г.

В дальнейшем, какие бы институциональные изменения ни претерпевала система государственного контроля (например, А.Г. Андреев и Д.В. Никольский выделяют восемь этапов развития этой системы в СССР, а затем А.М. Тарасов, выделяет и девятый, переходный²⁰³), основная модель, – сочетание финансового и административно-управленческого контроля, оставалась неизменной.

При этом, как отмечает С.А. Месяц почти с самого начала, согласно замыслу В.И. Ленина, партийные контрольные органы были соединены с государственными: коллегия народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) фактически совпадала с Президиумом ЦКК, а председатель ЦКК являлся и наркомом РКИ. Такой порядок сохранялся до 17-го съезда (1934 г.), когда партийные и советские контрольные органы были разделены, но по-прежнему и Комиссия партийного контроля, и Комиссия советского контроля (КСК) избирались съездом партии.

После 1939 г. Комиссия советского контроля полностью превратилась в государственный орган. Съезд партии уже не имел никакого отношения к ее формированию. В 1962 г., в эпоху хрущевских реформ, сде-

²⁰³ См. подр.: Андреев А.Г., Никольский Д.В. К истории становления государственного финансового контроля в России. М.: Экономическая газета, 1999; Тарасов А.М. Государственный контроль в советский период: его сущность и этапы развития // Записки Горного института. 2003. Т. 154. С. 281-287.

лана попытка вновь соединить партийный контроль с государственным. Но в 1965 г. этот комитет был ликвидирован.

На XXVIII съезде в 1990 г. вновь была образована Центральная контрольная комиссия, независимая от Центрального комитета. Она выполняла только партийные контрольные функции: государственный контроль был закреплен за советскими органами²⁰⁴.

Наконец, необходимо напомнить о Контрольной палате СССР (июнь-декабрь 1991 г., юридически ликвидирована постановлением Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 3 февраля 1992 г.). В статье 1 закона Верховного Совета СССР от 16 мая 1991 г. № 2161-1 ее статус определялся так: «Контрольная палата СССР – высший орган финансово-экономического контроля в стране, действующий под руководством Верховного Совета СССР и подотчетный ему. Контрольная палата СССР осуществляет контроль за исполнением союзного бюджета, использованием общесоюзной собственности, находящейся в ведении Союза ССР, источниками и использованием доходов общесоюзных общественных объединений».

Палата была наделена широкими полномочиями. Например, она могла контролировать денежную эмиссию, использование кредитных и валютных ресурсов исполнительными и распорядительными органами Союза ССР, а также Государственным банком СССР.

Таким образом, в советский период органы государственного контроля осуществляли не только финансовый контроль, но и проверку исполнения решений правительства, укрепление государственной дисциплины и социалистической законности. Кроме того, в СССР «через них широкие массы трудящихся осуществляют право контроля в области экономики, хозяйственного

²⁰⁴ См.: Месяц С.А. История высших органов КПСС. 1898 – 1991 гг. Изд. второе, перераб. и доп. Красноярск, 2019. С. 214-215.

и культурного строительства, участвуют в управлении делами государства».

Библиографический список:

1. Андреев А.Г., Никольский Д.В. К истории становления государственного финансового контроля в России. М.: Экономическая газета, 1999.
2. Месяц С.А. История высших органов КПСС. 1898 – 1991 гг. Изд. второе, перераб. и доп. Красноярск, 2019.
3. Тарасов А.М. Государственный контроль в советский период: его сущность и этапы развития // Записки Горного института. 2003. Т. 154.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ГЕФТЕР Валентин Михайлович

Институт прав человека, директор, постоянный эксперт Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (129515, Москва, ул. акад. Королева д. 7, корп. 1, кв. 2; +7 (495) 602-21-28; vmgefter@mail.ru; hright@list.ru)

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ДИСКУССИИ НА КРУГЛОМ СТОЛЕ 27 ДЕКАБРЯ 2019 ГОДА²⁰⁵

Ключевые слова: свобода коммуникации; права личности; доступ к информации; общественный интерес; контроль государства; запрет цензуры.

Аннотация: В дискуссии об основаниях обеспечения свободы коммуникации в современном социуме приоритет отдан правам личности, а не общественному благу или интересам большинства. Это требует минимального вмешательства государства в процессы создания, хранения и распространения информации, переосмысления понятия цензуры в открытом обществе, пересмотра ряда положений действующего законодательства о свободе ассоциаций, в т.ч. в сфере некоммерческой коммуникации и публичного выражения мнений граждан и их объединений.

²⁰⁵ Имеется в виду традиционная ежегодная конференция по праву массовых коммуникаций, приуроченная к годовщине принятия Закона РФ от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации», которая прошла на Кафедре ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам НИУ «Высшая школа экономики» 27 декабря 2019 г.

Юридический и социологический анализ правового регулирования свободы деятельности средств массовой информации основан на положениях, которые обычно не обсуждаются, а, скорее, подразумеваются. При этом выступающими на конференции все же обозначены два подхода.

Один основан на приоритете общественных интересов, хотя остается неясным, кто и каким образом их легитимно определяет и наполняет практическим содержанием в той или иной публичной сфере. Очевидно, что при этом исходными являются представления большого числа людей, выявляемые согласно имеющимся структурам и алгоритмам.

Другой подход связан с парадигмой приоритета фундаментальных (естественных, неотъемлемых и универсальных) прав личности. В данном случае это свобода выражения мнений, право каждого человека на объединение и коммуникацию с другими людьми, создание, получение, хранение и распространение информации.

Конечно, реализация этих прав подразумевает, что их целью может быть достижение общественного блага или интересов большого или неопределенного круга лиц. Но первичным фактором служат не так или иначе понимаемые общественные интересы, достигаемые в результате деятельности одного либо группы индивидов, а исходные права и свободы этих людей. Только на их основе можно обнаружить и обосновать искомое общее благо, государственные либо групповые (корпоративные) интересы.

Поэтому проблемы правового регулирования того, что происходит в информационном пространстве, должны обосновываться необходимостью и возможностью ограничения конституционных прав личности, относящихся к данной сфере жизнедеятельности. Исходя из императива максимальной защищенности

каждого от любых посягательств на его фундаментальные права и свободы. Тем более, если они относятся к самовыражению личности, что за отдельными исключениями не представляет реальной угрозы другим людям, обществу и государству. Следовательно, первоочередной задачей правового государства является защита информационного пространства от любого вторжения, начиная с себя самого. И лишь при этом условии можно говорить о ситуациях, когда возникает необходимость законно ограничивать коммуникацию в открытом обществе.

Такая преамбула позволяет расширить поле нашей дискуссии, задавшись вопросом: насколько вообще необходимо присутствие государства с его законами, регулирующими деятельность частных лиц и образованных ими ассоциаций в публичном пространстве, хотя бы в той ее части, которая не связана с извлечением прибыли? Особенно в эпоху массовой коммуникации «без посредников», в первую очередь материальных средств ее обеспечения (типографий и издательств, кино- и телестудий, земельных участков под них, зданий и офисов под их редакции, технических помещений, складов и баз).

Зачем одному или нескольким людям сегодня решение государства на со-общение между собой или с широким либо неопределенным кругом лиц, на распространение и получение информации, на передачу изображений. иных продуктов творческой деятельности в некоммерческих целях? Если для этого необходимо найти «на стороне» материальные средства, чтобы произвести или купить искомый продукт, то существует множество способов это сделать на основе прямых контактов между людьми или их группами через банки и/или собирая пожертвования. При этом уплачивая налоги, как положено по закону для разного рода облагаемых ими транзакций. И для этого не нуж-

на регистрация в госорганах и отчетность перед ними о содержании своей некоммерческой деятельности. За необязательным исключением того, что непосредственно связано с государством в виде предоставляемых им грантов и льгот, помещений и средств связи, тем более, что государственной монополии на все это уже нет практически ни в одной сфере жизни. Но ведь частный обладатель таких ресурсов не нуждается в контроле за содержанием занятий тех, с кем у него заключен контракт: ему достаточно регулирования деловых взаимоотношений в рамках гражданского права или работы «на доверии».

Можно возразить, что кто-то же должен распределять, например, столь ограниченный ресурс как радиочастоты для целей радио- и телевещания. Но и тут рыночная конкуренция не может быть связана с содержанием контента; максимум, что допустимо, это ограничение монополии одних и тех же вещателей или его тематики, не нарушающее свободы слова и информации.

То есть, в нашем понимании можно свести к минимуму государственное присутствие в сфере массовых коммуникаций — до того момента, когда они нарушают права и свободы третьих лиц, которые должны быть защищены государством и специально принятыми на этот случай законами. Например, в ситуациях с применением или прямой угрозой насилия, реальной опасности для жизни и здоровья конкретных лиц, отъема собственности, доказанной дискриминации в трудовой или социальной сфере, а также если нарушены охраняемые законом интересы самого государства (охраняемые законом тайны).

Естественно, что в период отказа от тотального контроля государства за всеми формами жизни граждан потребовались законы, институты и процедуры, «высвобождавшие» общество из-под мо-

нопольного гнета советской власти, к тому же обусловленного известной идеологией и политической целесообразностью. И это сослужило свою службу при том, что государство освоило другие методы контроля над обществом, сначала с помощью экономических рычагов влияния. Но даже в условиях относительно свободного плавания в сфере СМИ стоит задуматься не об исправлении «перегибов», а о том, заложен ли в самом подходе к регулированию свободы массовой информации определенный водораздел между обществом (то есть гражданами, с их правами и свободами) и государством с его установкой на превентивное ограничение этих прав и свобод, предупреждающее нарушения законов и правил, которыми эти самые ограничения вводятся. Исходя из плохо обоснованной гипотезы о должном понимании представителями власти общественных интересов с опорой на мнение большей части населения, которое явным образом превалирует над самоограничением государственного контроля и регулирования частной жизни.

Отсюда следующий вопрос: почему наше внимание сосредоточено на борьбе за совершенствование действующего законодательства об НКО, СМИ и прочих видах ассоциаций людей, требующего всё большую прозрачность и ответственность перед государством, вместо того, чтобы максимально дистанцироваться от государства, оставив ему ограниченную возможность регулирования и вмешательства в частную, по сути, жизнь граждан. Даже если их деятельность (индивидуальная или групповая) подразумевает взаимоотношения с другими людьми — материальные или иные — её регулирование необходимо только тогда, когда граждане и их объединения сами не желают ограничиться выполнением тех или иных контрактов, заключенных ими с сообществом.

Если в случае нарушения подобных контрактов эти некоммерческие структуры не хотят третейского разрешения спора с помощью такого же негосударственного актора, а согласны прибегнуть к помощи государственных институтов, то такой путь тоже должен быть возможен. Но это государственное вмешательство следует минимизировать, а не расширять, что происходит все больше и больше.

Будущее мне видится именно в таком самоограничении государства, а не в совершенствовании механизмов регулирования общественных отношений посредством влияния на них со стороны государства. Оно призвано лишь защищать независимость и свободу межлического общения, прежде всего, от себя самого, а также от вмешательства иных лиц и сообществ, если права первых и законные интересы вторых не нарушены нашей коммуникативной деятельностью.

Применительно к юбилею – закону СССР о печати и других СМИ, принятому в самом конце советской эпохи,²⁰⁶ — это означает, что он мог бы быть заменен нормативным актом о свободе информации, позволяющим гражданам свободно создавать, передавать и распространять любые сведения и мнения, не запрещенные законодательством страны в соответствии с ее Конституцией. Это можно проиллюстрировать положением о цензуре: конституционный запрет ее должен быть развернут, возможно, в отдельной главе рядом положений о гарантиях ее недопущения в разных формах прямого или косвенного ограничения свободы выражения мнений. И дополнен введением различных мер предупреждения и наказания за попытки использования административного, финансово-хозяйственного и иного ресурсов в целях широко понимаемой цензуры. Времена Главлита ушли в прошлое, но про-

²⁰⁶ Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации» от 12 июня 1990 г. // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990, № 26, ст. 492.

тиводействие новейшим способам затыкания ртов необходимо прямо прописать в законе — в том числе, основанным на составлении списков запретной литературы и других источников информации, составляемым на основании решений многотысячных отрядов судей и прокуроров, не говоря уж об органах исполнительной власти.

Таким образом, востребовано регулирование не столько деятельности разных типов средств коммуникации (индивидуальной и коллективной), а их защита от вмешательства государства и иных лиц, чтобы восполнить недостающие нормы в законодательстве, посвященном любой некоммерческой активности граждан.

ABSTRACTS

Sergey V. POTAPENKO

Kuban State University, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Process and International Law, Associated member of the UNESCO Chair, Dr. of Law, Professor (350000, Krasnodar Region, Krasnodar, 43 Rashpilevskaya St.; tel.: +7(918)262-4650; email: potapenkosv@yandex.ru)

OPENNESS AND GLASNOST OF LEGAL PROCEEDINGS IN THE LIGHT OF THE CONCEPT OF INFORMATION POLICY OF THE JUDICIAL SYSTEM FOR 2020-2030

Keywords: *Keywords: principles of criminal, civil and administrative proceedings, openness and publicity of proceedings, the Concept of information policy of the judicial system.*

Synopsis: *The information policy of the judiciary is based on its interaction with the media, which is inextricably linked with the implementation of the principles of openness and transparency of justice. The article analyzes the similarities and differences of the principles of openness and publicity of criminal, civil and administrative proceedings in the light of The concept of information policy of the judicial system, which allowed to identify their content and features, problems of judicial law enforcement, as well as to determine ways to solve them.*

Mikhail A. FEDOTOV

National Research University "Higher School of Economics", Law Faculty, Chairholder of the UNESCO Chair, Doctor of Law, Professor, Honorable lawyer of RF (109028, Moscow, B. Trehsvyatitskiy lane, 3; tel.: +7(495)772-9590 # 23017; email: mfedotov@hse.ru)

ADMINISTRATIVE AMNESTY: LEGAL NATURE, HISTORY, PERSPECTIVES

Keywords: *draft of the new Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, institutions of Administrative Law, amnesty, administrative amnesty, criminal amnesty, migration amnesty, human rights.*

Synopsis: *The article examines the conceptual foundations of administrative amnesty as an institution of Russian Administrative law. The history of its origin, development and stagnation is revealed, the place of administrative amnesty among other types of amnesty is substantiated: criminal, migration, tax. Proposals are being formulated to consolidate the basic provisions of the administrative amnesty in the new Code on Administrative Offenses of the Russian Federation.*

Alexey G. DEYNEKO

*Kosygin State University of Russia, the Department of civil law and public law, assistant professor, Associated member of the UNESCO Chair, PhD in Law, (115035, Moscow, Sadovnicheskaya, 52/45
tel.: +7(910)437-4785; email: alexey-deyneko@mail.ru)*

ANONYMITY AS THE INHERENT NATURE OF CYBERSPACE

Keywords: legal theory, information law, anonymity, privacy, cyberspace, Internet, deanonymization, national security.

Abstract: This article aims to explore the legal nature of the concept «anonymity» of the subjects of relations that occur in information-telecommunication networks. Anonymity will be considered in two aspects: as the inherent nature of cyberspace and as one of the most important subjective rights in the structure of studied relationships. Also an interdisciplinary approach will be applied to this concept.

The article also analyzes the first results of amendments to the information legislation in terms of identification of users of cyberspace, adopted in 2017, as well as new legislative initiatives in this area, currently being considered in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation.

Inna Yu. PESHINA

National Research University “Higher School of Economics”, Law Faculty, Senior lecturer, (109028, Moscow, B.Trehsvyatitskiy lane, 3; tel.: +7(495)772-9590; email: ipeshina@hse.ru)

Iliya G. SHABLINSKIY

National Research University “Higher School of Economics”, Law Faculty, Associated member of the UNESCO Chair, Doctor of Law, Professor. (109028, Moscow, B. Trehsvyatitskiy lane, 3; tel.: +7(495)772-9590 # 23017; email: ishablin@hse.ru)

FREEDOM OF EXPRESSION OF JOURNALISTS: ANALYSIS OF THE ECHR JUDGMENT “SKUDAEVA V. RUSSIA”

Keywords: European Court of human rights; right to freedom of expression; rights of journalists; honor and dignity of an official; statements of fact; value judgements.

Synopsis: The confrontation between the free media and the state, represented by its institutions, is a problem not only in modern Russia, but also in other countries. Somewhere this confrontation is long-term, systemic in nature, somewhere there are isolated, but nevertheless, acute conflicts. The judgments of the European Court of Human Rights on complaints brought by journalists and the media on violations of article 10 of the Convention are not only a remarkable illustration of such conflicts, but also reminder for national courts to ensure freedom of the media in accordance with domestic legislation and international obligations assumed by States. In the case of Skudaeva v. Russia, we can see a clearly defined legal position of the ECtHR in application of article 10 of the Convention regarding freedom of expression of opinion of a journalist, assessing actions of the authorities. In its judgment, the European court stressed that national courts

should seek a balance between freedom of speech and freedom of the media, on the one hand, and the right of a public person to the protection of honor and dignity, on the other hand. The court also recalled the importance of distinguishing between information on facts and the journalist's value judgments in connection with the possibility of further evaluation of the journalist's statements in terms of reliability. The court pointed to the need for increased tolerance of public persons to criticism, stressing that the activities of officials can and should be criticized. The Court also noted that the restriction of freedom of expression is permissible, but in all cases must be justified by national courts in accordance with the principles and standards of article 10 of the Convention. In fact, the European Court has pointed out to national courts that it is inadmissible to prejudge the circumstances of a case in which a public person acts as a plaintiff, especially if he or she has public powers. In such disputes, the courts should be mindful of the role of the media in a democratic society, and if a journalist raised a socially significant issue by criticizing the authorities, the courts should take the part of him or her, despite the fact that the authorities might feel derogated.

Sergey I. SHUTKIN

Lomonosov Moscow State University, Higher School of State Audit (the Faculty), Master of the Department of Computer Law and Information Security (119992 Moscow, Leninskie Gory, 1, bld. 13; tel.: +7 977-551-94-47; email: shutkinsergei@gmail.com)

IS LEGAL PERSONHOOD OF AI POSSIBLE?

Keywords: *information law; artificial intelligence; AI; legal personality; intellectual property; copyright; information technology*

Synopsis: *The article is dedicated to problems of possibility of legal personhood of artificial intelligence. The research is based on philosophy of law and the existing regulation. Particularly the issues of authorship of artificial intelligence have been reviewed.*

Sona V. DE APRO

*Lomonosov Moscow State University,
Higher School of State Audit (the Faculty),
Master of the Department of Computer Law
and Information Security
(119992 Moscow, Leninskie Gory, 1, bld. 13,
tel. +7 (495) 939-41-45; email: s.deapro@yandex.ru)*

THE ROLE OF AN IT LAWYER IN SOLVING THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE INTERNET AND NETWORK MEDIA

Keywords: *network media, IT lawyer, legal regulation of information sphere, inter-professional cooperation.*

Synopsis: *The problems of legal regulation of the information and telecommunication network “Internet” and network media in the transboundary field of information and the digital transformation of the concept of the media under the influence of globalization, the digital economy and the emergence of new ways of disseminating information using information technology are considered. Within the framework of legal regulation of informational issues, inter-professional and intersectoral cooperation is proposed.*

Evgeniy N. MISLOVSKIY

*PhD in Law, associate member of the UNESCO Chair, member of the Presidential Council of the Civil Society Development and Human Rights, journal “Human Rights Defense”, editor-on-chief
(109028, Moscow, Bolshaya Kosinskaya, 27, office 111;
tel.: +7(985)222-4614; email: myslovsky2012@yandex.ru)*

IS E-JUSTICE POSSIBLE?

Keywords: *artificial intelligence, law enforcement, databases, emotions and creativity, digital information security, digital environment, law enforcement, judicial activities.*

Synopsis: *The article discusses the issues of the possible implementation of intelligent digital systems in the activities of law enforcement and judicial authorities.*

Galina I. TYSCKAYA

Russian State Intellectual Property Academy, The department of International Law And International Cooperation in Intellectual Property, assistant professor, PhD in Law (117279, Moscow, 55a Mikluho-Maklay st., tel.: +7(499) 288-7791, email: info@rgiis.ru)

**CONDITIONS FOR INDUSTRIAL AND
TECHNICAL DEVELOPMENT IN RUSSIA AND
THEIR DIFFERENCE FROM CONDITIONS IN
WESTERN EUROPE**

Keywords: *industry, capital, technical thought, invention, economical incentive.*

Synopsis: *The article is devoted study the conditions of industrial and technical development in Russia, and the differ from the conditions of west Europe and study the reasons of this distinction.*

ASTAMUR A. TEDEEV

Lomonosov Moscow State University, Higher School of State Audit (the Faculty), professor of the state audit department, member of the UNESCO Chair NRU HSE, Doctor of Law, Candidate of Economic Sciences (119992 Moscow, Leninskie Gory, 1, bld. 13; +7 (495) 930-00-02, email: ast7819@gmail.com)

**STATE CONTROL IN THE USSR: THE
ESSENCE AND FEATURES OF DEVELOPMENT**

Keywords: *state control; state administration; USSR; Soviet authorities; party bodies; financial control.*

Synopsis: *The control activities of the Soviet state were based on the principles of combining financial and administrative control. At the same time, the article traces the patterns of transformation of the system of state control bodies in the USSR. The article analyzes the similarity of the powers of the control bodies at different stages of the development of the Soviet state and the administrative command system of management that has developed in the USSR.*

Valentin M. GEFTER,

*Institute of Human Rights, director, permanent expert of the Presidential Council of the Civil Society Development and Human Rights
(129515, Moscow, academician Koroljev str., 7, bld. 1, app. 2;
+7 (495) 602-21-28; vmgefter@mail.ru; hright@list.ru)*

AFTERWORD TO THE DISCUSSION AT THE ROUND TABLE DECEMBER 27, 2019

Keywords: *freedom of communication, individual rights, access to information, public interest, state control, prohibition of censorship.*

Synopsis: *In the discussion about the grounds for ensuring freedom of communication in modern society, priority is given to the rights of the individual, rather than the public good or the interests of the majority. This requires minimal state intervention in the processes of creating, storing and disseminating information, rethinking the concept of censorship in an open society, revising a number of provisions of the current legislation on freedom of association, incl. in the field of non-commercial communication and public expression of opinions of citizens and their associations.*

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

• UNESCO Chair
• on Copyright, Neighboring,
• Cultural and Information Right
• National Research University
• Higher School of Economics (HSE),
• Moscow, Russian Federation

The history of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights dates back to June 1998, when the Director General of UNESCO and the President of the Griboedov' Institute of International Law and Economics (IILE) signed an Agreement on the establishment of the UNESCO Chair on Copyright and Other Intellectual Property Rights. Over the last years the UNESCO Chair has become the regional center of international cooperation on the issues of Intellectual Property Rights and Information Law in the Commonwealth of Independent States (CIS). It has assisted in the establishment of similar UNESCO Chairs in Belarus, Georgia and Moldova.

On March 20, 2009 the UNESCO Chair changed the host university. At present the UNESCO Chair is an International research and educational center at the Higher School of Economics (HSE University).

The UNESCO Chair conducts its work in cooperation with the RF Commission on UNESCO issues, with Sector of Culture and Sector of Communication and Information of the UNESCO Secretariat as well as with the UNESCO Institute for Information Technologies in Education.

The activity of the Chair has a comprehensive character and covers Copyright and Neighboring Rights, as well as Information Law, including Mass Media Law, Cyberspace Law, Artificial Intelligence etc.

The Chairholder is the Honorable Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Mikhail A. Fedotov. He has many years of teaching experience in different Law Schools. In the 1990s he has served as a Minister of Press

and Information of the RF, a Director General of the Russian Agency of Intellectual Property under the RF President, and he was the Permanent Representative of the Russian Federation to UNESCO, with the diplomatic rank of Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary. He is one of the authors of the Russian Media Law 1990-1991 and one of the creators of the Copyright Law 1993 along with some other federal acts. Since 2010 to 2019 he served as an Advisor to the President of RF and chairman of the Presidential Council for the Civil Society Development and Human Rights.

Today the UNESCO Chair is a large scientific team uniting leading experts working in different universities and research institutions, federal legislative and executive bodies, law firms, copyright societies, in different regions and even in different countries (including members from Belarus and Ukraine, the United States, Germany and other countries). They share common interest in the field of Intellectual Property Rights, Information Law, Media Law etc. Due to joint research activities of the UNESCO Chair members in 1998–2020 it has gained the position of a leading expert center in the Russian Federation.

The main spheres of the UNESCO Chair's activities in the abovementioned areas are as follows:

- conducting basic scientific researches and publishing their results in the scientific journal (quarterly) Works of the Intellectual Property, as well as on the Chair's website www.unescochair.ru;
- hosting conferences, seminars, presentations and other activities aimed to disseminate knowledge and technology;
- promoting the development of skills for scientific activities for educators, students and postgraduates of HSE, training graduate students on intellectual property right issues, and information law;
- popularization of contemporary approaches to the

creation, protection and use of intellectual property, development of information society and drafting of the law regulating the Internet and traditional media;

- rendering assistance to profile committees and the commissions of chambers of the Russian Parliament, to the RF Audit Chamber, as well as RF Constitutional and Supreme Courts, RF Public Chamber and other state bodies in the development of statutory acts and formation of the law-enforcement practice;
- providing scientific consultation to different organizations and individuals, whose activity deals with the creation, use and protection of intellectual and information products;
- creating original educational programs on the basis of the special teaching program prepared by UNESCO;
- cooperation with UNESCO, WIPO and other UN agencies as well as with the OSCE and the Council of Europe within the Chair's sphere of activities;
- establishing links with universities and scientific organizations in Russia and overseas, engaged in teaching and research;
- promotion of regional and international inter-university cooperation in the development of teaching and research;
- the analysis and systematization of existing legislation, enforcement practice and research results;
- other activities within the UNITWIN/UNESCO Chairs Program.

Contact information on the Chair:

Address for correspondence and visiting:
109028, Moscow, Bolshoy Trehsvyatitskiy lane, 3;
room 436; tel./fax: +7(495)772-9590 # 23017; 23018
www.hse.ru/unesco/; www.unescochair.ru;
email: mfedotov@hse.ru; rbudnik@hse.ru;
nyakimovskaya@hse.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Ежеквартальный научный журнал «Труды по интеллектуальной собственности» посвящен актуальным проблемам авторских, смежных, культурных и информационных прав, правового регулирования киберпространства, правового обеспечения развития технологий искусственного интеллекта.

Журнал вправе публиковать научные статьи по следующим специальностям: 12.00.01 — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, 12.00.02 — Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право, 12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.04 — Финансовое право; налоговое право; бюджетное право, 12.00.10 — Международное право; Европейское право, 12.00.11 — Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность, 12.00.13 — Информационное право, 12.00.14 — Административное право; административный процесс, 12.00.15 — Гражданский процесс; арбитражный процесс.

В журнале публикуются научные статьи, ранее не опубликованные и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Автор может опубликовать в одном номере журнала не более одного материала. Все материалы проверяются на наличие плагиата.

Плата за публикацию материалов не взимается ни в какой форме. Ввиду некоммерческого характера издания авторское вознаграждение не выплачивается.

Обязательные элементы издательского оформления материалов включают: сведения об авторах; заглавие материала; подзаголовочные данные; анно-

тацию; ключевые слова; сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал; приложения; пристатейный библиографический список. Допускается использовать дополнительные элементы издательского оформления. В обязательном порядке представляются также на английском языке: название статьи, аннотация, ключевые слова, фамилия, имя, отчество каждого автора. Отдельно необходимо указать контактный телефон и адрес электронной почты для оперативной связи, адрес с индексом для отправки номера журнала. По выходу журнала каждому автору бесплатно высылается авторский экземпляр журнала.

Объем материала, как правило, не должен превышать 1 п. л. (40 000 знаков).

Решение редакционного совета о принятии статьи к печати или ее отклонении сообщается авторам.

Электронные носители и рукописи авторам не возвращаются; рецензии на принятые материалы предоставляются авторам по их запросам.

Аннотации материалов, ключевые слова, информация об авторах будут находиться в свободном доступе на сайте Кафедры, в системах цитирования на русском и английском языках. Через год после выхода номера журнала в свет его полнотекстовая версия будет размещена на сайте Кафедры в свободном доступе.

Учредитель и издатель:
АНО «Творческий центр ЮНЕСКО»
Адрес редакции и издателя:
109028, г. Москва, Б.Трехсвятительский пер.,
д. 3, каб. 436.

Международный научно-образовательный центр
«Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву,
смежным, культурным
и информационным правам»
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
www.hse.ru/unesco/; www.unescochair.ru
mfedotov@hse.ru; rbudnik@hse.ru; nyakimovskaya@hse.ru

Подписано в печать 26.10.2020 г.
Формат 60х90 1/16. Печать офсетная.
Объем 13 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ 271
Отпечатано в типографии «Unipublish»

Свободная цена